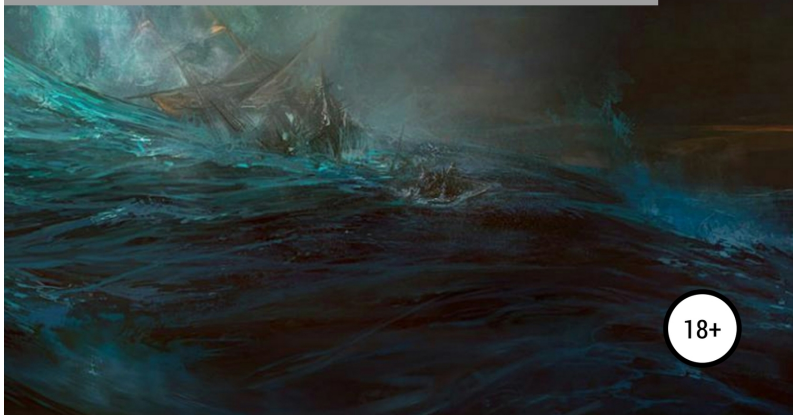

Лера Колосок

Белая ворона,

или Дневник ненормальной женщины

18+

Лера Владимировна Колосок

Белая ворона, или Дневник ненормальной женщины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42398147

SelfPub; 2019

Аннотация

Белая ворона – книга в книге. Героиня ведет дневник, как бы сама пишет о себе книгу, свои воспоминания, переживания. События переплетаются с настоящим и прошлым. Все, о чем она не может поделиться ни с кем, в положении горького одиночества. Дневник помогает ей выжить и не сойти с ума в трудной ситуации. Описан период начала перестройки.

Часть первая

Дневник

День первый.

Я глубоко несчастный человек – меня все обижают. Никто меня не любит. Меня все призирают и ненавидят, все надо мной смеются и издеваются. Почему на меня все орут и дразнят: я не уродка, не косая, не хромая, но каждый старается унижить, побольнее укусить. А я не боевая – никому не могу дать отпор. У меня позднее зажигание.

Когда на меня начинают кричать – у меня ступор, я становлюсь послушной овечкой, а потом я страдаю, переживаю, ненавижу себя. Начинаю прокручивать все в своем уме и думаю – почему я не ответила вот так, надо было сказать вот так. Надо было тоже заорать и вообще послать. Я начинаю злиться. У меня надолго портится настроение. Я не хочу ни с кем разговаривать, я замыкаюсь в себе, не сплю.

Я не хочу жить. Я хочу быстрее сдохнуть. Уйти из этой жизни. В этой жизни только неприятности, сплетни, все злые. Здесь живут только воры, убийцы, предатели, насмешники, лицемеры, гордецы. Меня даже не любят мои родные и близкие люди: мать, брат, только подсмеиваются надо мной. Все меня стараются только унижить, обвинить. Не так сказала, не так сделала, не так оделась, не так села, не так встала. Все мной командуют и хотят, чтобы я жила так как они

хотят, все учат и указывают как мне жить: что делать, что одевать, что есть, куда ходить, кого любить. А всего больше, когда обижают люди которых любишь.

Я решила вести дневник и записывать все свои воспоминания с самого раннего детства – все, что помню, чтобы понять, что со мной не так, почему я такая получилась некоммуникабельная, нерешительная, нелюдимая, ранимая, психованная, чтобы понять, как я дошла до такой жизни. Чтобы не сойти с ума. У меня нет друзей, подруг, с которыми можно поделиться своими переживаниями, посоветоваться.

Я еще с детства знала, что дневник – самый лучший друг, он никогда не предаст, не осудит и не посмеется над тобой. Ему можно доверять самые сокровенные тайны. Я в детстве уже вела дневник, записывала туда свои переживания за прошедший день, но мой любезный брат, любопытный, прочитал его, осмеял и долго потом мне портил кровь.

С тех пор я больше ничего не записывала, но сейчас со мной никого рядом нет, никто его не прочитает и не посмеется. Посмотришь кино или в книжках читаешь – у кого-то в жизни были наставники, советчики, друзья по жизни, которые их любили, помогали, научали, советовали. У кого-то есть старший брат или сестра, у кого-то мать или отец, друг или подруга, которые и в горе, и в радости. Всегда помогут, подскажут, пожалеют, посочувствуют, защитят. Или это только в кино и в книжках, все такие хорошие: отцы и братья, сестры и друзья. А в жизни все не так, в жизни все на-

оборот, каждый сам за себя. Почему в жизни все так плохо? Это у всех так или только у меня?

Я себя, конечно, не оправдываю. Может я действительно такая плохая? Может в детстве меня мало пороли, били и наказывали? Может за некоторые поступки надо было вообще прибить?

– Дорогой мой друг дневник, мне очень стыдно, но я, как на исповеди, буду все писать. Прости меня, но мне это очень нужно, чтобы понять себя, чтобы не наложить на себя руки потому, что этого делать нельзя ни в коем случае. Потому-что если Бог позволил мне прийти сюда на эту землю, в эту жизнь, я должна пройти этот путь, все круги, пусть даже ада, не сойти с дистанции раньше положенного часа и не сойти с ума от своих обид. Я должна понять свои ошибки, разобраться в своей жизни. А кто, кроме меня, может сделать это лучше?

А что мне еще остается делать? Но только начинаю думать о своей жизни – мысли, воспоминания, как рой пчел, кружатся, перебивая друг друга. Все так быстро мелькает, не знаю, что писать и только обида начинает душить, стыд обжигает сердце, слезы и бессонная ночь обеспечены. А когда начинаю писать – получается так медленно и все из головы вылетает, остается только злость на себя и в тоже время жалость. Почему я не такая как все? Почему я такая дура? Слезы заливают бумагу. Все, не могу больше писать! От слез ничего не вижу. Все, пошла реветь.

День второй.

Давно не писала. И вообще не хочу больше уже ничего писать. И зачем только я повелась на этот дневник? Зачем мне это вообще нужно? Понимаю. Нужно просто взять себя в руки. Ну как можно такое писать? Если бы можно было писать то, о чем потом будешь гордиться: о своих успехах, победах в спорте, в музыке, о героическом подвиге. А как можно писать о плохом? О том, о чем даже вспоминать-то стыдно. Все! Не хочу! Не буду! Отвяжись от меня, мой дневник!

День третий.

А что делать, когда одна радость в жизни – телевизор. А там тоже счастливая жизнь, семья, дети, любовь. Но эта счастливая жизнь не твоя и ты ненавидишь уже весь мир, чужой притворный мир. Я не верю – все лгут, притворяются и обманывают друг друга. Остается только одна радость в жизни – работа. Работа, работа, работа. А если уже нет сил больше работать?

Все болит: и руки, и ноги, и плечи, и голова, и сердце, и душа. Когда уже как загнанная лошадь и только пьешь горстями таблетки с едой и запиваешь их слезами одиночества и отчаяния. И уже хочется туда в ладошку положить еще одну таблетку, спасительную, чтобы уснуть и больше никогда уже не просыпаться.

Хочется навсегда покинуть этот мир, где все счастливы, радуются и смеются, смеются над тобой. И они не понимают, почему ты такая злая как собака. И они тебя учат как надо

жить так, как они живут. Но это их жизнь. А если ты не можешь жить так как они живут? Не можешь перешагнуть эту грань, которая называется совесть, стыд.

Значит, чтобы стать счастливой, успешной, нужно стать лживой, бессовестной? Спать с тем, кого не любишь? Обманывать и притворяться, что ты счастлива? Чтобы стать как все, ради имиджа? Чтобы все смотрели на тебя и завидовали, а по ночам тоже выть в подушку, а в душе, как и все, искать свое счастье и как все, плодить разврат и хаос? Зато будешь знать, что ты теперь как все.

День четвертый.

Я из неблагополучной семьи, как сейчас говорят. Отец любил выпить, отец отца и все его родственники и мамины многочисленные родственники частенько отмечали свои дни рождения. Отец рабочий, вернее сказать – разнорабочий, а мама с деревни, крестьянка. Можно сказать, что мои предки союз серпа и молота. Когда все дети учились в школе, я частенько прогуливала уроки, в школе мне не нравилось. Мои любимые предметы ботаника и арифметика, а позже география и домоводство. Потому, что там можно было покушать еду, которую мы сами учились готовить. Ну еще мне нравился русский язык и литература. В остальные предметы я не верила или не понимала.

Например, меня все время возмущало, что человек произошел от обезьяны. Я всегда считала, что это чушь и гово-

рила: почему же тогда другие обезьяны не превратились в человека? Физику и математику я вообще не понимала. В историю я не верила и считала ее враньем. Не дано мне было понимать иностранные языки и музыку. Хотя эти предметы мне очень нравились, но не было у меня к ним таланта и слуха.

В школе мне было не интересно. Я всегда смотрела в окно или разглядывала учительницу и учеников. Я не могла сосредоточиться и долго сидеть на одном месте, да еще и в замкнутом пространстве. Дома уроки не учила. Но, что интересно, каким-то образом материал понемногу усваивала, второгодницей никогда не была. Родители только и говорили, что надо учиться. А как учиться? Меня никто не учил как надо. Что нужно быть внимательной, слушать каждое слово учителя – я только сейчас стала это понимать. Меня еще в школе все раздражали: глупые мальчишки, хулиганы и девчонки-воображалы. Меня все обижали еще в школе, дразнили: то Зинка-корзинка, то Зинка – от трусов резинка, то Зинка – нос картошка, выгляни в окошко. Дергали за волосы, ставили подножки, толкали и пинали. Я сильно обижалась и никого не хотела видеть. Мне нравилось быть одной, чтобы никого не видеть и не слышать. Шум, суету и крики я не люблю. Мне нравилось быть на природе: гулять в скверике возле школы, слушать пенье птиц, наблюдать за букашками. Зимой разбивать ногами лед на лужах, бродить по снегу. Думать и размышлять, мечтать и наблюдать.

Я еще с детства была лунатиком. Мама рассказывала, что я по ночам ходила по комнате с закрытыми глазами. Выходила на улицу, а когда меня звали, я не отзывалась. Так похожу, похожу по комнате или по улице и опять ложусь спать. Но я этого не помнила.

Мама взяла мне путевку в пионерский лагерь от работы. Лагерь был в горах: свежий воздух, сосны, ели, природа – мне очень нравилось. Я гуляла весь день по горам. Через неделю утром меня разбудили и начали ругать, почему я так плохо себя веду, почему я ночью пугаю детей. Я ничего не понимала, что вообще происходит, за что меня ругают, что я натворила. Пионервожатый меня наказал.

А наказание было такое. Нужно было стоять лицом к стене поднимая руки вверх и тереть носом стенку. Потом еще проверяли, чтобы нос был в известке. Довольно унижительно. Все над тобой смеются и дразнят. И вот утром они устроили мне товарищеский суд. Все дети говорили какая я плохая, ругали меня, а вожатый пристал:

–Зачем ты детей пугаешь по ночам? Почему не спишь, а ходишь по корпусу, тебя видели. А я ни сном, ни духом, ничего понять не могу, за что меня ругают, в чем я провинилась. Потом из разговоров я поняла, оказывается, я встала ночью, подошла к кровати одной девочки, стояла возле нее, она испугалась и описалась. Но я ничего не помню. Значит я еще с детства уже была не нормальная. Я еще с детства была противная, меня все обижали, ненавидели, все надо мной

смеялись. Меня никто не любил.

Потом меня посадили в автобус одну, и как преступника, повезли домой в город, в школу. Я всю дорогу плакала, мне так не хотелось оттуда уезжать. Когда приехала домой я поняла, почему меня увезли из лагеря. Оказывается, моя мама рубила дрова, топор сорвался и на левой руке она сильно содрала шкуру до кости. Она пошла в школу и со слезами просила, чтобы обратно привезли домой дочь помогать по хозяйству, готовить еду, стирать, работать в огороде.

Отец мой был любитель пить пиво и вино. Когда не пьет, у него золотые руки. Когда приходил домой пьяный, брал половник и прямо из кастрюли ел суп. Когда насытится, бил на отмашку по кастрюле кулаком от злости, весь суп был на полу. Потом по ночам он нас с братом воспитывал, проверял дневники, порол ремнем за двойки и ставил на колени. Мы должны были стоять, пока не попросим прощения:

—Папа простите, мы больше не будем, будем хорошо учиться и слушаться папу и маму.

Мы уходили спать, а он сидел за столом, сильно скрипел зубами, матерился, бил кулаком по столу. Потом у него опять появлялись отцовские чувства, он опять требовал дневники, порол ремнем, ставил на колени. Мама за нас заступалась:

—Я буду стоять на коленях за детей, только не трогай детей! Под утро, наплакавшись, злой и обиженный, он засыпал, положив голову на руки прямо на столе. Мама шла на работу, а мы в школу.

Когда не было дома отца и матери, меня доставал старший брат, бил меня кулаками и ногами. Он подходил ко мне сзади, держал руками мои плечи а коленками, то правой, то левой, бил меня по заднице по очереди. Прыгал на меня сзади сверху, висел, а когда я падала на пол, он катался на мне, держа меня за волосы:

–Но, давай лошадка, поехали!

Когда я шла, ставил мне подножки, пинал меня по заднице ногами. Прятался и выпрыгивал из-за угла, пугал меня, прыгал сверху, когда я пугалась и падала, он сильно смеялся, дразнил, обзывал. Вот так он развлекался, вот такой у меня был веселый брат. А когда я плакала от обиды, он подходил, гладил меня по голове, улыбался и ласково-ехидно спрашивал:

–Кто тебя обидел, сестренка?

Наверно на нервной почве, я сильно чесалась. Расчесывала в кровь руки, ноги, голову, тело – везде, где доставали мои руки. По всему телу у меня от расчесов были болячки, особенно на руках и ногах. Мама водила меня по врачам. Мне делали уколы, выписывали таблетки, мази. Делали переливание крови. Но ничего не помогало. Из-за этого меня не брали в садик, не пускали в баню, не записывали в кружки, меня сторонились взрослые и дети.

Мама взяла в поликлинике справку, что это не заразная болезнь и показывала ее в бане. Баня в поселке была одна. Я с утра занимала очередь в мужское и женское отделение сразу

и весь день ее караулила, а к вечеру мы заходили. Иногда отец брал номер в ванную комнату на час, это был просто праздник для меня. Сначала я плескалась в ванной, потом меня быстро мыли в тазике, пока я сидела в предбаннике мыли брата, потом отец с мамой домывались. Но это было, когда мы были еще маленькие.

Мама меня мазала всем, что посоветуют ей знакомые женщины: мазями, настоями трав. Одна добрая женщина, в кавычках, посоветовала намазать меня конским навозом. Это было просто ужас! Это все равно, что сыпать соль на рану. Я обливалась слезами, но терпела, а куда деваться? Отец придумал мне средство от чесотки. На ночь он надевал мне на руки рабочие рукавицы, завязывал их на запястье веревкой, а утром их снимал и проверял руки, ноги, тело и радовался:

– Вот видите, за ночь свежих расчесов нет. Самое лучшее лечение без мазей и уколов. Но один умный врач, профессор, сказал маме:

– Не мучайте девочку, у нее неправильный обмен веществ на нервной почве, когда она станет девушкой, нервная система укрепитя и у нее все прекратится само. И правда, когда я повзрослела, болячек не стало. Но когда я нервничаю, или травы попыю, лекарство, фрукты – тоже начинается сильный зуд.

А вообще я долго спокойно сидеть не могу, даже минуту, обязательно где-то чешу, но контролирую себя, чтобы до болячек не доходило. Особенно неприятно, когда ночью

спишь, а где-то начинает чесаться, а если подошва ног, это просто ужасно, там ведь щекотно. Иногда, когда сильно перенвичваю, даже спать не могу, сяду и чешусь вся.

И так я еще с детства получила комплекс неполноценного ребенка. Да еще нищета. В детстве я всегда была голодная. Радовалась, когда раз в неделю в школьной столовой давали по стакану бесплатного молока. Все дети морщились, не допивали молоко, а я смотрела и думала, какие они счастливые, сытые. Это был для меня праздник.

Когда все дети убегали из класса домой, я открывала каждую парту по очереди, если посчастливится найти там кусочек хлеба, я с радостью ела его. Дорога домой проходила через заводской двор, там стояли деревянные зонтики, как грибочки, там рабочие шлифовали мрамор на улице. Когда я шла со школы их уже никого не было, я заглядывала под зонтики и иногда находила там завернутый в газету хлеб.

На перемене девочка из нашего класса Галя достала из портфеля огромную, аппетитную, глянцевую булочку, посыпанную сверху сахаром, так её аппетитно ела. Булочка была такая большая, красивая, а я была такая голодная, как всегда, что я насмелилась и попросила у нее:

–Галя, дай немного булочки покушать.

Я сидела за партой и смотрела на нее снизу, а она стояла рядом, она мне тогда казалась королевой.

–Попрошайка! Сказала она, капризно скривив губы. Мне было так стыдно, что я запомнила этот случай на всю жизнь

и как бы мне не было трудно или голодно в жизни, как бы я нуждалась в деньгах, я никогда ни у кого не занимала и не просила ничего.

Иногда я после школы ходила к маме на работу. Она работала мотористкой на бетономешалке. Она наливала мне чай и давала хлеб. А потом мы с ней после работы шли домой вместе. Когда я была с мамой – я была счастлива. Я ее очень любила. После школы, чтобы не встречаться с братом, я бросала портфель в сарае и схватив кусок хлеба из дома, весь день бегала по улице по подружкам, там кто-нибудь меня кормил.

А иногда я до самого вечера была голодной. Я терпела, только бы не встречаться с братом. Приходила домой тогда, когда дома была мама, отрезала горбушку хлеба, посыпала ее сахаром и ела, запивая водой. Когда приходила мама с работы, она топила печь, сразу было тепло и хорошо в доме, готовила еду, доставала с погреба большой алюминиевый таз с помидорами, огурцами, капустой.

Солонина была очень вкусная, сочная, аппетитная, все свое с огорода. Я, не дожидаясь, когда помидоры согреются, снимала с них тонкую шкурку и вместе со льдом ела их. Мама давала деньги, я вприпрыжку бежала в магазин за хлебом. По дороге из магазина я не могла удержаться и всегда обгрызала горбушку у горячего, ароматного хлеба. Дома меня сильно ругали, но я все равно всегда обкусывала края хрустящего, ароматного кирпичика, даже не замечая этого. Я и

сейчас очень люблю горбушки свежего хлеба.

Когда мама готовила борщ на печке, я ставила свою алюминиевую детскую кастрюльку на край плиты и смотрела, что мама бросает в большую кастрюлю и бросала в свою сначала картофель, капусту, потом заправку. Отец брал с плиты мою кастрюльку, кушал и нахваливал:

—Моя дочь, какой вкусный суп приготовила, моя доченька, хозяйюшка, умница! А у матери не вкусный, я даже пробовать не буду.

Когда в 5 классе преподавали домоводство, я начала готовить еду на всю семью. Отец спрашивал:

—Зина готовила? Ох, вкусно! Моя доченька приготовила! Отец любил меня. За это меня не любили брат и мама потому, что ненавидели отца. А моя мама любила больше моего брата, больше, чем меня, я это чувствовала, хотя она говорила, что любит обоих детей одинаково.

День пятый.

Я не нормальная. Я наверно больная женщина. Я злая, я всех ненавижу. Сдерживаю себя, когда сильно злюсь, чтобы кого ни будь не убить. Я на грани. Мне кажется, что если меня сильно разозлить, то я кого ни будь покусая от злости. Записываю в дневник все мои переживания, страхи и страдания, чтобы не попасть в психоневрологическую больницу, хотя мне уже все равно, но все же растением я не хочу заканчивать свою жизнь. Как-то после сильной депрессии и бессонницы я зашла в психушку. Думаю, может меня по-

лечат гипнозом от бессонницы. Пока стояла в очереди в регистратуру, ко мне подошел парень. Мы разговорились. Он сказал, что убил человека и теперь притворяется ненормальным, чтобы его не посадили в тюрьму. Он мне сказал:

—Вы еще молодая, бегите отсюда быстрее и подальше, не связывайтесь с этой организацией, пока они вас не сделали растением. Отсюда обратной дороги нет, не ломайте свою жизнь, ищите другие средства от своей бессонницы.

Мне скоро будет 30 лет, через каких-то пару лет. У меня нет ни мужа, ни детей, ни любовников. Да и подруг у меня уже никаких нет. Я разочаровалась во всем, даже в жизни. И зачем я живу, пребываю на этой земле, я даже не знаю, какая от меня польза. Да никакой. Выйду на улицу, люди как мураши бегают, суетятся, толкают в автобусах друг друга. Как собаки злые набрасываются друг на друга, кричат, дерутся.

А я одна среди всей этой муравьиной возни, смотрю на них с удивлением, наблюдаю за спектаклем, как зритель в театре. И никому до меня нет дела, я как невидимка во всей этой толпе. И мне ни до кого нет дела, смотрю на них и ненавижу всех сразу и каждого в отдельности. Все такие злые, каждый что-то кому-то доказывает, оскорбляет, хамит, унижает, люди забыли элементарное уважение друг к другу. Я никогда не вмешиваюсь, чтобы не опускаться до их уровня, мне и так-то без них хреново. Я представляю себя на месте обиженного и мне становится так стыдно, неприятно и жалко, я сильно переживаю. Нет, я не могу больше писать, сле-

зы застилают глаза, падают на бумагу. Все. Не могу писать. Лучше пойду сейчас на улицу и кого-нибудь покусаю.

День шестой.

Гадина, сволочь! Продавщица в магазине настроение опять мне испортила, хоть вообще ни с кем не общайся. Тупица, дура, я ей говорю:

–Дайте мне колу не с холодильника, не холодную. Она говорит:

–Возьмите в холодильнике сами. Я ей говорю:

–Мне не с холодильника, не холодную. Она опять мне:

–Возьмите в холодильнике, она не холодная. Меня уже начало трясти. Говорю:

–Я же вам говорю, мне не с холодильника, мне нельзя холодную, у меня горло болит. Она мне опять.

–А я тебе говорю, там не холодная.

Гадина, сволочь, тупица! Как только я ее не покусала, сдержалась, а так хотелось. Так хотелось запустить в нее чем-нибудь в ее тупую башку, расцарапать своими когтями ее противную рожу, так она же гадина милицию вызовет. Приходится сдерживать себя в рамках приличия. Просто иногда зла не хватает. Когда я очень злая, мне очень нравится бить стеклянную или фарфоровую посуду, просто кайф какой-то. Правда потом очень жалко посуду, дорогое удовольствие, посуда то дорогая.

Была бы я богатая, била бы посуду каждый день. Но я при-

думала – старую или надколотую посуду складываю в кучку в укромное место. А потом, когда сильно разозлюсь, достаю ее и с большим удовольствием, со всего размаху, разбиваю ее о стенку. А металлическую еще лучше, она сразу не колется только гнется, но и удовольствия по меньше, нет того особенного звона, зато ее можно использовать для этих целей многократно.

Показывали по телевизору, в Японии раньше на производстве выделяли комнату, в ней стояли манекены начальников. Каждый из рабочих мог зайти, взять палку или руками, ногами бить сколько ему захочется обидевшего его начальника. Хорошо снимает стресс. Вот бы у нас такие продавались, купила бы себе парочку: мужчину и женщину. Хотя можно и одного. Обидела женщина, нарядила манекена женщиной, приклеила ей фотографию обидчицы, если есть, пинай ее сколько хочешь, можешь даже плевать ей в рожу, тебе ничего за это не будет. Нервы успокаивает и физкультура для похудения, полезно, такой тренажер – сразу два в одном.

День седьмой.

Поехала я утром в ЦУМ на трамвае. Людей много, давка, меня там чуть не поломали всю. Вдавили меня вплотную к оконному стеклу, а поручень в ребра уперся, стою терплю, а что делать? Трамвай остановился, вышли сразу человек 10 на остановке. Смотрю, а трамвай и не сильно полный был, оказывается, это они возле меня все скопились и давили.

А один парень мне прямо так в глаза смотрел. Вышла я из трамвая, смотрю, а у меня сумка порезана, хотя я ее крепко прижимала к груди, как это произошло – не могу понять. Вытащили кошелек, денег правда не много было, но главное – вытащили паспорт и пропуск. Я весь день переживала, плакала, как теперь без документов жить. Сколько справок теперь собирать, бегать по кабинетам, сколько времени тратить на восстановление. А вечером звонок в дверь, открываю, стоит парень и улыбается:

–Я нашел ваши документы. И подает мне их, я взяла.

–А где ты их нашел?

–В микрорайоне на остановке на земле лежали. Я бы хотел получить вознаграждение, я все же привез их вам. С первой Алма-Аты ехал, время потратил.

–Ах, тебе еще надо вознаграждение? У меня сегодня сумку в трамвае порезали, вытащили деньги и документы. Я сейчас вызову милицию и пусть они с тобой разбираются, где ты их нашел! Так он вниз по лестнице так побежал, аж пятки засверкали.

–Вот гад, сволочь, развелось паразитов на белом свете. Работать никто не хочет. Вознаграждение ему подавай! Наладили бизнес. И наверно дают люди, раз он пришел, значит надеялся, что ему заплатят, значит ему платили. А если люди не будут им платать, может они и документы воровать не будут, зачем?

Рассказала я этот случай своей соседке. Она говорит:

– Это еще что! Вот со мной что произошло на прошлой неделе. Поехала я на барахолку, долго копила деньги, хотела себе купить хорошую, дорогую шубу. Обошла всю барахолку, везде останавливалась, мерила, приценивалась.

Спустилась в переход, думаю – перекушу где не-будь, подумаю, какую из них брать или не брать. Дорого, но денег хватало. Иду, навстречу мне парень выхватил у меня из рук кошелек и побежал, да так быстро, разве я его догоню на своих каблуках? А в переходе никого не было, кричала, кричала, вылезла из перехода, кричала, а его и след уже давно простыл.

Ходила и редела, вот дура, почему сразу не взяла, пошла думать, теперь ни шубы, ни денег. Вечером скорую вызывали, чуть не сдохла, сердечный приступ был, еле откачали. Пока ходила по отделам с дорогими шубами, там меня видно и приметили, скажут: значит деньги у нее есть. Муж говорит: пасли тебя, видят – разиня одна ходит. Ой, как вспомню, с сердцем плохо становится, на одних лекарствах только и живу. Не знаю теперь, когда успокоюсь. Развелось гадов на земле, паразитов, как теперь жить на свете. Как их матушка земля носит, гадов.

День восьмой.

Долго не писала, почти месяц. У меня была депрессия. Я никого не хотела видеть, ни с кем не хотела общаться, даже писать больше ничего не хотела. Приходила с работы, ложи-

лась и лежала как овощ на грядке, перед телевизором. Голова пустая, тупая, погода плохая не летняя. Сегодня воскресенье, на улице дождь, ничего неохота делать. Великая не хочу-ха. Вообще я думаю, что во мне скрываются два человека, один злой, который все время хочет кого-нибудь убить, когда злится. Другой трусливый. Я всех боюсь. И вот тот, который всех боится, говорит тому, который хочет кого-нибудь убить:

–Если ты кого-нибудь убьешь, тебя посадят в тюрьму. А в тюрьму трусливый конечно же не хочет, он боится тюрьмы. А если он боится, значит он трус. Ой! Я уже ничего не понимаю, по-моему, там даже не два сидят, там их много. Там еще один сидит, который по ночам со мной разговаривает, спать не дает. Спать хочу, лягу, а он начинает свою беседу – внушает, воспитывает, все нудит и нудит. Я уже говорю, что все поняла с первого раза, хватит уже повторять, хватит болтать, достал уже, заткнись! Я лежу, лежу, смотрю – уже 2 часа ночи, кушать хочу, встаю, открываю холодильник:

–Нет, колбасу нельзя, могу растолстеть. Покушаю лучше печенье с водой. Лягу, лежу, лежу, опять не могу уснуть – он там меня все воспитывает. Воспоминания всякие в голову толкает и прокручивает все подробно в деталях, с переживаниями. Не могу уснуть, смотрю – уже 4 часа ночи. Опять кушать хочу.

Разозлюсь, отрежу колбасы с хлебом и чаем. Вот так я и порчу свою прекрасную фигуру, потихоньку набираю килограммы. Из-за этого я сильно злюсь, а когда я злюсь, я сильно

хочу кушать. Это просто какой-то замкнутый круг. А в последнее время я почти не сплю, уже через ночь или две. По-моему, там во мне еще и обжора сидит и не дает мне спать. Какой я все же многогранный человек! И как они там во мне все помещаются и уживаются между собой – не представляю.

А может, там только двое сидят: один плохой, другой хороший. Один хороший, назову его Ангел света, он советует и заставляет делать хорошие, полезные, добрые дела, успокаивает, поднимает настроение. Обращает мое внимание на природу, цветы, пенье птиц, радуется. А другой, плохой, злобный, он там сидит и злится, когда мне хорошо, значит – ему плохо, он ведь злобный, он там так злится, что меня, ни с того ни с сего, начинает все раздражать.

Иногда просто трясет от злости, он заставляет делать плохое. А может они там еще и ссорятся, мне от этого становится так плохо, что я начинаю впадать в депрессию. Или нет? Хорошего, наверно, нельзя разозлить, он ведь хороший, он не должен злиться. Он, наверно, сидит и хохочет над плохим, когда ему плохо. А как бы сделать так, чтобы этот хороший взял бы и задавил там этого плохого так, чтобы он там даже не пикнул и не приставал ко мне, особенно по ночам со своими глупыми разговорами. Непонятно.

Хорошо у кого есть умные друзья или образованные родители. А у меня полный кошмар! Отец мой был пьяница, отец моего отца тоже был пьяница. И все их родственники

тоже пьющие. И с маминой стороны тоже самое, такие плохие у меня гены, что поделаешь? С чего мне быть умной и воспитанной. В наследство от родственников не досталось мне ни ума, ни денег. Одна начальница на работе хвасталась:

—У меня родители образованные, богатые и мне дали хорошее образование, я закончила институт. Потому я здесь начальник, а вы подчиненные. А другая ей говорит:

—Вот если бы у меня были твои родители, а у тебя мои. Я бы тоже получила высшее образование и была бы начальницей, а ты была бы у меня подчиненной. Так что не надо хвастаться. Твоей заслуги здесь нет, тебе просто повезло с родителями с самого детства.

День девятый.

Ой, так неохота писать и зачем я только повелась на этот дневник? Жила себе спокойно, завела себе молчаливого друга. Я такая великая лентяйка, ничего неохота делать. Я лучше на диване полежу спокойненько, телевизор посмотрю. Стоп! Но похоже это все же работает. Надо же, я меньше стала злиться, я стала спокойней.

В начале дневника одни крики, одни нервы, а теперь я даже стала лентяйкой. Спасибо тебе, дружок, за помощь! Это гораздо лучше, чем пить алкоголь или лекарства от депрессии. Потом последствия необратимые. Или делиться с кем ни будь своими переживаниями, проблемами, потом пойдут сплетни, осуждения. Ведь кто о тебе что-то узнает, если ты

об этом не расскажешь?

Все получают о нас информацию от нас же самих, мы сами им все о себе рассказываем, а потом удивляемся откуда идут сплетни. А если ты никому ничего о себе не рассказываешь, никто о тебе ничего не узнает. Язык наш – враг наш. А дневник? Он же никому ничего никогда не расскажет, он ведь наш молчаливый друг. С ним поделишься, сразу тебе становится лучше. Только есть одно и самое главное условие, надежно прятать своего друга от посторонних глаз. И тогда все будет хорошо.

Ой, я сейчас вспомнила такой безобразный случай из моего детства. Но ты же, мой дружок, никому не расскажешь, тебе можно все доверять. Как я дружила с соседским мальчиком Сережей, вернее не дружила, а так в куклы играли. Он был не как мальчик по характеру и по поведению, скорее – девочка. С мальчиками он никогда не водился, только с девочками. Он жил в другой половине нашего дома. Мама пожалела свою троюродную сестру с тремя детьми: Толик, Валя и Сережа, который был самый младший.

Мама пустила их в наш дом, в большую комнату. Дверь заложили саманом, а с другой стороны проделали дверь, вот так они там все и жили. Другие дети были немного старше. Мама устроила ее к себе на работу, на бетонку. Потом она написала заявление на работе, что она живет на квартире и платит деньги. И ей дали квартиру хорошую, большую, как матери-одиночке.

А пока они у нас жили, мы с Сережей в куклы играли, которые, правда, сами себе и делали. Набивали тряпки опилками, рисовали лицо. Волосы делали из старых капроновых чулок наших мам. Как-то сидели мы с ним в саду, сколько нам лет было – не помню, но в школу уже ходили, наверно, во второй или третий класс. И как я до этого додумалась, даже не представляю, короче – говорю ему:

–А давай играть в семью. Ты папа, я мама, а это наши дочки. Так, поужинали и все пошли спать. А мы с тобой муж с женой, а ночью муж с женой писю в писю засовывают, что бы дети были. И это так приятно, что они охают. Вот дура-то была! Он говорит:

–Давай! Я муж, а ты жена. А как засовывать? Сели мы друг к другу лицом, ноги раздвинули в стороны и давай засовывать. Ну, сунули и сидим, сидим, ждем, когда приятно будет. Так и сидели. Но ничего не происходило, ничего приятного не было. Потом начали в сказку играть. Я говорю:

–Давай я буду спящая красавица, заколдованная кощеем, а ты должен меня расколдовать поцелуем. Я легла на скамейку, он подошел и поцеловал меня в щечку.

–Да не так! Что ты в щечку, надо в губы, сильно, чтоб расколдовать. Начала показывать ему как надо. Интересно, откуда это я тогда знала, как надо, сама не знаю. Может по телевизору видела. Отец с мамой отправляли нас с братом спать, а сами ночью фильмы для взрослых смотрели. А мы с братом шторку приподнимем, ляжем на пол и смотрим.

Сереза начал меня целовать в губы, сильно, как я ему показала. И так мы с ним на расколдовывались, что у меня губы все распухли, их никуда не спрячешь. А брат мой старший все видел и вечером маме рассказал, как мы играли, предатель. Когда я легла спать, она откинула одеяло и так меня отшлепала по голой заднице, что потом еще и задница распухла, горела огнем. Это хорошо, что он другое не видел.

Встретились мы с Серезей через много лет. Он работал в ресторане официантом. Он стал таким высоким, стройным и красивым парнем. Но остался такой же кокеткой. Жена ему накручивала волосы на плойку, делала укладку волос, красила ресницы, делала маникюр. Как-то он мне сказал:

—Как вспомню, как мы с тобой дурачились в детстве, что творили, так смех разбирает, неужели все это было с нами? А мне было очень стыдно вспоминать об этом, особенно слышать об этом от него.

Отец. Когда мы были маленькие, он был очень хороший, не пил. Он построил наш дом сам на болоте, под горкой. Вот додумался, как будто места получше не нашел. На окраине поселка тогда все строились кто и где хотел. Горка была из чистой глины. Он ее подкапывал, мешал в яме с соломой глину, закладывал в формы, сушил их и получались саманы как кирпичи на постройку. Из этих самых кирпичей он и построил наш дом.

В яму засыпают глину, соломру рубленную, воду, потом ногами ходят и перемешивают. Я помню, как еще в школу

не ходила, тоже мешала глину своими маленькими ножками. Он сам построил весь дом, даже рамы, косяки и двери сам выстругивал. Он был невысокого роста, потому и дом у нас был небольшой, спальня, кухня и зал. Потолки невысокие, косяки еще ниже и потому, кто приходил к нам в дом чуть выше отца, ударялись головой о косяк, если не склоняли голову, потом долго матерились.

Мы подрастали, вода постепенно с болота уходила. Отец вырыл колодец, у нас в доме была всегда вкусная, чистая, ключевая водица. После замеса саманов образовалась глубокая яма, отец ее почистил и у нас перед домом был большой, чистый пруд. К нам прибегали местные ребяташки со всей округи, мы там летом купались и загорали.

Рядом он построил плотину, чтобы был выход к дороге. А в плотине проложил огромную трубу, которая наполняла пруд водой. Был прекрасный огород и сад. Мама выращивала огурцы, помидоры, капусту и все солила на зиму в больших дубовых бочках, все хранилось в погребе. Под горкой образовался подкоп, где отец брал глину, теперь это был зимний погреб. У нас всю зиму были полезные и вкусные продукты.

Сверху горки на солнышке выращивали картошку. Внизу был фруктовый сад. Было все. Вишня, черешня, яблони, сливы, дерево ранета. Что интересно, я наблюдала за этим странным деревом ранета в детстве, когда на западной стороне уже завязывались яблочки на ветках, то на восточной стороне он только еще цвел. Такое вот странное явление при-

роды.

Мама нам варила варенье из всего. Заливала его в большие ведра и баки. Возьмешь ложку с кухни, выйдешь на веранду, присядешь на корточки и прямо с ведра ешь варенье. Как-то пропали все ложки из кухни. Куда делись? А они все лежат там на веранде, рядом с вареньем.

В болоте росли камыши, квакали по вечерам лягушки. Зимой, когда вода в болоте вся замерзала, мы играли в камышах. Болото простиралось на большой территории вдоль домов, за день его и не обойдешь. Петька мой ровесник, Алла его сестра, на год младше меня и Сергей, обычно мы собирались рядом с нашим домом. А я была заводила, всегда что-нибудь придумывала:

—А давайте построим здесь тайный штаб, будем здесь всегда собираться. Осенью построили небольшой шалаш из камышей.

—А давайте каждый из дома будет приносить еду, если вдруг кто-то устанет, может прийти тут отдохнуть, покушать. Это я, конечно, себя имела в виду, бедная, вечно голодная девчонка. Они все начали тащить еду из дома: кто сгущенку, кто конфеты, печенья, пряники. Но одной кушать мне совесть не позволяла, кушали все вместе.

Потом Петька стал оказывать мне знаки внимания, улыбаться. Лет по 11 нам было. Смотрит, потом краснеет, глаза отводит, когда я на него посмотрю. То цветочек какой подарит. А как-то подарил мне сердечко, сам сплел из латунной

проволами. Мы с ним оба покраснели от смущения. Как-то я нечаянно услышала разговор Петьки с братом:

–Твоя сестра мне очень нравится, я хочу ее поцеловать, но сильно ее боюсь. Она такая боевая, просто пацан. А как с ней в первую брачную ночь спать? К ней полезешь – она же драться будет. В детстве на улице я была драчунья. Кто меня из мальчиков обижал или дразнил, я догоняла и била их портфелем. А еще мне нравилось: возьму мальчика за одну руку и за одну ногу, раскручу и брошу, конечно не на землю, в опилки.

У нас возле дома сваливали с машин опилки. Мы из них выбирали палки на дрова в печку. В опилках рыли ямы, норы, играли в прятки с соседскими ребятами, кто приходил с соседних домов. Было шумно и весело. Я взяла и сразу рассказала Сережке, что люблю Петьку. А Сережка взял и разболтал всем, и Петьке тоже. Было так стыдно, хоть на улицу не выходи. И я придумала сказку и рассказала брату, надеясь, что он всем расскажет, что я хожу в секцию боевого искусства, а туда набирают только проверенных парней.

–Вот я и хотела проверить Сережку, а он оказался болтун. А брат говорит:

–А ты проверь меня, расскажи мне что-нибудь по секрету, я никому не расскажу. А что его проверять – он весь на виду, все маме про меня рассказывает, да, еще и приврет. С ним и так все ясно. С ним в разведку не пойдешь, сразу предаст, ябеда.

На 23 февраля, я подарила Петьке открытку, смотрю идет.
–Здорово.

–Здравствуй Петя.

Сказала я культурно, ласковым голосом. Так он мне на 8 марта чулки капроновые, черные со стрелкой подарил, такие модные. Хоть стой, хоть падай. Мне так стыдно было, я чуть-чуть не расплакалась. А вообще, хороший мальчик был, жалко, что я его сильно стеснялась и боялась. Видимо и он тоже.

Я поняла, почему мы не выходим замуж и не женимся на любимых – мы просто трусливые. Выбираем, что попроще, а потом всю жизнь жалеем, кусаем локти или страдаем от нелюбимых и храним в памяти счастливые моменты свои несбывшиеся мечты. Почему так?

Шли годы, мы выросли, потом Петька начал встречаться и дружить с красавицей Кирой. У нее были длинные, до пояса, русые волосы, длинные ресницы, красивая одежда и фигура. Куда мне до нее. А меня он все же продолжал любить тайно. Когда в компании собиралась молодежь, он с ней целовался, а смотрел на меня. Почему?

Дорога проходила мимо его дома. Иду, а там из динамика на всю улицу начала звучать песня Антонова:

–Для меня нет тебя прекрасней,

Но ловлю я твой взор напрасно.

Как виденье неуловимо,

Каждый день ты проходишь мимо.

Ну, что это еще может означать? Понятно. Сейчас я пони-

маю, что это было не что иное, как объяснение в любви. Но тогда я уже знала, что он не свободный, у них любовь, да и мне он больше ничего не предлагал. Кира проводила Петра в армию, клялась ему в вечной любви, плакала, а когда он через год пришел на побывку домой, она уже была с большим животом, бежала за ним и кричала:

—Петя я тебя люблю! Как это вообще понимать мужчинам, если даже я, женщина, не могу понять ее поступок? Тогда с его вечеринки я ушла домой пораньше, а он за мной пошел, проводил меня, а возле дома начал целовать меня так страстно, завалил меня в камышах, прямо в нашем штабе.

Но я не такая была, чтобы меня можно было, кому не лень, в камышах. Случайные связи мне не нужны. Мне всегда хотелось романтики, чтобы была свадьба, была семья. Я всегда боялась забеременеть без мужа. Потом как жить? Одной с ребенком на руках, осуждение, сплетни. Потом я его встретила много лет спустя, он был уже женатый, ребенок. Он объяснился мне в любви, предложил встречаться. Но я с женатыми не встречаюсь принципиально, мне или все, или ничего. Мне разборки с их женами не нужны.

День десятый.

Вернее, не день, а ночь. Потому, что я днем не пишу, мне или лень, или некогда. Пишу только по ночам, когда не могу уснуть. Когда воспоминания не дают мне спать и заполняют все мое сознание и роятся как пчелы в улье. Потому, что по

ночам, как я уже говорила, один придурок не дает мне спать, который отвечает за мои воспоминания и обиды. И тогда я встаю и начинаю писать и плакаться. Может он меня жалеет. Но если он меня жалеет, дал бы лучше забыть все и дал бы мне лучше поспать. А то:

–Вот, ты вспомни, как тебя в детстве обижали. Я начинаю все вспоминать, начинаю себя жалеть и плакать. Обычно у людей о детстве только самые хорошие воспоминания. Еще его называют беззаботным детством. А у меня? Ничего хорошего вспомнить не могу, только плохое. Мама все время ругалась с отцом:

–Только свою глотку все заливаешь. Хоть бы детям раз в жизни конфеты купил. И он купил, один раз в жизни карамель в фантиках. Пришел домой с кульком конфет. Конфеты держит в левой руке, а правой берет из кулька конфеты и натмашь бросает их на пол. Они разлетаются по всей комнате под стол, под кровати, под шкаф, куда Бог пошлет. Такой сеятель... Так все конфеты по комнате раскидал и говорит:

–Собирайте, сволочи конфеты, отец вам конфеты купил! Если хоть одна останется на полу, увижу где-нибудь, буду за каждую пороть! Ешьте, отец вам купил!

Осенью поехали всей семьей за город, на свежий воздух, в горы, в сады. Там, после сбора общего урожая, можно было собирать яблоки падалицу, если сторож не увидит. Которые не сильно гнилые – набрали, привезли домой. Наш заботливый отец дома взял нож, очистил все яблоки от гнилья и ак-

куратно в доме сложил под кровать. Мы с братом, пока они свежие были, кушали. Но они уже на следующий день начали пропадать и гнить, их уже в руки нельзя было взять, не то что кушать. Через 3 дня слышим крики отца из дома:

– Это свиньи, твари, скоты, а не дети! Я вам как людям почистил яблоки, а вы свиньи неблагодарные, не могли пожрать их, сгноили все! Твари неблагодарные, скоты! Мы с братом разбежались кто куда, хорошо, что еще не холодно было в саду, чтобы отец нас не выпорол.

– Вовка, Зина, где вы твари есть, сейчас носом вас буду тыкать в гнилые яблоки, вы у меня их все сожрете, свиньи неблагодарные!

Отец пошел в магазин, бывало и такое. Но я не помню, чтобы он покупал продукты. Так, пиво или вино себе, которое выпивал по дороге. Продукты всегда покупала мама. Когда у нее получка или аванс, она старалась побольше набрать. Шла она с большими кульками: макароны, крупы, конфеты, печенья. Столько, сколько в руках она может унести. Это был для нас праздник. Она никогда от нас ничего не прятала. Она выкладывала все на стол и говорила:

– Ешьте сколько хотите, хотите – за раз, хотите – растягивайте, сколько хотите – столько и ешьте. Она старалась побольше потратить денег на продукты потому, что отец все время просил у нее денег на пиво. А если он принесет деньги и отдаст, потом просит у нее, просит, она разозлится и все ему их выкидывает.

—На, подавись своими деньгами, только глотку свою заливаешь. Когда я маленькая была, брат бегал в магазин за продуктами, когда подросла, я бегала.

—Зина, вот тебе рубль, купи капусту, мясо, картошку, томат. Раньше на рубль можно было купить продукты и сварить на всю семью кастрюлю супа. Когда мама послала меня за сахаром 78 копеек. А я такая хитрая была еще с детства, отдам продавцу 70 копеек. Она мне насыплет сахар, а на 8 копеек я себе еще и конфет куплю. Думаю, мама же не будет взвешивать, а там не заметно — 1 килограмм или меньше.

И вот пошел мой отец в магазин за вином, пиво он пил в пивнушке. А я за ним увязалась и начала просить:

—Папа купи вафли, папа купи вафли шоколадные. Я шоколадные люблю. Он сильно злился на меня, но все же купил, но не шоколадные, а молочные. А они такие приторно сладкие, я такие не люблю. Грамм 200 взял и заставил их все за раз съесть по дороге. Я немного съела, 2 штуки.

—Папа, купи лимонад, я пить хочу.

—Ешь вафли, чтобы ты их все сейчас при мне съела, я тебя на всю жизнь отучу есть эти вафли. Ешь все, чтобы я видел.

—Они мне уже не лезут, я пить хочу! А он мне их в рот сует.

—Ешь, я сказал, ты у меня на всю жизнь эти вафли запомнишь! Помню, потом мне было так плохо, тошнило, а лимонад он мне так и не купил, пришлось пить воду с колонки.

После этого я действительно долго не могла даже смотреть на эти вафли, а когда видела, вспоминала этот случай с отцом.

Часть вторая

Нечаянная встреча

Приятельница с прошлой работы Таня пригласила Зину на смотрины своего ребенка. Зина нашла дома новые полотенчики, купила игрушки и пошла в гости. Было шумно и весело, был накрыт большой стол, было пиво, шампанское и водка. Зина пила только пиво, она не хотела быть пьяной.

—Почему-то я пьяная, хотя пила только пиво?

—А это пиво девятка, это крепкое пиво, с него быстро пьянеешь. Сказал муж Тани. Зина немного посидела и поспешила домой. До дома она шла пешком. Была хорошая, весенняя погода, светило теплое, ласковое солнышко. Голова слегка кружилась, все казалось нереальным, сказочным: и люди, и дома, и деревья, но домой идти совсем не хотелось.

—Что дома? Ничего хорошего – пустая квартира с кошками и котятками. Зина присела на скамейку в скверике. Рядом проходили люди, молодые влюбленные пары, держались за руки, вокруг бегали, играли и смеялись детишки. Проходили мамы с колясками, вокруг были чужие люди, чужие судьбы, вокруг была жизнь, чужая жизнь. Только Зина сидела одна, грустная, одинокая, на пустой решетчатой скамейке.

Она недавно вышла из семейного счастья. Где была любовь, семья, прекрасное человеческое дитя. В ее ушах еще

звучала музыка, смех и громкий разговор взрослых и плач ребенка. И вокруг нее на улице было много счастья, веселья, любви. И лишь она сидела одна, бесхозная, никем не занятая, никем не любимая, никому не нужная. Мысленно она разговаривала с собой, размышляла о несправедливости судьбы по отношению к ней и тихо себя жалела, молча глядя в одну точку, глотая слезы, тихо сходила с ума. В солидарность с ней начала портиться погода, солнце скрылось, начал моросить мелкий дождик. А она думала:

—Если бы можно было взять и превратиться в дождик, разрушиться на миллиарды мелких капелек и пролиться в землю, на асфальт, на деревья, на прохожих. В миллиарды маленьких капелек-слезинок и исчезнуть, впитаться в землю, чтобы хоть какая-то польза была от моей жизни, от моей смерти.

А потом на солнце засветиться радугой и мелкими капельками бриллиантов на деревьях и цветах, и исчезнуть, высохнуть, переливаясь в лучах солнца. Ей от этого становилось еще больше себя жалко. Она поставила локти на колени, закрыла ладошками лицо и тихо вздыхала, медленно покачиваясь из стороны в сторону от душевной боли и горького одиночества. В ее сердце уже не было ни злобы, ни ненависти, ни радости. Она покорно приготовилась встречать свою одинокую, безрадостную старость.

—А кому я уже нужна? Мне скоро уже будет 30 лет. Я уже почти старушка, переспелая невеста, как говорили мне зна-

комые. Куча навоза, как меня называл мой брат. Если меня даже мои родственники не любят, кто меня тогда может еще полюбить? От этих мыслей ей стало еще больнее, тоскливее и горче. И от этого у нее еще сильнее покатались слезы из глаз.

–Все. Это уже тупик, ни мужа, ни детей, ни друзей, ни работы. Может быть мне повезет, я промокну, простыну и умру. На этом все ее мысли закончились, она погрузилась в небытие, в ожидании приговора судьбы.

Она не сразу услышала и не поняла рядом с собой тихий, нежный, ласковый, как ручеек, голос. Она открыла глаза не поднимая головы. Рядом с ней на скамейке сидел мужчина. Она увидела его черные туфли, черные брюки, подняла голову. На нем была черная рубашка, надетая поверх черной футболки. У него были черные, не коротко остриженные, волосы, добрая и искренняя улыбка.

Он ничего не спрашивал, только тихо говорил глядя в ее влажные от слез глаза. Он говорил так тихо, что она начала прислушиваться, начала слушать его с большим вниманием. Он говорил о Боге и называл ее сестрой. Было так приятно его участие, даже дождик перестал моросить. Он был симпатичный, высокий, худощавый. Она внимательно смотрела в его глубокие, черные глаза и ничего уже не понимала. Она только поняла, что Бог ее любит. Он взял ее тихонько под руку, она как загипнотизированная встала и пошла с ним рядом, слушая как песню его тихий, нежный голос.

Проснулась она утром от боли внизу живота, хотелось в туалет, от пенья птиц. В окна светило яркое, ласковое солнце. Она лежала в просторной комнате, на разложенном диване, в своей одежде, под легким пледом. Прошла по комнатам, кухня была чуть поменьше комнаты, где она спала. Две другие еще меньше кухни. В доме никого не было, было уютно и прохладно, приятно пахло свежим испеченным хлебом. Она вышла на улицу, сразу в саду увидела маленький домик, сходила по нужде. Начала обходить сад. В углу она увидела знакомого мужчину, он лопатой копал огород. Увидев ее, он поставил лопату, подошел к ней и тихим, ласковым голосом сказал:

—С добрым утром. Потом они обошли весь сад, он показывал, где у него, что растет: малина, смородина, крыжовник. Была ранняя весна. Природа только начинала лениво просыпаться от зимнего сна. Но все же кое-где начали появляться зеленые блестящие листочки и упрямые ранние росточки. На завтрак был свежеиспеченный, ароматный хлеб с его мини пекарни и рисовая каша с тушенкой. Зина, ошалевшая от такой резкой перемены в своей жизни, ходила как во сне и думала, что скоро проснется, а ей так не хотелось. Потому она просто решила наслаждаться жизнью и не о чем не думать. Было воскресенье, было чудесно и восхитительно. А вечером он читал ей Библию и рассказывал о Боге.

Понедельник. Рабочий день. Он работал электриком. Когда пошел на работу, поцеловал ее в щечку и назвал ее хо-

зляюшкой. Это было все. Волна счастья пробежала по ее телу, и она поняла, что пропала, утонула, растворилась в своей любви к нему. Она была так счастлива, что хотелось петь, плясать и прыгать от радости как в нежной юности.

Она вспомнила, когда ей еще не было 15 лет, она была влюблена в соседского парня, ровесника Игорька. Она не знала, как обратить его внимание на себя. Он дружил с ее братом. Иногда заходил к ним, они с братом куда-то уходили, а ей становилось грустно. Брат провел телефонный провод от себя к нему, он жил по соседству, купил 2 аппарата. Зина пришла из школы, видит Игорь идет к себе домой, тоже со школы, она почувствовала, что он сейчас позвонит. Села у телефона, ждет звонок, сердечко застучало от волнения, когда зазвонил телефон.

—А брата нет дома. Сказала она, заикаясь, дрожащим от волнения голосом.

—Ну давай поговорим с тобой. И так, когда брата не было дома, они иногда разговаривали по телефону. Как-то, уже летом, Игорь зашел, а брата не было дома, он попросил воды, было очень жарко. Зина набрала воду в бокал, а с руки обрызгала его водой, начала с ним заигрывать. Он удивленно посмотрел на нее.

—А сегодня день Ивана-Купалы. Это она сама только что придумала. Он попил немного воды и плеснул на нее оставшуюся воду. Зина выбежала на улицу, набрала с крана воды в другой бокал, плеснула на него. И так они начали обливать

друг друга водой. Они так смеялись, бегали из комнаты в комнату друг за другом, набирали на улице воду и обливали друг друга.

Зина видела его счастливые, лучезарные, озорные глаза, обрамленные густыми черными ресницами, до чего они были красивые, слушала его завораживающий смех. Теперь она разглядела его так близко, его прекрасную спортивную фигуру, его гибкий, подвижный стан. О, как он был хорош! Что можно было утонуть и пропасть в его бездонных, искрометных глазах.

И вдруг он остановился, стал серьезным, глаза начали разглядывать ее пристально, ее упругую грудь и ореолу вокруг торчащих сосков. Она посмотрела на себя, ее легкое ситцевое платье прилипло к ногам, оно промокло. Он смотрел, не отрываясь, на нее своими огромными, прекрасными глазами, полными желания и любви. На ее грудь, лифчик она еще не носила, а груди уже начали наливаться и были довольно большие. Она увидела, что платье так промокло, что она начала вся просвечиваться. Мама ее воспитывала в строгости. Она так засмушалась, забежала домой, он так раззадорился и забежал за ней с бокалом.

–Мне надо переодеться, выйди. Сказала она так тихо, краснея от стыда.

–Ну, почему? Давай еще поиграем. Он так смотрел на нее, как влюбленный Ромео, а она, прикрывая одной рукой грудь, другой трусики, сгорала от стыда, закусывая губы и чуть не

плача от страха. А он стоял, не уходил и смотрел на нее. Он был такой серьезный, полный желанием и любви.

–Уходи! Он нежно улыбнулся ей и двинулся к ней всем телом.

–Уходи. Закричала она, морщась от нахлынувших слез.

–Дикарка. Ухмыльнулся он, поставил бокал на стол, глядя на нее обиженными глазами и ушел.

Когда она переделалась в сухое платье, она села на кровать, закрыла лицо руками.

–О Боже! Как он смотрел на меня, он полюбил меня. Она соскочила с кровати, она начала кружиться по комнате в вальсе, потом начала танцевать как балерина и пела.

–Я танцевать хочу, я танцевать хочу.

До самого утра. Как будто два крыла

Природа мне дала, пришла моя пора.

Когда Зина видела по телевизору балет, она повторяла движение балерин. Она просила маму, чтобы она отвела ее в балетный кружок. Она мечтала стать балериной. Мама говорила:

–Ну какая с тебя балерина, кто тебя возьмет с твоими болячками. Тут вон в баню с тобой не пускают, балерина. Стрекоза вертлявая. Зина была очень подвижная, все время кружилась, прыгала и исполняла движения танцев балерины. О, как она была тогда счастлива, как она была молода, хороша и наивна.

Так незаметно пролетела неделя как один день. Зина каж-

дую ночь спала в своей проходной комнате на разложенном диване. Он в другой комнате, угловой, в маленькой спальне. Он был приветлив, ласков, нежно улыбался. А она все больше восхищалась им. Она никогда еще в своей жизни не встречала таких тактичных и порядочных мужчин. Она считала, что все мужчины грубые, наглые, лицемерные, только пьют, дерутся и матерятся.

Сегодня суббота. Он затопил баню и предложил ей пойти вместе с ним.

–Как? Вдвоем? Удивленно посмотрела Зина на Володю.

–Да. А что в этом предосудительного. Но самое странное для Зины было то, что он разделся догола и шмыгнул в парилку. Она была в шоке. Она сильно стеснялась, закуталась в большое полотенце и сидела в предбаннике. Он вышел с парной и как ни в чем не бывало, присел у печки и начал подкидывать дрова. Она совсем ошалела. С одной стороны, ей так хотелось все там рассмотреть, как вы думаете, первый раз увидеть живого, голого, взрослого мужчину. Хотя она видела молодых мужчин на пляже, но они тогда были все в плавках.

Когда Зина была маленькой, училась в младших классах. В бане она дотянулась до крючка и открыла дверь в мужское отделение. Она открыла рот от удивления. Смотрела и не понимала, что это были за люди. Они были похожи на обычных людей, но у них почему-то не было груди, как она привыкла видеть женщин в бане. Да еще впереди, внизу живота, между

ног, висело какое-то мясо. Мама увидела эту картину, оттянула ее от двери и сильно отшлепала ее по заднице. Тогда она забыла этот случай, а сейчас почему-то вспомнила. А сейчас она сидела на скамейке в предбаннике, выпучив глаза, прикрыв разинутый рот ладошкой, как можно больше прикрывая полотенцем свое оголенное тело. Ей было так стыдно и страшно. За себя и за него.

—Почему он так себя ведет? Как будто я вовсе и не женщина, не человек. Непонятно было. Или он меня не воспринимает как женщину, или просто дразнит или проверяет? Она терялась в догадках.

—Что сидим? Иди в парилку.

Она лежала на верхней полке в парилке, обалдевшая до глубины души и боялась выходить. Ей все время казалось, что он сейчас зайдет, набросится на нее, или будет приставать, когда она лежала одна на диване. А тут оба голые, было страшно. Но ничего не происходило. Он вел себя так же спокойно, непринужденно и приветливо. Она все больше обалдевала, она сильно стеснялась и сидела все время завернутой в полотенце. Когда он выходил из парной, она, опустив голову из-под лба, смотрела на него, ей так хотелось там все рассмотреть. Когда он в очередной раз вышел из парной, она увидела, что внизу живота, очень низко, прилепился листочек от веника. Она захихикала:

—Ой! А у тебя там листочек приклеился. Володя посмотрел на свой живот.

–Ты, что туда смотришь? Сказал он, недовольно глядя на Зину. Когда она зашла в парилку, она чуть не плакала, ей было так стыдно. Он открыл дверь в парилку и зашел.

–Давай-ка я тебя попарю веничком. После этого она немного успокоилась, шок постепенно начинал проходить. Он увлеченно рассказывал о пользе бани. Они пили чай на травах с малиной и медом.

После бани она долго не могла уснуть, все думала, что после бани он придет к ней, залезет под одеяло.

–Интересно, как это будет? Как это вообще бывает? Он там у него такой большой, куда это все влезет? Наверно будет очень больно. При малейшем скрипе кровати в его комнате она вся тряслась от страха. Ждала, что вот сейчас это все случится. Она уже млела от желания и представляла его жаркие, нежные поцелуи и его сильные руки, которые будут ее страстно обнимать.

Но ничего так и не происходило. Страсти у нее к нему не было, только удивление и вопросы, вопросы, вопросы, на которые она никак не могла себе ответить. Было такое чувство, что она попала на другую планету или в другое измерение провалилась, настолько все было неправдоподобно и неестественно, все сильно отличалось от ее прежней жизни. С одной стороны, было такое уважение и доверие к нему, восторг, а иногда обида и непонимание.

–Как это так? Я что, пустое место для него? Ведь так в жизни не бывает, чтобы мужчина вообще никак не реагиру-

вал на женщину. Он молодой, здоровый, красивый мужчина, тогда в чем же дело?

В понедельник он сообщил, что у него ночное дежурство на работе.

—Я боюсь оставаться одна в пустом доме, я поеду домой. Сказала Зина.

—Ну, я надеюсь, что ты вернешься? Володя дал ей ключи от своего дома.

—Я буду ждать тебя с нетерпением. Он ей мило улыбнулся и поцеловал в щечку.

И только в автобусе, по дороге домой, она пришла в себя от его чар.

—Нужно взять хлеб и молоко кошкам. И тут ее как током ударило.

—О Боже! У меня же там осталась кошка Лада, ее дочь Бог-Ира и котят. Когда уходила, я налила им большую тарелку молока с хлебом, но это было неделю назад. Боже, что там с ними? Я точно не нормальная. Да ничего с ними не произошло, все хорошо. Ничего с ними не случилось. Все нормально. Котята сосали титьки Лады, а большие кошки, что-нибудь, да найдут. Успокаивала себя Зина. Она думала, когда откроет дверь своей квартиры к ней на встречу подбегут Лада, Бог-Ира и куча подросших котят.

Открывает дверь. На встречу ей из другой комнаты прыжками выскочила Бог-Ира. А Лада лежала на диване и смотрела на нее грустными глазами.

—О Боже! Воскликнула она от удивления. В зале по паласу были разбросаны мертвые котята, а у одного котенка туловища не было, только голова, из которой лохмотьями висело мясо. Стало понятно, что его туловище было съедено. И судя по поведению Бог-Иры, это съела она.

Зина накрошила две тарелки хлеба, залила молоком, поднесла к тарелке обессилевшую Ладу. Она немного попила молоко, обиженно посмотрела на свою хозяйку, потом попила еще и стала медленно языком слизывать молоко с усов. Зина открыла входную дверь, Бог-Ира пулей выскочила на улицу. Зина со слезами собрала котят в целлофановый пакет и выкинула в мусорные баки. Было страшно ночевать в этой ужасной квартире, она поехала к Володе домой. Неизвестно почему, ноги под брюками сильно начали чесаться, она подумала, что на нервной почве. Когда пришел Володя с работы домой, она его спросила, можно ли ей привести свою кошечку к нему домой.

—А то она там одна в квартире голодная будет жить.

—Ты хозяйюшка, хочешь привози, пусть бегаёт здесь на природе.

Когда Зина приехала на квартиру, у нее опять начали сильно чесаться ноги под брюками. Когда она приподняла низ брюк, то увидела мелкие красные точки, она поняла, что это блохи от умерших котят. Купила дезинфекцию от блох, закрутила как кокон Ладу в полотенце, чтобы кошка не оцарапала, оставила одну голову открытой, положила ее

под куртку. Свое лицо завязала полотенцем, оставила одни глаза, быстро залила все паласы в квартире, выскочила.

Приехала в дом Володи, обрызгала полотенце дезинфекцией, замотала Ладу, прижала ее к своей груди. Она закрыла глаза от удовольствия, что любимая хозяйка рядом. Приготовила теплую воду с шампунем в тазике, начала купать кошку. Она так перепугалась, вырывалась, кусалась, рычала, исцарапала Зине все руки в кровь, она никогда не любила купаться.

Зина замотала ее в сухое полотенце, прижала испуганную кошку к груди, потом завернула во второе полотенце, в третье. Наконец ее уже можно было отпускать на солнышко сушиться. Она долго облизывала себя и умывалась, наконец, когда ее шубка совсем обсохла, она прилегла на травку на солнышке и мирно дремала. Иногда она поднимала голову и посматривала на Зину, где она, убедившись, что хозяйка рядом с ней в огороде, она снова дремала, свернувшись в калач.

Володя не задавал Зине вопросов о ее прошлой жизни, о работе, ничего не рассказывал о себе. Он приходил с работы в 6 часов, кушал, выходил в сад, любовался огородом, ее работой и садился за компьютер. Ложился он рано в 8-9 часов, вставал в 6 часов утра, делал гимнастику, завтракал и поцеловав Зину в щечку, с нежной и загадочной улыбкой уходил на работу. Зина утром выходила в сад, огород, она была здесь королевой.

Купила рассаду помидор, цветов, семена, сеяла и сажала,

ходила в магазин, готовила ужин. Она была очень счастлива, ходила как дурочка с глупой улыбкой, копалась в земле с любовью и с трепетом, ожидала вечера и прихода Володи с работы. Она была счастлива, что кому-то нужна, тем более такому красивому, интеллигентному мужчине.

Меж тем весна продолжала буйствовать. Расцветали огромные кусты сирени, яблони, вишни, сливы, все преобразалось каждый день. За две недели все позеленело, зацвело, преобразилось. Полет бабочек, пенье птиц, душа пела и взлетала выше облаков. Только в их отношениях ничего не происходило. Они были похожи на пенсионную семейную пару, как будто они уже давно жили вместе и привыкли друг к другу. Она начала переживать, может что-то в ней не так. Может она немного полновата, может он любит стройных. Или наоборот, может она худощава, может он любит полных. Вкусы то у всех людей разные.

—Что он обо мне думает? Что он думает о будущем со мной? Она начала вспоминать случаи из своей жизни, как относились, как вели себя с ней другие мужчины.

Славик. Ходили в кино, провожал до дома, целовались до 12 часов в саду под окнами, страсть, любовь. Потом поехали кататься с ним на мотоцикле. Увез ее в горы, гуляли по горам, целовались, потом вечером начал приставать. Начал страстно целовать, обнимать, повалил ее на траву, начал раздевать, еле его успокоила. Говорила:

—Как можно в этой грязи, на мурашах, на земле, среди

елок и шишек, камней и песка. Это должно быть все романтично, после свадьбы, при свечах, в теплой, чистой постели, после ванны, везде цветы, по любви и согласию. Он отвез ее домой и больше никогда не приходил. Значит у него не было к ней серьезных намерений, так поиграться, думала она.

Познакомилась на вечеринке с парнем. Он был высокий, симпатичный, очень полный, очень добрый и очень веселый. Каждый день ей что-нибудь дарил, то цветочек, то брелочек. Носил ее на руках, как ребенка. Звал ее к себе домой, хотел познакомить с его родителями, хотел жениться. Но он ей совсем не нравился. Да. Она считала, что они со стороны очень смешно смотрятся. Этакий громила и дюймовка. Конечно, с ним было хорошо, не страшно, но она думала:

–Попробуй такого большого прокорми и как с ним любовью заниматься, он же задавит. И потом как без любви выходить замуж, без любви она не может. Даже если он очень богатый, ей же не с богатством жить, а с человеком. Продавать свое тело, чувства, за деньги, притворяться? Это же надолго меня не хватит. Понятно. А душа? Нет, без любви я не могу. И она ему отказала.

Ехала она как-то в автобусе, стоит на задней площадке у окна высокий, стройный, красивый, модно одетый парень. Поворачивается, посмотрел на нее с высокомерной улыбкой, оценивающе, подошел. А она уже все, готовая, влюбилась в него с первого взгляда. Он такой весь из себя, из тысячи сразу увидишь. Назначил свидание на завтрашний вечер, у ки-

нотеатра. Она пришла, прождала его целый час, но он так и не пришел. Наверно на утро, когда протрезвел, уже и забыл ее.

Познакомилась с парнем на остановке. Он ей сразу понравился. А если ей парень не нравится с самого начала, она с ними даже и не разговаривает. А он симпатичный, стройный, пригласил ее сразу в кафе, посидеть. Шампанское, шоколад, шашлык. Все было просто замечательно и хорошо. Шампанское ударило им в головы, он подсел к ней поближе, начал ее обнимать, целовать. Потом он с такой страстью накинулся на нее, что готов был прямо здесь в кафе, прямо на столике. Она испугалась. Потом с ним куда-то идти, оставаться с ним один на один. Она еле вырвалась и просто убежала прямо из кафе.

—Ну почему? Что не так? Кого она встречала, ее все хотели, только успевала убежать от них. А тут? Никто не мешает, все по-домашнему, по-семейному, все располагает, да и мы уже не мальчик с девочкой. Может он тоже чего-то боится? Я же о нем ничего не знаю. Может у него в прошлом были неудачные любовные истории. У мужчин такая ранимая психика. Даже намек на какие-то отношения насчет близости не происходит. А что происходит? Я сама уже ничего не понимаю. В бане я искоса поглядывала на него, у него он такой приятный, беленький и довольно приличных размеров. Она опять думала и боялась, что наверно очень больно будет. Но мои знакомые девчонки, вернее уже не девчонки, гово-

рили, что это очень приятно, они все с ума поэтому сходят. Я вспомнила, в училище даже одна сказала, ей было 16 лет. Она была очень полная:

–Дуры вы все, что этого еще не попробовали, вы даже не знаете от чего вы отказываетесь. Если бы я раньше знала, что это так сладко, я бы еще раньше вышла замуж.

–Интересно, а куда еще раньше? Подумать только, мне уже скоро, через пару лет, будет 30, а я рассуждаю об этом как несовершеннолетняя девица. Интересно, а как меня можно считать, я девица, если еще мужчину не пробовала или я женщина, если я как бы уже испытывала что-то приятное? Или может с мужчиной будет совсем не так, а иначе? Вообще почему в моей жизни все не так как у людей, все не так как у всех? У многих моих бывших подружек дети уже школу заканчивают, а я все еще до сих пор рассуждаю об этом и теряюсь в догадках. Скажи кому-нибудь, что я еще с мужчиной не была, никто не поверит. Хотя я слышала раньше про старых дев, но не понимала, как это? Сама виновата. Или нет? Ну почему у всех все так просто, запросто? Почему я не такая как все? Ненормальная, не могу как все. На работе Светка говорит:

–Очень нравится один мужчина, но он женат. А женщины ей отвечают:

–Возьми, да отбей его.

–Как это отбей? Это же все равно, что что-то чужое у кого-то украсть. А это ведь семейное счастье, как его можно

украсть? Сделать детей и жену несчастной. Отец нас учил, что чужое брать нельзя. А это ведь не вещь, это счастье. Однако, она решила насмелиться и немного прояснить ситуацию:

—А вдруг он не привык сам к женщинам приставать, может ему не удобно, он застенчивый, может он привык, что женщины сами к нему приставали, может он ждет от меня инициативу, а я тут не рыба и не мясо. И вообще – сколько можно так жить, как дура в неведении. Или да или нет. А если он скажет:

—Да ты сидела там такая бедная, несчастная, одинокая на скамеечке, под дождем, я тебя просто пожалел, приютил, а ты тут еще и права качаешь? Не нравится, вали отсюда на все четыре стороны, чтобы духу твоего здесь не было. Тебя здесь никто не держит. Слезы опять покатались по ее щекам.

—А как я буду без него жить? Ну и ладно, хорошо ведь и так. Чем одной, как я жила до него. Счастье оно ведь такое хрупкое, его можно разрушить невзначай. Она уже и не знала, что делать. Решила пока оставить все как есть, не торопить события. Он ведь тоже с мозгами, думает наверно обо мне тоже.

Наверно у него на меня тоже какие-то планы есть. Сказал ведь когда я уходила на квартиру: – Я надеюсь, что ты вернешься, я буду ждать тебя с нетерпением. Ключи дал мне от своего дома, значит я ему нужна, я ему нравлюсь. А он мне тоже нужен. А может он проверяет меня? Все на него сразу

бросались, он вон какой хорошенький, а ему нужна верная, не гулящая подруга жизни. А может он копит деньги на свадьбу, потом возьмет и сделает мне предложение, может он сюрприз готовит, а я возьму и все испорчу. Во всяком случае, мне здесь хорошо с ним. Это моя тихая, счастливая гавань. Мне здесь просто хорошо, просто с ним хорошо, он самый лучший.

Когда я любила Игорька, моя подруга Оля говорила, что я его сильно идеализирую. Но с Володей это все не так, это не тот случай, он правда идеальный мужчина, я таких еще не встречала в своей жизни. Таких милых, добрых, даже не мужчин, а просто людей. Все такие злобные, хитрые, лицемерные, жадные, высокомерные, эгоистичные. А с ним так хорошо, так спокойно и надежно. Он не указывает как мне жить, не командует и сам не жалуется на свою жизнь, он просто живет со мной, улыбается и радуется моим успехам и мне.

А ведь когда я пришла, он жил здесь один, значит у него были на это причины. Может до меня он тоже был очень одинок, может его уже достали эти приставучие женщины, которые все только требуют и все им мало. Ладно, время все расставит по своим мостам. А почему у меня с ним должно быть так как у всех? А пусть у нас с ним будет совсем иначе, а не так как у всех. А как только у нас. Ведь ожидание праздника всегда намного интересней самого праздника. И в этом есть своя романтика.

Все было, как и прежде, тихо и спокойно. Он уходил рано спать в свою спальню, а она еще долго копалась в огороде. Ей так нравилось все. Если бы ночью было светло, она бы и ночью копалась в огороде. Она стала замечать, что сорняк маскируется под культурное растение: там, где растет морковь – всегда больше полыни. Где астра – подорожника, где укроп – пырей. Как бы сорняк вылезает рядом с похожей культурой, что б его не заметно было и его не вырвали.

Зеленые кузнечики прячутся под зеленую травку. Так и люди наверно тоже маскируются под порядочных людей, тоже ведь природа, человек. На природе она стала много размышлять, вспоминать, мозги то свободные, только руки и спина заняты. Начала вспоминать свое детство, отца, где он? Давно потерялся. Жив ли? Брат. Такой же противный, как и в детстве был. Пришла к ним с подарками, какой бы он не был, все же брат родной. А он мне:

–Ну что ты сестренка надрываешься, столько всего таскаешь, тяжело ведь, не молоденькая все же уже. И хихикает, вот язва. А пирожки с чем? Из котят сделала? Без подколок не может жить, обязательно поиздеваться надо. Хочет остроумным себя показать. Придурок. Детей все воспитывает и нудит, нудит. Как они его только все терпят? Я и то долго его терпеть не могу, я и то долго не могу находиться в его присутствии. Мама. Как она там? Нужно как-нибудь съездить повидать ее. Правда, очень далеко, много времени уходит на дорогу.

Уже темно, но она еще долго сидит на диване в саду, так хорошо, тихо, воздух свежий. Она привыкла ложиться поздно, после 12 часов. Даже еще потом долго не может уснуть, думает. Как заскрипит кровать в спальне Володи, она прислушивается.

—А вдруг он сейчас возьмет и придет ко мне. Подойдет, обнимет, поцелует и у нас все начнется. Сердечко ее начинает трепетать, она вся млеет от этих мыслей. Интересно, как это у нас будет? Как это вообще бывает? У нее внизу живота появляется желание от таких мыслей. И ей становится страшно. А вдруг он какой-нибудь не такой. Вон показывают по телевизору, маньяк, убийца, дома, на работе тихий, спокойный, приветливый. На доске почета висит. Пойдет кого-нибудь убьет, изнасилует и опять тихий, спокойный. От таких мыслей ей становится еще страшней и хочется бежать отсюда быстрее домой.

Вообще то я точно не нормальная. Разве нормальная женщина будет жить одна с незнакомым мужчиной. О Боже! Ведь я о нем ничего не знаю. Кто он? Что он? И никто не знает где я. От таких страшных мыслей, она чуть не сошла с ума. Какая дура! Бежать, бежать надо отсюда и чем быстрее, тем лучше! Жду как дура, что он придет. А он придет, накинёт удавку, он же мужчина, он сильный и все, а потом фарш сделает. Вот на работе женщины рассказывали, как мужчина приводил себе женщин домой, сожительствовал, а потом из них фарш крутил. Боже! Я сейчас с ума сойду от страха.

Нет. У меня все будет хорошо. Меня Бог хранит. Меня Ангел Хранитель хранит. Ну, а если что? Значит у меня, у дуры, судьба такая. Нужно думать только о хорошем. И тогда все в жизни будет хорошо. Она вышла на улицу. Ходила долго-долго по саду. Пока не успокоилась.

—Я уже месяц здесь живу, если что, уже бы давно что-то случилось нехорошее. Кстати, он со мной живет, находится точно в таком же положении. Он же меня не знает тоже, совсем не знает, а вдруг я больная, истеричка, маньячка, женщин таких тоже сколько угодно. Вдруг на меня что-то найдёт, отравлю или убью. Сколько таких случаев, когда женщины убивают своих сожителей. Смелый мужчина. Оба ненормальные. Однако он находится в лучшем положении, у него сила, а я слабая, беспомощная женщина.

Сад уже отцветает, всю землю покрыли белые лепесточки, как снежинки зимой. Кое где завязались яблочки, вишенки. А как было красиво, когда все цвело, особенно ночью, стояли белые в ночи деревья. Было так здорово. Зина не могла уснуть от пряного аромата по всему саду и красоты.

— Наверно все мужчины за сони, а может он уже привык, а я сплю мало, но мне хватает.

Как-то вечером они сидели в саду на диване, а она даже и не думала, взяла и ляпнула:

—Я тебе нравлюсь?

—Конечно нравишься. Как ты можешь мне не нравиться? Такая умница и красавица.

–Тогда почему...? Он поцеловал ее в губы, не дал договорить, улыбнулся и зашел в дом. Она не знала – радоваться или плакать. Но почему-то ей было очень стыдно.

–Я чуть не испортила все своим языком. Как черт дернул, зачем я это сказала? Я же не собиралась ничего подобного говорить. Я чуть-чуть не унизила себя перед ним. Что теперь он обо мне подумает? Ей хотелось плакать. Ей хотелось выть.

–Как будто я сама хотела себя предложить ему, да еще в таком тоне. Как будто он мне что-то обязан. Это все весна. Это все гормоны. И зачем они мне нужны. Какой он все-таки тактичный человек, вовремя остановил меня поцелуем. Сразу все быстро сообразил куда я клонила, и чтобы не накалять обстановку, какой молодец. Нет. Он все же настоящий мужчина.

Скоро август. 4 месяца Зина уже живет у Володи. Он так радуется ее достижениям в огороде.

–Все цветет и растет, ты превратила в сказку наш сад.

–Не я одна, ты мне тоже иногда помогал. Иногда, раз в месяц в воскресенье, он уходил с утра, приходил после обеда. А Зина снова стала думать и переживать. Кто она такая с ним жить? Почему она тут живет? Почему он ничего не говорит, что будет дальше, что вообще происходит? Эта неизвестность мучила, просто убивала ее.

–Все равно, нужно с ним поговорить. Ведь годы мои идут. Мне нужно выходить замуж, родить ребенка, ведь я не молодею, а старею. Как сказать ему, просто не знаю. Что я тут

как дура сажу? Кто я для тебя? Какие у нас отношения? Мы муж с женой или брат с сестрой? Как ты ко мне относишься? Какие у тебя планы на будущее? Но она не знала, как ему это все сказать. Как поговорить с ним. Как узнать, что вообще происходит? Эта неизвестность выводила ее из себя, пугала и бесила. Но больше всего она боялась разговора с ним на эту тему. Наконец-то она решилась:

–Все! Достало. Романтика кончилась. Или пусть говорит все, что он обо мне думает или я поехала домой. Дома хоть все определено. Она придумала. Написала ему записку, пока его не было дома, положила ее на компьютер. Придет, прочитает, как-то же надо начать разговор.

–Наши встречи и улыбки.

А что за ними, дай ответ.

Быть может наше счастье зыбко.

Растает, как весенний снег.

Она накрыла ему столик как обычно, всегда рядом с рабочим столом. Он пришел как всегда, улыбаясь, поцеловал ее в щечку и зашел в дом. Она присела на диванчик и с волнением в сердце начала ждать, что будет. Через несколько минут он вышел с запиской в руке. Смотрел на нее серьезно и пронзительно.

–Ты немного поторопилась. Как гром среди ясного неба

прозвучали его слова. Ей было ужасно стыдно и не понятно, что означают его слова: -поторопилась.

—Куда еще больше ждать? 4 месяца жду. Я же не в первый день это сказала и не через неделю. Хотя, наверно, надо было сразу расставить все точки над и. Тогда бы сейчас я не находилась в таком дурацком положении. Ну, конечно, я тогда, как дурная была, под впечатлением его чар. Зато теперь как дура, в непонятном положении. В любом случае получается, что я полная дура всегда. Она сидела в недоумении, опять какая-то пустота образовалась в отношениях с ним, в ее жизни, в ее судьбе. Ей хотелось просто встать и убежать домой. Это была для нее как пощечина по ее самолюбию. Она закрыла лицо руками и плакала.

Вот уже и август. В огороде все спеет, на столе салаты из огурцов и помидор, зелени. Но Зину уже ничего не радует, она уже так не веселится как весной. Она сидела дома, на краю дивана. Локти положила на колени, наклонилась вперед, закрыла лицо руками и думала, почему же она все-таки такая несчастная. Почему всем все, а у нее опять ничего не понятно. Негромко работал телевизор. Она не заметила, как он подошел, сел рядом.

—О чем задумалась моя красавица? Она выпрямилась и сидела смотрела в одну точку перед собой.

—Эй. Что случилось? Сказал он ласково и своим плечом толкал ее в плечо.

—Что с тобой? Она встала сбоку от него, обняла его за

шею, потянула в сторону и со смехом сказала:

–Пошли в спальню. Он тихо, почти шепотом произнес:

–Отпусти. Больно. Она разжала руки и села рядом на диван. Он повалился на пол как подкошенный сноп. И лежал там без движения.

–Вставай. Ты что? Ты что, упал? Он так и лежал на полу.

–Тебе что, плохо? Она встала на колени и склонилась над ним.

–Что с тобой? Она начала поднимать его за руку. Рука как тряпка упала на пол.

–Тебе плохо? Он безжизненно лежал на полу.

–Нет! Володя! Ты что? Она схватила его за рубашку на груди и начала трясти.

–Володя. Володя. Нет! Она испугалась и начала кричать во все горло.

–Володя! Нет! Господи. Помогите! Она с неистовой силой трясла его за плечи, его голова билась об пол.

–Володенька. Володенька. Миленький. Нет! Вставай! Пожалуйста. Господи! Слезы падали на его лицо.

–Нет! Нет! Господи! Заорала она, что было мочи и упала на его грудь. Обняла его лицо руками. Целовала его в щеки, в губы и орала во все горло, и трясла его.

–Володенька! Володенька! Что ты? Заорала она еще громче нараспев. Она села на пятки. Закрыла лицо руками и шепотом произнесла.

–Господи. Нет.

—А что это со мной? Шепотом, еле слышно произнес Володя.

—Почему я на полу лежу? Он сел на пол.

—А что это со мной было? И почему так сильно болит шея и плечи?

—Это я тебя била об пол. Плакала Зина.

—Я что, потерял сознание?

—Ты умер. Зина упала на его грудь, обняла руками и закатилась в рыданиях.

—Но почему? Она помогла ему встать. Он сел на диван.

—Я ничего не помню. Зина, заикаясь, со слезами начала рассказ.

—Ты упал на пол и лежал там, без признаков жизни, я тебя сильно трясла, чтобы ты пришел в себя.

—Почему я упал?

—Я тебя обняла за голову и потянула к себе.

—Ты что? Это же смертельный прием! Так сворачивают шею насмерть. Я занимался борьбой, я знаю. Значит ты мне свернула шею, а потом, когда трясла, позвонки встали на место. И я пришел в себя. Зина сидела и плакала навзрыд, она никак не могла отойти от шока.

—Я к тебе больше не прикаснусь. Я уже боюсь тебя пальцем трогать. Володенька. Как я испугалась. Боже. Как хрупка человеческая жизнь. Она закрыла лицо руками и плакала.

—Значит я бы уже был покойник, а ты бы завтра уже сидела в тюрьме?

– Вот дела! Я в тюрьму? За что в тюрьму?

– Как за что? Свернула мужику шею и спрашивает за что?

– А мне какой смысл тебя убивать?

– Не важно. Убийство есть убийство. Даже непреднамеренное. По неосторожности тоже статья такая есть. Зина еще больше залилась слезами. Они смеялись, вспоминая как все было, радовались, что все обошлось, а Зина все плакала, никак не могла успокоиться. У Володи потом долго болела шея, а Зина, вспоминая, снова плакала. После этого случая он ей стал еще больше дорог.

Скоро осень. Середина августа. На деревьях краснеют яблоки, в огороде огурцы, помидоры, некуда девать. Зина уже успела заготовить компоты, соленья и варенье. Зина и Володя уже сходили в баньку и сидели на диване, отдыхали. Суббота. Солнце клонилось к закату. Очень сильно начали стучать в ворота. Они подошли.

– О! Братан! Володька! Пацан. Сколько же мы с тобой не виделись? А я говорю, поехали. Я давно братана Володьку не видел. Мужчины обнимались. В стороне стояла женщина невысокого роста, очень полная, с короткой стрижкой. Ее волосы были окрашены в белый цвет и как у ежика, торчали во все стороны. Она была в черном, прозрачном костюме. Они были выпивши, еще и с собой прихватили. Зина накрыла стол под навесом возле бани, салат, картошка. Пока мужчины были в бане, женщина высокомерно, оценивающе, ехидно смотрела на Зину после того как нагулялась по саду.

Все сели за стол. Гости были веселые. Саша громко и весело рассказывал смешные истории и анекдоты. Зина пить отказалась.

—Я водку не пью.

—А что пьет девушка?

—Иногда только пиво.

—Я сейчас сгоняю за пивом. Володька, пошли.

—Нет. Нет, вот есть компот и сок. Володя тоже пить отказался.

—Ты же знаешь, что я не пью.

—Да, я знаю. Но может сделаешь исключение, ради меня. Зине было так приятно, что он тоже отказался пить. После отца пьяницы она боялась, что ей попадетсЯ пьющий муж. Она всегда избегала пьющих и выпивших мужчин. Наташа много пила, не отставала от своего друга, она громко хохотала, а потом, так как она сидела с краю дивана, наклонилась и уснула. Зина зашла домой, включила телевизор. Где-то через час зашел Володя. Послал ей воздушный поцелуй, помахал ручкой и ушел в спальню.

На улице было тихо. Зина вышла посмотреть. Женщина так и спала, положив голову на подлокотник. Мужчина, обняв свою подружку, сидел рядом и тоже спал. Было 11 часов вечера. Зина подумала, что надо убрать со стола, хлеб может засохнуть за ночь, кошки будут лазить по столу, помыть посуду. Подошла к столу, начала потихоньку убирать и заносить все домой. Когда она проходила мимо спящих с посу-

дой, Саша своими длинными ручищами схватил ее за задницу и повалил на себя. Посуда упала, загремела и разбилась, женщина проснулась.

–Ах ты шалава подзаборная! Посыпались трехэтажные маты.

–Ты что к моему мужу пристаешь? Она побежала в дом, разбудила Володю и сказала ему, что пока она спала:

–Твоя шалава с моим мужем трахнулась! Саша сидел и хохотал.

–Ну и шалаву ты себе нашел! Продолжала кричать Наташа. У Зины от обиды полились слезы. Володя со сна ничего не мог понять. Он только строго смотрел на Зину и на эту пьяную компанию. Зина ушла в сад. Только слышала, как Наташа громко разговаривала с Володей.

–Где ты подобрал эту чумазую мартышку? У нее же ни кожи, ни рожи. Она же тварь на моего мужа полезла! Гони ее на х... отсюда! У тебя же всегда были такие женщины красавицы, где ты подобрал эту блохастую. Зина подошла с сидящим.

–Володя, может ты посадишь их на такси? Он встал и подошел к Зине.

–Неудобно. Наташа плюнула в их сторону. Попыталась встать, но упала на бетон, начала подниматься, но снова упала, так и лежала.

–Ну куда их таких на такси? Кто их в такси возьмет?

–Я боюсь спать одна на диване, вдруг он зайдет и опять

полезет. Он обнял ее за плечи.

– Не бойся, ты же со мной. Он повел ее в свою спальню.

– Ложись, не бойся. Она легла, он прилег рядом, обнял ее.

– Спи, боязливая моя.

Зина утром вышла в сад, никого уже не было. На столе стояла чистая посуда. Володя протирал тарелки. Он внимательно и серьезно посмотрел на Зину, потом улыбнулся и подмигнул ей. Она пошла и села на диван, где они обычно сидели вдвоем. Он подошел, сел рядом.

– Ну, что ты насупилась?

– Да так. Просто неприятно все это.

– Не бери в голову. Их здесь больше не будет.

– Ты уверен?

Воскресенье. Настроения ни у кого не было. Володя весь день просидел за компьютером. А Зина весь день провела в огороде.

Наступил сентябрь. С его стороны как будто ничего не изменилось. Он так же был приветлив, с легкой улыбкой или делал вид, что ничего не происходит. А на Зину как будто что-то обрушилось, такое тяжелое и мутное, или даже грязное. Она уже не была так счастлива, как прежде. Обида, как ком в горле, тяжелым камнем легла на сердце. Ее уже ничего не радовало. Да еще и погода испортилась, весь день дождик моросит, в огороде не повоозишься, он ее как-то успокаивал. Она взяла Ладку на руки, зашла в дом, щелкала по каналам, искала что-то интересное по телевизору. Пришел Во-

лодя, подошел к ней.

–Я тебя прошу, не приноси кошку в дом. У меня аллергия на собачью и кошачью шерсть. Он улыбнулся и сел за компьютер.

Она чувствовала, что ее счастье разбивается на кусочки. Ей так захотелось уехать домой. Она вспомнила, что где-то читала, что между мужчиной и женщиной, как бы они не любили друг друга, не может быть просто дружбы без секса. Их жизнь превращается в ад. Без секса союз мужчины и женщины невозможен, это приводит к разлуке, истерикам, скандалам и в итоге безумные трагедии. Мужчину и женщину может связывать только секс.

А его глупая улыбка ей уже виделась как насмешка над ней, она раздражала ее. Она только сидела и думала. Для чего она здесь? Почему? Зачем? Как она оказалась в такой глупой ситуации? Что ее здесь держит? Почему она до сих пор не может уехать от него? Что с ней происходит? Она чувствовала себя подопытным кроликом, как будто ее изучают. До чего может дойти молодая женщина без секса? Рядом с любимым и желанным мужчиной. На сколько велико ее терпение? И сколько понадобится времени на то чтобы она сошла с ума.

–Почему я не могу послать все к чертям собачьим? За что я цепляюсь? У меня есть квартира с удобствами, с ванной. Только там нет в ней его. А я уже не могу без него жить. Он мне нужен, как воздух. Я не могу дождаться, когда он придет

с работы. Мне нужно его видеть. Каждый день и каждый час. Но для чего? А что будет дальше? Как я буду жить без него, если уйду? А как я буду жить с ним, если останусь? Я уже ненавижу себя за беспомощность и его, за его власть надо мной.

Во что я превратилась в этом огороде? Ни маникюра, ни прически, ни макияжа, ни любви, ни секса, ни свободы. Я опять зашла в тупик. Если бы я с кем-нибудь посоветовалась, я знаю, что мне ответят: – Беги без оглядки от него, он больной, он ненормальный. Почему я так боюсь одиночества? У одиночества хотя бы есть надежда, что кого-то можешь встретишь, изменишь жизнь. А здесь в огороде? Кого я могу встретить? Кузнечика? Мурашей? Слизней?

Я сама уже превратилась в эту мерзкую, бесформенную слизь. Она смотрела на него, а он смотрел в свой компьютер, а ее не замечал, только улыбался. А она натягивала на свое лицо улыбку, чтобы его не обидеть. И чувствовала себя полной дурой, убогой, мрачной, убившей в себе все чувства дурой. Она поняла, что счастье опять проходит мимо нее, но она опять не могла понять, почему?

Алла

Зина давно разыскивала адрес своей подруги детства Аллы. Хотела ее поздравить еще с 25 летнем возрастом. Уже прошло 3 года. Она младше ее на год. Уже прошло 3 года. Хотела узнать, как сложилась ее судьба. Последний раз она

ее видела лет 7-8 назад. У нее были 2 малыша – сына. Она рано вышла замуж и уже в 19 родила первого. Потом они продали дом и уехали к ее родителям и связь с ней прекратилась.

И тут через знакомых Зина получила ее телефон. Она сильно волновалась. Столько лет прошло. Как, о чем говорить с ней? Алла холодно с Зиной поговорила, может занята была, обещала перезвонить. Зина уже не надеялась, что она ей позвонит, но оставила ей свой телефон. Но Алла перезвонила. Потом Зина ей позвонила. Так постепенно, начали завязываться их отношения.

Алла была родная сестра Петра, первой детской любви Зины, может отсюда и ее волнение? Зина узнала из разговора, что Петр с мамой и семьей уехал в Россию. Жена ему родила двух сыновей. Потом он стал сильно пить, ушел из семьи, а его мать жила со снохой и внуками. Мать начала слепнуть, ей нужна была операция на глаза. Но сноха жалела деньги, хотя пенсия у нее была хорошая.

Когда она ослепла, сноха сдала ее в дом престарелых. Там она вскоре и умерла от сердечного приступа. Зина была просто в шоке. Было очень жалко тетю Инну. У Зины не укладывалось в голове жестокосердие детей по отношению к матери. Она считала эту семью успешной. Зина никогда не видела их отца, говорили, что он сидит в тюрьме. Тетя Инна также, как и мама Зины, поднимала двоих детей без мужа. Но она крутилась. Завела себе любовника таксиста, он ей хорошо

помогал. Когда Алла вышла замуж, мать ей купила небольшой домик. Не то, что Зина – нищета.

–А с Петром как ты?

–Я с ним давно не общаюсь. Не хочу с ним разговаривать. Я звоню знакомой 2-3 раза в год, справляюсь, как он там.

–Почему ты с братом сама не поговоришь? Это ведь твой родной брат. Вы же с ним из одного животика.

–Не хочу я с ним разговаривать. Я на него обиделась. Да пошел он!

–Кстати. Скоро у него день рождения, есть повод позвонить, пообщаться. Поздравь его с днем рождения, ему будет приятно.

–Не хочу и не буду.

–Людей надо прощать, все мы не без греха, тогда и Бог нас будет прощать. Тем более своих родных и близких. Кстати. Я сейчас вспомнила притчу о женщине. Хочешь расскажу? Я ее еще в детстве услышала. Отец, когда еще с нами жил, много умных вещей рассказывал. Еще у нас дома была книга, называлась в мире мудрых мыслей.

Короче, что-то у них там на острове случилось и им всем нужно было перебираться на большую землю. А в лодке места было мало. У женщины было три любимых мужчины: муж, брат и сын. И ее поставили перед выбором: Ты можешь взять с собой только одного мужчину. Она подумала и сказала: Мужа я себе еще найду, сына я себе еще рожу, а вот брата у меня уже больше не будет. И она взяла с собой брата.

–Да пошел он! Не хочу я ему звонить и разговаривать я с ним не хочу.

–Ты ведь женщина, сестра его родная, вы родные люди. Нужно забыть все обиды и позвонить, как бы ни было, нужно прощать. Тем более родного человека.

–Нет! Не хочу и не буду. Ты не знаешь какой он был. Такое не прощают.

Алла начала часто звонить, уговаривала встретится с ней на нейтральной территории, где-нибудь в кафе.

–Посидим, выпьем по бокалу вина.

–Я не пью вино.

–Ну водочки выпьем.

–И водочку я не пью. Так иногда пиво, когда жарко.

–Кофе попьешь.

–И кофе я не пью. У меня давление.

–Ну так посидим, поговорим. Посмотрим друг на друга.

–А почему на нейтральной территории? В кафе?

–Просто хочется где-нибудь посидеть, отдохнуть среди людей.

Зина спросила Володю, может ли к ней на выходные прийти подруга детства.

–Конечно же, о чем ты спрашиваешь? И вот она пришла, как прежде, кокетка, ее подруга детства, ее Алла. Они радовались встрече, обнимались. Она немного постарела, не полная, с короткой стрижкой. От былой красоты не осталось и следа. Зина поставила на стол бутылку шампанского, как бы

праздник, давно не виделись, неудобно было на сухую, скажет, что жадина. Они вспоминали как играли с ней в куклы, которые сами шили и рисовали лицо. Потом увидели в магазине куклу. Она была как настоящий ребенок, с блестящими волосами, ручки, ножки мягкие, глазки закрывались.

—Помнишь, как мы начали собирать по улице и сдавать бутылки, копили на куклу. Мама мне говорила, свои скоро куклы у тебя будут, живые. Потом моя мама не выдержала, глядя на мои старания: Что ты ходишь, собираешь эти бутылки и добавила мне денег. И твоя мама тоже добавила денег, мы пошли и купили себе этих кукол. Мы тогда, наверно, я в пятом, а ты в четвертом классе учились. А потом я увидела, как мой брат посадил мою куклу на кровать и кидал в нее ножичком, всю порезал ее. Я тогда сильно плакала. Так ее жалко было, мою первую куклу. Вспомнили как они учились свистеть.

—А помнишь, как мы учились курить. Все наши девчонки уже курили, а у нас никак не получалось. Они нас учили: — Наберите дым в рот и скажите ишак. Но у нас никак не получалось. Они говорили: — Нечего на них сигареты переводить, как научитесь, так дадим вам сигарету.

—Потом я сидела дома одна, взяла мамины сигареты, зажгла, вдохнула и упала со стола, голова закружилась, сильно кашляла. Побежала к тебе, а ты ко мне, когда встретились радостно в один голос кричали: — Я курить научилась! И я тоже, только сейчас. Тогда мы считали, что от этого мы сразу

стали взрослые.

–Помнишь? Как мы пошли в магазин, набрали пудры, румяна, помаду и начали красится. Тоже тогда наверно считали себя взрослыми. А постарше стали, самогонку отолью у мамы с банки, воды подолью, чтобы не видно было. Пришла как-то мама с тетей Шурой с вечеринки, налили себе самогонки в рюмки, а тетя Шура говорит: -Да это же не самогон, а вода. А мама говорит: – Да ты уже дура пьяная не соображаешь.

Тогда я тебе рассказала эту историю, говорю – у меня уже нельзя отливать, пошли к тебе. А ты говоришь – у меня нельзя отливать, там мама на банке черточку поставила. А ты отлей, а водички налей. Мама не заметит, я же так делала. Потом мы у тебя пили.

Как-то мама выгоняла самогон и пришла тетя Шура и они начали дегустировать, так на дегустировались, что тетя Шура начала шататься и задела банку, она упала и все вылилось на пол. И они на четвереньках лакали ее с пола. Сами хохочут, падают, но лакают. Вот фотоаппарата не было заснять их.

–А помнишь? Как ты пришла ко мне с кубинской сигарой, говоришь – давай попробуем. Мы пошли на улицу в туалет. Никак не могли ее раскурить. Потом выходит моя мама, а мы ее никак не можем потушить.

–Помнишь, как штаб в камышах строили? Как яблоки зимой воровали у соседей из погреба. Как зимой в камышах,

где болото было, каток сделали, потом друг к другу на коньках прикатывали. Как на Пасху взяли коробки из-под обуви, пошли сели вдоль дороги, а нам в коробки бросали конфеты, печенья, яйца. Зина и Алла долго смеялись до слез, вспоминая приключения своего детства. Алла начала говорить про Игоря:

—Сколько у него девчонок было, ходил то к одной, то к другой. И с тобой дружил и со мной. К Наде ходил и с другими встречался, которых ты не знала. Рылся в девчонках, не знал какую бы ему выбрать? Все девчонки были красивые, но он не женился ни на тебе, ни на мне, ни на других, а женился на этой страшной Лидке. В армию его так никто и не провожал. Когда пришел с армии, думал, что он тут самый красивый, парень нарасхват, а уже все его подружки замуж вышли. Вот ему только эта Лидка и досталась.

—А что его жалеть, если бы он встречался с одной, все было бы хорошо. А кто за двумя зайцами погонится — ни одного не поймает. А он сразу со всеми любовь крутил, хотел, чтобы его все любили. Бегал то к одной, то к другой, как пес бездомный. Непостоянный он был, бабник. Я это давно поняла и потому с ним не стала встречаться. Чем с таким — так уж лучше одной. Чем слезы о нем проливать. Я сколько плакала. А мама мне говорила: — Зачем он тебе нужен, вот так и будешь всю жизнь у окна стоять в слезах, ждать его. А эта взяла сразу и забеременела. А он как хотел? Не нужно было со страшными спать, спал бы с красивой девушкой, была бы

и жена красивая. Хотя какая разница, какие яйца, главное, чтобы человек хороший был. Они смеялись, вспоминая прошлое.

Володя сидел рядом с ними и улыбался. Наверно ему было интересно узнать о Зине побольше.

–Какая красавица была, эта Алла.

–Она? Да ты в 100 раз красивее ее.

Зина начала вспоминать. Когда Алла была моложе у нее были длинные, ниже плеч, волосы, большие глаза, длинные ресницы, она красиво, модно одевалась. А Зину мать все время таскала за волосы, потому она носила короткие стрижки и одежду матери или брата. Она вздохнула – а теперь все наоборот.

Прошло пару недель. Зина прилегла днем на диван в зале и задремала, ей приснился очень странный сон: Зина идет по колхозному полю и кушает морковь. Навстречу ей идет человек с ружьем. Видимо сторож. Она сильно испугалась и говорит: – Я ничего с поля не воровала, а морковка из моего дома, хотите возьмите кушайте. Она подала мужчине надкусанную морковь.

Внизу под горкой стояла большая, крытая грузовая машина. Мужчина толкнул Зину, она скатилась вниз под горку. А он кому-то крикнул: Забирайте ее тоже туда. Зина заглянула под брезент в кузов. Там лежали люди на двух-ярусных полках, с двух сторон. Ее посадили в кабину. Там с водителем сидела еще одна женщина. Привезли в большой город. Ма-

шина остановилась в пробке. Зина открыла дверь и выпрыгнула из машины в толпу людей.

На большой площади что-то странное происходило. Звук, как рой мух жужжали. В толпе сильный переполох, волнение, страх, суета, люди хаотично снуют. Все как в ускоренном кино, потом все замерли, стояли как вкопанные. Вдруг из толпы вверх, как кол, начал медленно подниматься, невысокого роста, полный мужчина. Это было совсем рядом с Зиной. Она лицо не видела, оно было уже вверху. Она увидела только туфли и брюки. Как только он исчез в небе из виду, в толпе наступил покой, все как ни в чем не бывало, как обычно, пошли по своим делам. Зина проснулась от ужаса этого сна. Ей было страшно. Она выскочила на улицу и подумала, что в эту минуту кто-то умер.

Через несколько дней позвонила Алла, она плакала и сказала, что ей позвонили с России и сообщили, что умер ее брат. Послезавтра, в воскресенье, будет 9 дней, попросила прийти. Зина уговорила Володю поехать с ней к Алле на поминки брата. Почему-то она сильно побаивалась ее мужа Виктора.

Она вспомнила, как Алла говорила, что, когда они поженились, он подбирал по масти собак, ловил и убивал их. Сшил себе полушубок и шапки, шил и продавал их. Он даже когда был молодой, был нелюдимый, насупленный, сильно заросший черными волосами, она еще тогда его боялась. Она чувствовала, от него идет какая-то не хорошая, негатив-

ная энергетика. Но не пойти она не могла, очень близкие с детства друзья и она и Петр.

—Подружишься с новыми друзьями, ровесниками, у них тоже дом, может опыта наберемся, может растениями разживемся. Володя согласился. Виктор ждал их в условленном месте на машине. Володя и Зина доехали туда на такси, заблудились, долго искали улицу, переругались. И уже хотели ехать обратно домой. Потом Виктор их нашел сам. Он долго ругался, что Алла неправильно назвала улицы.

—Эти бабы, дуры, тупые, ничего доверять нельзя, надо было самому объяснить. Эта дура бестолковая.

—Да? А мужики еще тупее баб, всех вместе взятых. Заступилась Зина за подругу.

Когда Зина увидела Виктора в машине, она была просто в шоке от увиденного. Раньше он был черный, лохматый как бобик, брови закрывали глаза. А тут волос черных уже не было, седина, лысина. Но это было еще ничего по сравнению с тем, что все его лицо было испещрено свежими, розовыми шрамами. Нос, щеки, лоб, борода, веки, как будто его лицо собирали по кусочкам и шили.

Это было ужасающее зрелище. Просто маска зла на лице. Как из фильма ужасов. Говорят, что в детстве, в молодости, мы почти все красивые, потом с годами лицо приобретает выражение характера человека. Потому бабушки в старости бывают с добрыми лицами, их даже морщины не портят, а иные похожи на бабу ягу.

Виктор поставил на стол вино домашнего приготовления. Очень кислое. Зина отказалась пить. Володя немного выпил. А Зина маленькую рюмочку пила глотками, чтобы не обидеть хозяев, хватило на весь день. Виктор был очень злой:

—Я не хочу даже пить за этого Петра. Я буду просто пить для себя. Когда мать ослепла, он позвонил: —Я поездом отправлю вам мать, встречайте. А я говорю: —Вот ты квартиру ее продай, деньги ей отдай, а с деньгами мы ее встретим.

—Вот оказывается, как мать им нужна была, только ее деньги. Подумала Зина.

—Алла, почему же ты мать не забрала к себе? Неужели в большом доме не нашлась для нее кровать и чашка супа?

—Она же жила с Петром. Виктор психовал, нервничал:

—Петр занимал хорошую должность, был большим начальником, доставал всем квартиры, машины, дачи, всем был нужен. Потом, когда запил, все от него отвернулись, он не нужным стал никому, все на него наплевали. Я не хочу про него говорить и пить, я лучше пойду на улицу, что-нибудь подделаю. Алла рассказала, что Виктора чуть-чуть не загрызли собаки:

—Лицо все, тело немного, руки, ноги, чудом выжил. Его сшивали по кусочкам.

Алла начала частенько звонить и напрашиваться в гости:

—Ты видела, какой у меня муж, я его уже видеть не могу, только орет и орет. Вот у тебя муж обходительный, культурный, красивый, так за тобой ухаживает, сразу видно, что он

тебя любит.

– Да нормальный у тебя муж. Работяга, везде порядок, в сарае каждая вещь висит на своем месте, в огороде сам все делает, вино виноградное, яблочное делает, да еще и продает. Хозяйственный.

– Да. Тебе бы моего мужа, я бы на тебя посмотрела.

– Что-то я не помню, чтобы я тебя с ним знакомила или сводила. Сама себе его выбрала, сама малолеткой за него выскочила. Значит – тогда он был хороший? Зина подумала:

– Вот дела? Она мне еще и завидует! Пожила бы она моей жизнью, завыла бы уже давно, а я еще держусь. Алла начала настаивать на встрече.

– Я тебе позвонила, никто не брал трубку. Я тебя ждала возле магазина, думала раз в магазине нет, значит на базар пошла. До вечера прождала. Я вам с Володей такой пирог вкусный привозила, хотела угостить, я бы и рецепт дала, ты бы потом сама такой дома делала.

– Я ходила в другой магазин выше. Шла другой дорогой.

– А почему ты ходила в другой магазин, почему ты не ходишь который рядом по дороге. Ты мне не сказала, что еще где-то магазин есть. Я бы туда пошла. Я тогда завтра приеду, пирог вам привезу. Ты дома будешь?

– Ты что думаешь, что нам дома есть нечего, я тоже пироги пеку. Но мне не приходит в голову ездить и раздавать его. Ешьте сами.

– Мы не съедим, он сильно большой, пропадет. Ну можно

мне к тебе приехать?

—Нет.

—Ну почему?

—У меня много дел в огороде, подготовка к зиме, все обрезать, укрыть надо. Зине пришлось на нее накричать, она ее уже начала выводить из себя.

—Слушай, тебе что, дома делать нечего? Почему тебе обязательно надо где-то болтаться. Что тебе дома не сидится? Что ты едешь в такую даль, через весь город? Займись домашними делами.

—Я вино привезу.

—Эту кислятину, нет, спасибо.

—А что, водки привести или коньяк?

—Я не пью ни водку, ни коньяк и посиделки мне не нужны.

Мне некогда. Понимаешь ты это или нет? Ну что ты как маленькая. Хорошо. Если ты так хочешь приехать, если дома делать нечего, приезжай, я тебе тут работу в огороде найду. Будешь со мной в огороде работать.

—Нет. Я не приеду. Ладно, пока. Сказала Алла грустным, плачущим голосом.

Позже, при разговоре по телефону с Аллой, Зина как бы невзначай сказала, что Володя работает с электричеством, его часто бьет током и потому у него там плохо работает. Алла стала звонить реже и перестала напрашиваться в гости. При разговоре она все время рассказывала и спрашивала про Игоря, она говорила, что они друзья с ее мужем и он часто

бывает у них дома.

Разлука

Лада тяжело ходила по огороду, как надутый шарик. Она была беременная.

–Володя. Лада с большим пузом ходит. Скоро у нее будут котята. На улице уже снег. Как она будет на морозе, скоро котята появятся. Они ведь замерзнут?

–Ничего. Она найдет где-нибудь место в сарае, для себя и для своих котят. Она же где-то ночевала до этого времени.

Уже поздно. Пора спать. Зина выключила телевизор, свет, посмотрела в окно.

–О Боже! Зина увидела, как Лада с большим пузом прыгает и бьется лапками и животом в закрытое окно веранды и кричит истошно. У Зины сердце защемило от боли, она заплакала.

–Лада, милая моя, ну что я могу сделать для тебя? Это ведь не мой дом. Я здесь не хозяйка, а хозяин не велел тебя пускать в дом. На улице всюду снег, холод, иди в сарай, найди там себе теплое место. Милая моя кошечка.

Разговаривала Зина с кошкой через окно, но кошка ее не слышала. Она продолжала прыгать на двух лапках, цепляясь за подоконник передними лапками. Она падала и орала и снова продолжала прыгать и биться животом о стенку закрытой веранды.

–Как на это можно смотреть? Господи! За что мне все это?

Когда все это уже кончится? Что мне делать? Научи.

Зима входила в свои права. Начало октября. Но вчера с утра повалил сильный снег. Все бело от снега. На улице -6. Воскресенье. Зина утром вышла на улицу. Под навесом, рядом с входной дверью, она увидела лежащих мертвых котят, а рядом сидела Лада. Она обиженно, с укором смотрела на хозяйку. Зина зашла домой, она сильно плакала.

-А что, кушать ничего нет? Я читал, что жена должна вставать в 5 часов утра и готовить мужу еду. Володя говорил с иронией в голосе и с улыбкой на лице.

-Что? Закричала Зина, вытирая с лица слезы рукой.

-Все! С меня хватит! Прости. Прощай. Она зашла в маленькую комнату, взяла большую сумку и начала туда складывать свои вещи.

-Не делай этого, я прошу тебя. Я так привык к тебе. Я без тебя не смогу жить. Ты самая лучшая. У нас все будет хорошо.

-А лучше уже и некуда. Она замотала кошку в полотенце, сунула ее под куртку и ушла.

Зина приехала домой. В квартире тепло и хорошо. Только немного пыльно.

-Милая моя кошечка, вот и все. Мы с тобой дома. И нам никто не нужен. Будем жить теперь с тобой вдвоем, в гордом одиночестве. Ты хоть успела трахнутья.

Зина ходила в магазин. Купила себе пиво, еды себе и кошке. Она сидела, пила пиво, запивая его соленой слезой.

Она плакала и думала, как ей теперь жить на свете без любви, без любимого человека, с больным разбитым сердцем и огромной кровоточащей раной в душе.

Несколько дней она жила мыслями и воспоминаниями о Володе, она его видела везде, слышала его нежный голос, видела его доброе лицо с милой улыбкой. Она жила душой с ним и не знала, как пережить эту горькую разлуку. Она никак не могла свыкнуться с мыслью, что теперь у нее новая, другая жизнь без него. Она тихо плакала и засыпала. Она просыпалась и снова плакала.

Она увидела на столбе объявление, там в ближайшее кафе, рядом с ее домом, требовалась посудомойка.

—Как раз мне сейчас нужна такая тупая, ни к чему не обязывающая работа. В зиму пойдет, тепло и сыто, и кошке еду принесу, да еще рядом с домом. Чтобы успокоиться среди людей и ни о чем не думать. Да и деньги уже нужны. За квартиру чем-то надо платить. Она не хотела больше работать в отделах, где работали одни бездельники, где царило лицемерие, разврат и хаос.

С ней работали женщины, все молодые, веселые. Нинка моложе ее на 5 лет. Рассказывала, что нагуляла ребенка, сама не знает от кого.

—Я всем парням говорила, что беременная, с кем была это время, всем пятерым. Но никто не признавал ребенка, только один, но это точно не от него, признал, но жениться не стал, только согласился платить алименты.

–Ты что, сразу с пятерыми была? Как это?

–Ну. Не сразу, так, в течении месяца.

–Тебе что? Так сильно это дело нравится?

–Теперь сильно нравится. А тогда не очень. Я просто с братом старшим поругалась. Он меня сильно доставал. Из дома убежала, ночевала где придется, у подруг, у парней.

–А что так сильно поругалась? Что из дома убежала.

–Да он вообще придурок, больной, избил меня сильно.

–И что? Женится никто не захотел?

–Думаешь, что так легко замуж выйти? Им всем надо только переспать, а потом ищи, свищи ветра в поле. А женится никто не хочет, как свое получают, так к другой бегут. Мне один так и сказал: –Что я дурак женится, если девки и так дают, сами на шею вешаются.

–Зина. А тебе с твоим нравится?

–Да не очень. Зина сразу всем сказала, что она замужем. Она все еще думала о Володе.

–Другого заведи. Не со всеми одинаково. Вот когда я со своим мужем познакомилась, ну мы сначала так жили. Пришел его друг, с цветами, с бутылкой, выпили, не хватило, он послал меня в магазин за пузырем, за продуктами. Его друг увязался, говорит: –Сигареты надо купить. Уже темно на улице было, летом, он начал приставать, а я думаю, я же не замужем еще, можно. С ним так хорошо было. Потом ночью, когда мой ушел спать, а его друг прямо на кухне меня на пол повалил, а я боюсь, вдруг мой проснется. А его друг

так впился в меня, как пиявка, не могу оторвать его от себя, а так было сладко, просто ужас какой-то. Я его с себя толкаю, вырываюсь, потом опять сладко, так бы и лежала, не вставала всю ночь. Так хорошо с ним было, как ни с кем так хорошо не было. Думаю, может мне с его другом остаться, кое-как из-под него убежала. А утром мой полез, думаю нехорошо как-то, всю ночь была с его другом, с этим уже не охота, хочу с его другом. Своему сказала, что не получится, месячные пошли. Он говорит: -Слава Богу, а то я подумал, что ты тоже с ним была. С какой женщиной познакомлюсь, он приезжает, переспит и уводит.

-Куда ему столько? Смеялись женщины.

-А он говорит: он их потом под других мужиков подкладывает и деньги с них берет. Вот тогда я подумала: хорошо, что я с ним не осталась, чуть на сутенера не нарвалась, Бог миловал.

-А я вообще без этого дела не могу жить. Когда с мужем разошлась, к другой ушел, думаю с ума сойду без мужика. Мама говорит: а как же мы после войны без мужиков жили? Как сказала мне одна женщина, что ее жалеть, умрем, все равно ее мураши съедят. Ну сейчас вот нашла себе мужика, уже 3 года живем. А без него жила, так ищешь с кем бы переспать. Как-то прихожу утром домой с гулянки, мама говорит: иди помойся, я баньку истопила, пошла в баню, помылась, стала подмываться, думаю, а что это у меня там торчит, потянула, а это презерватив остался. Все начали смеяться

—Ой, я уже не могу, у меня уже живот от смеха болит, ну вы даете! А Зина думает:

—Опять грязь, везде грязь. Разве не стыдно им такое про себя друг другу рассказывать? Наверно вся жизнь состоит из грязи. Разве без этого нельзя жить? И что, вся это грязь называется любовь. Значит любовь, такое светлое, чистое чувство, это просто грязь? Или это просто распущенность? Как можно дальше жить, все противно.

А что же я хотела, я опустились на самое дно этой жизни, докатилась до посудомойки, куда же еще ниже падать, ниже уже некуда. Нет, надо идти на фабрику работать. Там хоть одна буду, среди машинок бегать. Скажу всем, что вышла за муж, чтобы не приставали и не учили как мне жить. Так и проходит моя жизнь. И вся мимо меня.

А что же делать? Если я не могу переступить через себя, через свою совесть? Ну стыдно мне. Но почему? Может я трусливая? Забитая мамой и братом? А может — гордая? А может я просто дура? Не могу жить как все, со всеми подряд. Мне, видите ли, по любви надо. Все веселые, все счастливые, никто не страдает от любви, от угрызения совести. Наоборот, даже хвастаются о своих подвигах публично.

А Зина приходила домой, тосковала и плакала, вспоминая Володю. И чем больше проходило время, обида на него проходила, а на ее место приходила горечь и обида за свою никчемную, никому не нужную жизнь. И так болело сердце, как будто оторвался от него кусочек и остался в доме Воло-

ди. И чем больше проходило время, тем больше было. Она приходила с работы, не могла долго уснуть, все думала о нем. Обнимала пустую подушку думая, что обнимает его, так и засыпала за полночь в слезах.

Весна. Апрель. Воскресенье. Зина сидела на той же заветной скамейке в скверике.

—Почему я никак не могу его забыть. Все как тогда. На мне было темно— коричневое платье и бежевый костюм. Как и сегодня. Он подошел, взял меня под руку и повел. Это было как наваждение. Почему тогда я с ним пошла? Его завораживающий, тихий, нежный, ласковый голос. Его нежная, милая улыбка. Он такой милый, добрый, красивый, но почему же все не так?

Ведь я не сопротивлялась, я его любила, я его желала. Почему же так? Почему ничего у нас не сложилось? Почему? Ведь все было хорошо, никакой пошлости, никакой наглости. Все было так чисто и красиво. По щекам Зины текли слезы. Она мысленно представила, как он подошел, взял ее под руку, и они пошли. И шли, шли вон туда. Она не заметила, как оказалась у его ворот.

—Здесь он живет. Почему я здесь? Как стыдно. Сама пришла. Что я тут делаю? Зачем я здесь? Какое унижение. Она стояла у ворот и не решалась позвонить. И не решалась уйти.

—Просто постою с ним рядом, у его ворот. Я знаю, что он здесь, он рядом. Сердце выскакивало из груди от волнения, щемило от боли. Две женщины, проходившие мимо, разго-

варивали между собой:

–Обычно каждое лето у него новые женщины. А эта, что-то задержалась, видно прижилась, видно понравилась она ему, уже второе лето у него живет.

Зина позвонила. Володя вышел. Он удивленно и серьезно смотрел на нее.

–Проходи. Они сели на диванчик возле дома. Они оба молчали. Мысли как пчелы кружились в голове, но слов не было, в горле ком.

–Ты все испортила. Теперь нужно все начинать с начала.

–Объясни. Что происходит?

–Хорошо. Поехали.

–Куда?

–В церковь.

Такси остановилась возле невысокого, огороженного здания. Они зашли в холл. На столиках продавали литературу. Они зашли в огромный зал. Напоминающий театр. Кресла уходили вверх, зал наполовину заполнен людьми. Они присели на свободные места. На большой сцене мужчина в бежевом костюме, с микрофоном в руках, читал проповеди. В конце он кричал.

–Бог меня любит! Сидящие люди в зале кричали:

–Бог меня любит!

–Бог меня любит! Кричал мужчина со сцены и все дружно кричали:

–Бог меня любит! На сцену вышли женщины в наряд-

ных костюмах. Под мелодичную, приятную музыку, они пели песни, прославляющие Бога. В конце они кричали:

–Бог меня любит! И все сидящие в зале начали вставать со своих кресел и кричать:

–Бог меня любит! Зина смотрела и думала:

–Это же похоже на безумие, на массовое помешательство. Кто-то плакал с улыбкой на лице. Все пристально смотрели на сцену.

–Бог меня любит! Кричали со сцены женщины, поднимая реки вверх.

–Бог меня любит! Кричали дружно в зале поднимая руки вверх. На сцене женщины стали ликовать, прыгать, хлопать в ладоши под веселую музыку и кричать:

–Бог меня любит! Люди в зале поднимали руки вверх, они хлопали в ладоши, прыгали, плакали, улыбались и истошно кричали:

–Бог меня любит! У Зины на глазах начали наворачиваться слезы. Она стояла и смотрела по сторонам, подняв руки вверх и крикнула в голос:

–Бог меня любит. От неожиданности, от неловкости, у нее из глаз покатались слезы. Она повернулась к Володе, уткнулась носом в его грудь, так и разрыдалась в голос. Он одной рукой обнял ее за плечи, другую поднял вверх, смотрел по сторонам и кричал:

–Бог меня любит! Затем на сцену вышла женщина:

–Бог узрел вас, он каждого видит и знает, он знает ваши

нужды, он знает все про каждого. Вы можете утаить от ближнего, но от Бога ничего не утаить. Он все видит и знает. Подходите к сцене, подходите ближе братья и сестры. Люди со слезами на глазах, как зомби, потянулись друг за другом к сцене. В руках у них были белые конверты. Они дрожащей рукой бросали конверты в урну, затем, вытирая слезы, медленно шли к выходу. Володя тоже пошел к сцене. Зина от бессилия в ногах села в кресло и плакала. Ей тоже хотелось что-то отдать, но денег у нее не было. Она хотела снять золотые серьги, подаренные ей мамой на 25 лет. Она потянулась рукой к уху, но в голове кто-то строго сказал:

–Ты что, сдурела? Не вздумай!

Когда приехали домой, она немного успокоилась и пришла в себя.

–И давно ты туда ходишь?

–Давно. Лет 5, после смерти мамы. Зина начала разговор тихо:

–У нас в доме жила молодая женщина. У нее была дочь, школьница младших классов. Она ее не кормила, била, заставляла читать Библию. Муж ее бросил. Она говорила, что церковь запрещает спать с женщиной. Потом ее лишили родительских прав. Бабушка увезла ее дочь в другой город, подальше от такой мамы. Она перестала ходить в церковь и пустилась во все тяжкие. Она с остервенением стала пить и гулять. У нее каждый день были разные мужчины. Даже бомжей подбирала и тащила к себе домой.

–Нет. Церковь не запрещает спать с женщиной для зачатия ребенка. Но до этого нужно полгода прожить с ней в воздержании и молитвах.

–Для зачатия ребенка? А женщина что? Родильный аппарат? У нее что? Нет чувств? Так, по-твоему?

Я работала с женщиной Надей. Они с мамой тоже ходили в эту церковь. Когда я была у них в гостях, нечаянно заметила у ее мамы на груди кровь. Я спросила:

– Что это у вас? Она ушла в свою комнату. Я за ней. Она отворачивалась, но нужно было сделать перевязку. Когда она сняла марлевую прокладку с груди, сильная вонь ударила в нос. У нее наполовину грудь сгнила, там и вторая начала гнить. Она умирала заживо. Я ее спросила:

–Почему вы раньше не пошли в больницу? Почему вы довели себя до такого состояния? Это же обычная операция, многие женщины делают ее. На ранней стадии почистят и все. Даже без удаления груди. Она плакала:

–Я столько денег отдала в эту церковь. Они говорили: -Молитесь, Бог услышит, поможет и исцелит вас. Вот еще шишки твердые пошли по всему телу. А когда я бросила работу в таком состоянии, церковь совсем отвернулась от меня. Потому, что у меня не было денег. Я просила, чтобы они пришли и помолились за меня, но никто ни разу ко мне так и не пришел. Я не сплю ночами от боли. А вчера от боли потеряла сознание. Я ей говорю:

–Вам нужно пойти в больницу, вам бесплатно будут де-

лать обезболивающие уколы. Я подошла к Наде:

–Отведи маму в больницу, ей нужны обезболивающие лекарства. Она на меня начала кричать:

–Это не твое дело, не вмешивайся! Мы без тебя разберемся. А ты, чем жаловаться, больше молись. Я тебе сколько раз говорила: –Читай больше Библию, молись больше, тогда Бог услышит тебя и исцелит. Кричала она своей матери, которая находилась в другой комнате, лежала и плакала. Она уповала на Бога, как требовала ее дочь, а нужно было, всего на всего – сходить вовремя в поликлинику.

Неужели ты не понимаешь, что это секта? В Америке они растут, как грибы после дождя, их щупальца уже и до нас добрались. Они манипулируют людьми, держат их в страхе. Это массовый гипноз. Они выкачивают из людей деньги. Это единственное, что им от вас надо.

–Но ведь эти деньги идут для Бога.

–Ты себя слышишь? Богу нужны твои бумажки? Ему нужно, чтобы ты был счастлив. Бог сотворил землю, людей, каждой твари по паре, природу, небо, вселенную.

Плодитесь и размножайтесь. Сказал он. Все, что ты видишь вокруг, это и есть Бог. Он в каждом деревце, в каждом цветочке, в каждой птичке и рыбке.

–У тебя в голове каша.

–А у тебя в голове средневековье. Ты взрослый человек. Почему посторонние люди управляют твоей жизнью? Учат как тебе жить, кого любить? Ты молодой, красивый, здоро-

вый мужчина, мог бы давно осчастливить женщину, завести семью, детей, стать счастливым. А вместо этого, из-за своих заблуждений в голове, ты мучаешь женщин, делаешь их несчастными. А сам то поди воздержанием не мучаешься? Себя удовлетворяешь? Ты просто эгоист. Сядь и подумай. Наведи в своей голове порядок, может ты еще станешь счастливым. Прощай.

Часть третья

Воспоминания

Зина приехала домой. Она не плакала. На душе было весеннее любовное томление и сожаление.

—Да что вообще в мире происходит? Встретился один нормальный, порядочный мужчина, и тот оказался ненормальным. Она не скоро забудет Володю, его нежный ласковы голос, его милую, нежную улыбку, его красивого, высокого, доброго. Разве его так быстро забудешь, такого дорогого, любимого, выстраданного. Она еще долго будет плакать по ночам, вспоминая его. Вспоминая о таком близком и не сложившемся счастье.

Зина вернулась на свою прежнюю работу на фабрику. Ей нравилась ее работа. Придешь, включишь свои машинки, все крутится, бегаешь между ними, никого не слышишь, никого не видишь, никто нервы не мотает. Она уже ничего хорошего не ждала от своей жизни. Она была счастлива своим настоящим. На работе она всем говорила, что вышла замуж, чтобы

избежать пересудов. На работе она постоянно думала о Володе. Вспоминала каждый день, каждый час, проведенный с ним и в ожидании его с работы.

Она все помнила с самого первого дня, она жила только воспоминаниями о нем. Но на работе плакать нельзя, там пушинки летают и прилипают сразу к мокрому лицу, она плакала дома. Она думала о нем постоянно, с самого утра и до поздней ночи. Она думала, как бы она его любила, обнимала и целовала. Она думала, что может зря она ушла, чего она теперь добилась, просто осталась без него. Ее душа не могла, не хотела, просто не желала его забывать. Она рвалась к нему, туда, где он, а сердце ее не пускало. А сердце твердило:

–Забудь его. А сердцу не приказать, с ним не поспоришь. Зина разрывалась на две части. Чтобы совсем не сойти с ума, она решила снова вести дневник. Зина купила ручки, большую тетрадь и начала писать:

–Привет! Мой дорогой дневник. Привет! Мой дорогой дружок. Как я по тебе соскучилась. Ты мой самый лучший, молчаливый друг. А все мысли переключались на Володю. Она начала снова плакать. Она бросала писать, поплавав, снова брала ручку. Она заставляла не думать о нем. Она заставляла себя вспоминать и писать о своем забытом детстве, о маме, о папе, брате, друзьях и подругах.

–Мама. Я ее очень любила. Когда она лежала в больнице, ей вырезали аппендицит, я еще в школу не ходила, мы с отцом и братом пошли к ней. Я просовывала голову сквозь уз-

кий решетчатый забор ограды и кричала:

–Мама, мама не уходите. Она передавала нам гостинцы, которые ей приносили другие посетители: конфеты, яблоки. Отец орущую меня оттаскивал от забора. Я цеплялась руками и думала, что больше ее не увижу никогда. Когда мама была в больнице, к нам приходила бабушка, мамина мама. Мы сидели к ней на колени, она гладила нас по голове, целовала, обнимала и говорила:

–Бедные сиротки. Мы ей жаловались на отца. Он тихонько заходил в дом, подслушивал. Бабушка его ругала:

–Дети голодные, холодные. Когда бабушка уходила, он устраивал нам большую порку. А когда отец с мамой ругались, он ей кричал:

–Лежала в больнице, сдыхала, почему ты там не сдохла!

Он ей давно подарил желтую, маленькую сумочку, когда ругались, он ей кричал:

–Отдай мою сумочку, которую я тебе подарил. Когда мирились, он опять ее маме дарил. И так продолжалось очень долго. Брат говорил мне, когда они ссорились, сейчас опять будет кричать: отдай мою сумочку. И он кричал, а мы смеялись.

Отец часто приходил домой пьяный, а мама на него всегда ругалась, а тут брат схватил меня за руку и потащил:

–Зина, смотри! Я смотрю в окно. Отец сидит за столом, а мама у него на коленях сидит, и они целуются.

–Что это?

—Мама пришла с работы выпивши, отец тоже. Чувствуют свою вину друг перед другом, друг другу улыбаются, вот так бы пили всегда вместе и не ругались.

Мама брала каждый год отпуск перед Пасхой, белила дом снаружи и с внутренней стороны. Стирала и вешала на окна чистые, белоснежные занавески и тюль. У нее на Пасху был день рождения. Она накрывала большой стол в зале, садилась и ждала гостей, братьев с женами, сестер с мужьями.

—Мама, я кушать хочу. Просила я.

—Вот когда люди придут, поедят, уйдут, тогда весь стол ваш, ешьте сколько хотите. Гости приходили с кладбища изрядно выпившие, садились, ели, пили, потом пели, плясали. Мы с братом смотрели в окна и ждали, когда они уйдут. Потом мы набрасывались на еду на столе, что осталось от пьяных гостей, сливали с рюмок вино и угощались.

Отец. Когда не пьяный, заставлял нас мыть руки, брать Библию, мы с братом по очереди ее читали вслух. Знакомство с Библией у меня началось с вопросов.

—А почему наш Бог Иисус? Он что, был не русский Бог? Авраам родил Исаака. Исаак родил Иакова. Иаков родил Иуду и братьев его. А почему мужчины рожали мужчин? А что, женщин тогда еще не было? И как мужчина может кого-то рожать?!

Мама позвала маму отца, когда он был сильно пьяный. Мама давно хотела, чтобы она у нас жила. Бабушка по крестила отца со спины, когда он спал, он тут же соскочил с

кровати, кричал, матерился и выгнал свою мать из дома.

–Чтобы я тебя никогда не видел в своем доме. Тогда она говорила, что в него вселился дьявол.

С восточной стороны на кухне в углу у нас была полочка, за белоснежными шторками стояла икона Божией Матери, лампадка. Мама каждый вечер зажигала лампадку и молилась. Как-то я увидела: под стеклом иконы потекла красная краска. Я думала – она отсырела. Позже, когда я стала взрослой я слышала, что иконы кровоточат. Когда брат пришел из армии то взял и сжег ее. Судьба за это так с ним распорядилась, что он потом долго работал в церкви. Видно отрабатывал.

Мама днем привела мужчину домой и закрылась с ним на крючок. Когда пришел вечером отец, я ему все рассказала. Дома был сильный скандал. Мама начала меня бить по заднице, я вырвалась и убежала. Брат сказал:

–Ты спрячься в камышах, когда она успокоится, я тебя позову. Я долго сидела, мне надоело, подумала, может брат уже забыл про меня. Домой идти я боялась, пошла гулять по улицам города. Было уже темно, я училась в первом классе. Меня останавливали, спрашивали:

–Девочка, ты с кем? Почему ты гуляешь одна? Где взрослые? Я всем рассказывала свою историю. Потом меня привели в милицию. Милиция привела меня домой. Я прямо в школьной форме спряталась от мамы в собачьей будке. На утро мама меня нашла, вытащила за ноги из будки и хоро-

шенько отлупила.

Отец опять пропал куда-то надолго. К маме начал приходиться дядя Паша. Потом он к нам переехал жить. У него была дочь Света 11 лет, на год старше меня. Он работал на легкой машине, фургоне. Он был очень добрый, веселый. Он нам с братом рассказывал всякие смешные истории, показывал фокусы, загадывал загадки. Когда я ходила в магазин за продуктами, я покупала для дяди Паши сигареты, Меня спрашивали:

—А кому ты покупаешь сигареты? Я с гордостью отвечала:

—Папе. Потому, что наш отец не курил. Дядя Паша, когда он обнимал маму, мы с братом подсаживались к ним. Он всех обнимал и говорил:

—Как же я вас всех люблю. А мы в нем души не чаяли и уже называли его папа. Мы были с ним счастливы, уже и забыв о нашем родном отце. Как-то вечером, сидим так как обычно в кучке, радуемся жизни, заходит наш отец злой и небритый. Сразу с порога начал кричать:

—Я законный муж и отец, быстро отсюда, что бы духу твоего здесь не было. Дядю Пашу, тут же как ветром сдуло.

Года через 2 я его встретила рядом с нашим домом.

—Дочка. Моя Зиночка. Как же я соскучился по всем вам. Он поцеловал меня в щечку, посадил в машину, мы поехали кататься. Он остановился возле магазина, закупил мне всякие сладости. Потом он меня довез до дома. По дороге он расспрашивал, как там дома, про маму, про брата. Мы гуля-

ли по камышам, он рассказывал разные истории.

–Ну что? Будем прощаться? Мне пара. Он остановился, взял меня за плечи и поцеловал в щеку, потом в другую, потом в губы. Потом начал целовать сильнее. Он обнял меня и сильно прижал к себе обоими руками. Потом он начал целовать меня сильно в губы. Одной рукой гладил живот, ниже пупка.

При поцелуе он засунул мне в рот свой большой, шершавый язык, я чуть не подавилась, было так противно. Его рука полезла в трусики, он гладил ноги и место между ног. Стало так приятно. Потом стало так сильно приятно, я как с ума сошла. Я уже ничего не соображала. Не понимая зачем, я начала сосать его большой язык. Он уже не казался мне таким противным. Он пальцем что-то делал под трусиками между ног. Стало так приятно, что я вся задрожала и начала стонать и еще сильнее сосать его язык. Я всем телом прижималась к его телу, по всему телу разлилось хмельное удовольствие. Хотелось, чтобы он весь вошел в меня и растворился во мне весь. Но он повернул меня спинок к себе и грубо толкнул. Крикнул:

–Иди домой. Я еле двигала ногами, они были как ватные и непослушные. Голова ничего не соображала и кружилась. Но его грубое:

–Иди домой. Так ранило меня. Мне было так неприятно и обидно. Я как чумная, еле двигая ногами, как пьяная, пошла медленно прочь. А мне хотелось еще и еще, продолжения,

только чего – я не понимала. Но я знала, что он знает, но он меня так грубо оттолкнул и прогнал.

Теперь, когда я приходила из школы, брат учился во вторую смену, я была дома одна. Я залазила рукой под трусики и искала то приятное место, по ощущению, которое у меня было с ним. Но ничего не происходило. Я брала деревянную пишущую ручку, водила ею везде, гладила между ног, иногда появлялось немного приятное чувство.

Там, где было приятно, я оставляла ручку и шевелила ею, было немного приятно, но не так как с ним. У меня ничего не получалось. Я стала изучать пальцами и искать то место, приятное, что же это там лежит у меня такое сладкое, даже слаще конфеты во рту, почему посторонний человек знает, а я не знаю, что оно у меня там есть, а может оно там всегда было, а я не знала. Я пальцами стала все проверять, нащупала дырочку.

–А, это наверно для того чтобы писать. Подумала я. Когда писала, смотрела и увидела, что жидкость льется не из той дырочки которую я нашла, а выше. Значит там есть еще одна дырочка. Но она была такая узенькая, туда ничего не засунешь. А нижняя побольше, туда палец пролезает. Но для чего тогда она? Это нижняя? Если ею не писать.

Я брала разные предметы, гладкие, хотела проверить ширину и глубину этой дырочки. Но было так неудобно, руки туда не достают, голова не достает посмотреть. Нашла лампочку, эта сильно большая, не влезает, значит дырочка по-

меньше. Взяла лампочку поменьше, узенькую на конце, на половину только входит. Ширину измерила, а глубину можно палочкой измерить. Отломала от веника палочку и начала засовывать ее в нижнюю дырочку. Палочка немного вошла, а дальше не идет, значит она такая не глубокая? Но там что-то мешает, не пускает. Я надавила сильнее, там что-то треснуло и потекла кровь. У меня месячные пошли рано, еще 12 лет не было. Поэтому я подумала, что почему-то вдруг пошли месячные? Я положила тряпочку и успокоилась. Но потом мне почему-то вдруг стало страшно, что это у меня там треснуло, как будто что-то у меня там порвалось. Тревога усиливалась.

А вдруг я сделала дырку в животе? Значит я теперь умру? Всю ночь я плакала, не могла успокоиться. Мне так не хотелось умирать. Я решила туда больше не лазить и ждать, что теперь будет дальше. Я надеялась, что может дырочка зарастет и я не умру? Мне было так страшно при мысли, что у меня теперь в животе дырка. Я себя сильно ругала. Зачем я туда полезла, вот дура. По ночам я себя сильно жалела, что скоро умру и сильно плакала. От обиды.

Аппендицит.

Я заканчивала 8 класс, началось второе полугодие. Умные ребята из класса посоветовали мне, что, если никуда не будешь поступать, нет смысла учиться дальше, заканчивать 10 классов. Лучше забрать документы, пойти учиться по специальности, работать, а в вечерней школе можно закончить

десятилетку.

А меня школа так достала, я уже давно не хотела учиться. Я решила так и поступить. Я завела прощальный альбом, куда все девчонки из моего класса по очереди записывали мне стихи, прощальные приветствия, пожелания, напутствия. Я хотела, чтобы осталась память на долгие годы. Пока мои подружки делали памятные записи в мой альбом, я страдала, переживала. Я панически боялась сдавать экзамены выпускные. Я мечтала, что заболею и не пойду на экзамены.

В начале марта выпал обильный снег, он долго не таял, было холодно. Мы с Аллой гуляли по камышам, я остановилась возле огромного дерева у бережка.

—А ты боишься сдавать экзамены? Спросила я Аллу.

—Конечно, а кто не боится? Ответила Алла.

—Слушай, а давай простынем, заболеем и не пойдем на экзамены.

—А как? Я бросила пальто на снег, сняла обувь, ходила по снегу, легла на пальто. Алла проделала тоже самое. Солнце уже садилось, надвигались сумерки.

—Нет. Я уже замерзла, пойду лучше учить уроки. Алла ушла. А я все еще лежу. Черные вороны налетели, кружатся, каркают, страшно, а я все лежу. Все вороны облепили огромное дерево и кажется, что оно внезапно покрылось листьями. А это дерево, между прочим, я вспомнила, посадила я, сама, давным-давно еще. Шла домой весной, подобрала зеленую ветку от тополя, чтобы отбиваться от местных собак.

У нас бывают тут нападают, когда отвязнутся с привязи. Когда я дошла до дома, воткнула ее в болотистый ил. Потом смотрю, прижилось, маленькое деревце стоит. А сейчас вымахало. Просто чудеса, да и только. Лежу и думаю, просто волшебное болото тут у нас. Раньше здесь было много воды, даже ондатра водилась, я сама видела. Ходить нельзя было, только зимой. Постепенно вода уходила, болото мельчало, а теперь можно, если осторожно по кочкам, ходить гулять, романтика. Лежу и думаю:

—Я тут уже давно лежу, около часа, наверно уже заболею, простыну и на экзамены не пойду. Точно, можно идти домой. Так ничего и не получилось, даже насморка не было.

И вот уже скоро экзамены через неделю. Билеты выдали, погодка хорошая, солнечная, тепло. Разложилась я в саду, здесь хорошо, в тенечке не жарко. Поставила столик, стульчик. Брат подбежит, то пошли играть в футбол, то водой обольет, то рожицы корчит, смешит, клоун, отвлекает, дразнит, обзывает. То подбежал стульчик пнул, я упала, развлекается. Я набрала в вазу варенье, пить захотела. Говорят, сладкое для мозгов полезно. А мой брат, ябеда, пошел сказал маме, что я к экзаменам не готовлюсь, а чай пью. Тут мать начала кричать:

—Зина, бесстыдница наглая, сказала будешь к экзаменам готовиться, а сама чай гоняешь. Иди домой, картошки начисти, полы помой, врешь, лишь бы только матери не помогать. Так день пропал в делах домашних. На следующий

день дождь. Дома сидеть с братом, понятно, что ничего не выучишь. С утра начал подушкой кидаться, потом:

—Давай сыграем в шахматы, в шашки, ну хоть давай в морской бой сыграем. Начал драться, бороться, пинаться, хоть из дома беги. На третий день никого нет. Я уже разозлилась, плачу, скоро экзамены, с психа не могу сосредоточиться, голова пустая, болит и ломит, все выскакивает из головы, ничего не остается. Разозлилась я, взяла аптечку, хотела выпить анальгин.

—Да пошли вы все, со своими экзаменами, со своими школами, достали. Все, достало! Плачу. Очистила какие были дома таблетки, там от головы, от кашля, от живота, получилась горсть. С психа все и выпила, сидела и завывала.

Еще после нового года физрук объявил:

—Чтобы все девочки ходили на физкультуру в трусиках-фонариках. Нашелся тут фонарщик, маньяк, извращенец! Мама сшила мне такие, я одела их дома, посмотрела на себя в зеркало, представила, как я буду перед мальчиками как голая в этих трусиках прыгать. Это же со стыда сгореть можно! А на физкультуру без фонариков не пускает. А у меня, как раз, толи на нервах, толи от лежания на холоде, на снегу, немного бок начал побаливать. Пошла я в медпункт, притворилась, что сильно болит живот, когда она на живот давила. Она мне дала освобождение от занятий и сказала:

—Это аппендицит. Когда будет второй приступ, срочно вызывайте скорую. Прошел месяц с тех пор. Через 2 дня экза-

мены. А у меня с утра бок немного стал побаливать, может после таблеток, может с нервов. Мама пришла с работы и начала сразу кричать:

–Отчего ушла, к тому и пришла. Зина, почему грядки не выполола, пол не помыла, бесстыжая девчонка, не хочет матери помогать. Пришла с работы язык выпилила, не знаешь за что хвататься, совести нет, только прыгать, крутиться как юла, скакать как стрекоза, что ты лежишь на кровати? А я ей говорю:

–Ой! Ой! С утра бок болит. Мама вызвала скорую. Врач потрогал живот:

–Когда заболел? С утра? А, второй приступ, срочно в больницу. Увезли меня и сразу на стол. Обкололи мне живот, а я смотрю на верх, там большая зеркальная лампа, вижу, как режут, как кровь потекла. Мне страшно, я хочу кричать, плакать. Стоит парень у изголовья в маске, с длинными рыжими ресницами и красивыми голубыми глазами, задает мне вопросы, отвлекает:

–Как тебя зовут? В каком ты классе учишься? Какие у тебя отметки? Какой ты предмет любишь? А куда пойдешь учиться после школы? А кем ты хочешь стать? Оказывается, он действительно был у меня воспаленный. Ночью, в темноте, привезли меня в палату. Все в палате после операции. Кто-то стонет, кто-то пить просит. Медсестра прошла по всем больным. Палец в стакан опускает и по губам проводит. Начал болеть шов, я начала стонать. Подошла медсестра:

–Ты, доченька, ножки в коленках согни и болеть перестанет. И правда, так полегче стало. Точно помогло. А утром я проснулась и думаю:

–Вот здорово, чуть-чуть потерплю, зато экзамены сдавать не надо, трястись, переживать. Ура! Ура! Экзамены мне все поставили. Все было хорошо.

Училище.

Многие мои подружки из класса решили тоже забрать документы из школы. Но наш классный не хотел отдавать, бегал от нас, завтраками кормил.

–Завтра. Завтра приходите. Почему не хотите учиться? Не дам сегодня документы. Завуча сегодня нет. Когда будет – не знаю. Почему вы все бежите со школы? Никто не хочет учиться. Кое как забрали документы со школы.

Моя подружка Оля была старше меня на год. Она училась в педучилище, нам с Галей говорит:

–Давайте девчонки поступайте в педучилище. Для женщины самая лучшая профессия, это учительница. Летом отпуск большой, почти все лето. Работа с детьми, они такие славные. Это же здорово. Мне очень не хотелось работать учителем, во-первых, я школы терпеть не могу, она мне уже достала еще в школе. Во-вторых, я была очень стеснительная, с людьми мне было трудно, я избегала общения с людьми, а дети они такие шумные.

Там еще был курс воспитателя в детском саду, а вот малы-

шей я любила, всегда таскалась с соседскими, брала у родственников, малыши они забавные. Потому мы с Галей поехали в Иссык поступать, подали документы. Самый первый экзамен я завалила. Галя меня учила, мы отстукивали и повторяли друг за другом мелодии. Но когда я зашла на экзамен, он не предупредил, отстучал, говорит:

–Повтори. А я не слушала и не повторила. Он сказал, что у меня нет музыкального слуха. Но я до сих пор не понимаю, причем здесь музыкальный слух? Я же не в консерваторию поступала на певицу? Решила подумать куда поступать. Мама говорила:

–Иди в швейное училище поступать, тебе же нравится шить. Но туда поступила Людка с нашего класса, а я ее терпеть не могла. Да потом шить я любила, но себе, что бы ни у кого такого не было, а шить другим это совсем другое дело, другим трудно угодить.

–Иди на парикмахера учись, тебе же нравится с волосами возиться. Я с самого детства всем взрослым женщинам делала прически. Маме локоны после химии укладывала. Я любила копаться в волосах. Но чужих людей стричь и возиться с их волосами я брезговала. К тому же мой дядя по отцовой линии, умер от рака горла, молодой, он был профессиональный парикмахер, мужской мастер, что-то я побаивалась. Я много чего любила делать, готовить вкусную пищу, в огороде копаться, вязать и вышивать, я просто не любила сидеть без дела.

У меня было еще 2 месяца в запасе до 1 сентября. Я думала куда пойти учиться, чтобы не ошибиться, профессию выбираешь не на один день. Нужно, чтобы она нравилась, для души выбрать. А не так, чтобы просто время отбивать. Но мама каждый день, когда приходила с работы, пилила меня.

Мой брат после 8 класса целый год просидел дома, никуда не поступал, он вообще по жизни лентяй большой, даже дома мама не могла его заставить что-то делать. Даже дрова в печку никогда не заставишь нарубить, мы все делали с мамой и дома, и в огороде. Мама боялась, что я тоже, как и он, буду болтаться без дела целый год. Но я никогда не сидела без дела, может потому, что по гороскопу я лошадка, то в огороде вожусь, то по дому прибираю или что-то делаю, когда брата нет конечно.

–Ты сдала документы?

–Нет.

–Нет. Опять нет. Будешь собакам хвосты крутить? Подавай документы. Сколько раз тебе еще говорить? Хватит уже сидеть на моей шее. Один сидел целый год на моей шее, и вторая тоже ничего не хочет делать. И так каждый день. Кто это может долго выдержать?

Я увидела еще до педучилища, давно, объявление:

–Объявляется набор в ПТУ по специальностям: ткачиха, прядильщица, мотальщица. 2 года обучение, бесплатное питание, обмундирование. Мы с Галкой поехали на фабрику, посмотреть на месте. Зашли сначала в ткацкий цех. Там та-

кой грохот стоял от станков. Чтобы поговорить с человеком, ему нужно было кричать в ухо. Мы из цеха бегом убежали. А когда зашли в прядильный цех, я обалдела.

Огромный зал освещался лампами дневного света. В ряд аккуратно стояли длинные машинки, на них стояли белые катушки сверху, ровные, пушистые, белые как из снега бобины, а вокруг по залу летают чуть заметные белые мушки, как снежинки. Нам работница дала попробовать заправить оборванную нить.

Двумя пальчиками левой руки останавливаешь катушку, правой рукой берешь оборванную нить, проводишь через бегунок, потом через проволочку, подкручиваешь и подсовываешь в маленький водопад мелких снежинок, который идет от большой бобины и отпускаешь пальчик, и оно все крутится и наматывается на катушку. У Галки так не разу и не получилось. У меня получилось с пятого раза, я прыгала от счастья. Но Галке не понравилось.

—Это не для меня, пошли лучше в педучилище поступать. А когда мать на меня каждый день ругалась, я видела перед своими глазами огромный светлый зал, с белоснежными катушками, с пушистыми, белыми бобинами, и летающие белые снежинки. Если бы я была балерина, у меня было много денег, я бы им сама платила за то, чтобы кружиться и танцевать в этом огромном светлом зале, между стройных машинок. Да еще бесплатное питание, не буду весь день голодать, думать где взять денег на питание. Мать работала одна, де-

нег не хватало.

Я пошла и подала документы в ПТУ. Когда мать узнала, гнев ее был безграничный, она сильно ругала меня. Может потому, что в обществе учащихся в ПТУ считали людьми второго сорта, считали, что туда идут только тупые двоечники. Но я насчет этого сильно не переживала. У меня было на этот счет свое собственное мнение, что не место красит человека, а человек красит место.

Я жила для себя, жила так как мне нравится, а не так как кому-то нужно, чтобы я жила. Или престижно. Кстати, престиж по латыни – обман чувств, иллюзия. Тупой я себя не считала, в отличии от своих сверстников, я уже умела готовить пищу, умела шить, вязать, вышивать, вести домашнее хозяйство и многое другое. Моя двоюродная сестра после школы вышла замуж, даже картошку не умела пожарить. Ее мама приезжала к ней, убирала дома, стирала, гладила, готовила пищу. А что, разве лучше учиться 5 лет в институте, потом париться в отделе за низкую зарплату. Или глотать чужие волосы, а людям нужно еще угодить, сшить платье или сделать стрижку, люди народ капризный.

Мама повела меня к моей крестной. Она была для нашей всей многочисленной родни авторитет. Потому, что она закончила 10 классов в отличии от родственников, у которых была не полная восьмилетка. Она работала продавцом в большом магазине. К тому же я ее очень любила. Мама надеялась, что она меня образумит и направит на путь истин-

ный. Но крестная одобрила мой выбор.

–Если ей нравится, пусть идет работает. Зарплата хорошая будет, ни от кого не зависит, сколько заработает, столько и получит. Нервы никто не мотает. С машинами лучше работать, чем с людьми. Ну если ты передумаешь, у меня в педучилище и в медучилище работают подруги детства. Подай документы, сдавай экзамены, считай, что ты уже поступила, только сообщи мне, куда ты подала свои документы. Хочешь ходить в белом халате?

–Да? В белом халате и ставить чужим людям уколы в задницу, а еще и клизмы? Ужас! Что в этом хорошего? Нет уж. Документы забирать я не буду.

А брат ходил и дразнил меня. Особенно когда кто-то спрашивал, какая у меня будет специальность, он радостно кричал:

–Зинка у нас будет прядильщица, п...а, потом громко и долго хохотал. Так он в последствии меня и стал называть всегда. У меня от него надолго портилось настроение.

Зашел Игорек. Он так вежливо и стеснительно улыбался. Когда узнал, что брата нет, стоял и смотрел на меня, иногда опуская глаза в пол. Было видно, что он не хочет уходить.

–Чай будешь? Он сразу повеселел и не скрывая своей радости, сразу согласился. Он сидел за столом, а я дрожащими от волнения руками поставили на стол чашку перед ним и немного пролила на стол чай.

–Куда ж ты на скатерть то льешь, раззява! Эта фраза из

спектакля Аркадия Райкина. Он произнес ее так величаво, сознавая ее остроумной. Подросткам свойственно цитировать фразы из фильмов. У них в это время только эмоции, а мозгов пока еще мало. Естественно, я обиделась, я просто была в бешенстве, взять и сказать такое девушке!? Хотелось просто взять и запустить этой чашкой ему прямо в его тупую башку.

–Уходи. Сказала я тихо и сдержанно. Он постепенно начал осознавать глупость сказанных слов. Он смотрел на меня пристально, улыбка медленно стала сходиться с его лица, на смену ей пришла неловкость. Но уходить он не торопился.

–Уходи! Сказала я громко, почти крикнув. Он вздрогнул, встал.

–Дикарка. Ухмыляясь вышел он из комнаты.

На следующий день он снова зашел. Я сидела в стороне, в углу комнаты, ему меня не было видно, только брат в поле зрения.

–Здравствуй. Сказал Игорь брату.

–Здравствуй. Здравствуй х...й мордастый. Сказал ему брат и начал громко и долго хохотать, как будто сказал что-то остроумное. Я поняла, откуда Игорь набирается этой пошлости, от моего брата. Он был старше Игоря на 4 года, а дури хоть отбавляй.

Начались занятия в училище. В отличие от школы, мне здесь очень нравилось и училась я на 4 и 5. Кроме школьных подруг у меня появились тут еще и новые подружки. Здесь

было весело, проводились КВНы, новогодний бал, было здорово.

В училище мне понравился мальчик, он был стройный, симпатичный брюнет. Я его давно заметила. Даже на КВН вышла на сцену и рассказала стихотворение от команды болельщиков, в пользу команды в которой он играл.

Наступил новогодний бал. Он пришел. Я его пригласила на белый танец. И не отходила от него, держала его за руку потому, что видела, что он очень стеснялся. Потом мы с ним пошли в холл, сели на скамеечку, просто сидели улыбались, слушали музыку, которая доносилась из зала и держались за руки. Он не приставал, не лез обниматься и целоваться. Он просто держал меня за руки и сильно их сжимал. Видно было, что он сильно волнуется и что я ему сильно нравилась.

Подходит к нам невысокого роста, упитанный парень, очень вульгарный и развязный. Когда он подошел, мой парень сразу встал, и я тоже. Он сел на нашу скамейку, высокомерно смотрел на нас, а мы стояли перед ним, как стоят ученики перед строгим учителем. Мы держались за руки и смотрели на него.

—Ты знаешь, что мы с Виталиком друзья? И ты должна из нас выбрать одного, чтобы потом не было никаких осложнений.

По логике вещей, я должна была сказать, что ты разве не видишь, что мы с ним сидим вдвоем и это значит, что я его уже выбрала, а ты чего приперся, ты нам мешаешь, ты тут

лишний. Но сама не знаю почему, или я его испугалась, или я испугалась за Виталика, что ему потом достанется от его наглого друга. Короче, не знаю почему, сейчас я думаю, что это был просто гипноз. Я сказала, что выбираю тебя, хотя я его раньше не видела или может не замечала, да мне такие парни вообще никогда не нравились. Как будто это сказала не я, а кто-то моими губами произнес эти злосчастные слова.

Когда он говорил о выборе, Виталик стоял и светился от счастья и крепко сжимал мою руку. Он был уверен, что я выберу его, как бы я же его уже выбрала. Виталик посмотрел на меня с удивлением, его улыбка стала уходить с лица, сильная обида виделась в его глазах. Он отпустил мою руку и быстро побежал по коридору. Я смотрела ему вслед и еще не соображала ничего, что произошло. А этот наглый парень взял меня за руку и резким движением усадил меня на скамейку рядом с собой. Сразу начал меня обнимать и полез целоваться.

—Отпусти! Ты что?

—А что? Ты же выбрала меня, значит ты теперь моя девушка.

—Я еще пока ничья девушка. Я начала вырываться.

—Отпусти, не трогай меня! Тут в холл зашли люди. Я вырвалась и побежала на улицу.

—Ну стерва, смотри, ты еще об этом сильно пожалеешь! Я шла и плакала, я ничего не понимала, что происходит, почему я так сказала. Я бегала и искала везде Виталика, но его ни

где не было. Я думала, когда я его встречу, то ему все объясню, что это была какая-то чушь, что я сама не понимаю ничего, почему я так сказала. Скажу, что ты мне нравишься и давно. Но я его больше никогда не видела в училище. Я себя так ругала, обидела хорошего человека, а главное – потеряла такого парня. Все так быстро закончилось, даже и не начавшись.

В училище была только теория, а я хотела, чтобы поскорей началась практика. В обед после занятий мы заходили в столовую. Брали разносы и стояли в очереди в ожидании еды. Было первое, второе и третье, было все очень вкусно и готовить не надо, пришел поел и довольный пошел домой, здорово! Одежду, которую дали в училище, я перешивала, создавала новую, модную для себя. Потом началась практика, я была счастлива, нас ставили к работницам, да еще и ученические платили. Распорядиться своими первыми заработанными деньгами в 16 лет было очень приятно. Я покупала себе конфеты, леденцы, оказывается я сладкоежка. В моей маленькой сумочке никогда не выводились конфеты.

Лето.

Наступили летние каникулы. Моя бабушка по маминной линии жила у своей дочки, моей крестной. Решила съездить на свою родину в Саратовскую область. Она уже была на пенсии. С ней крестная отправляла свою дочку Вику. Ей тогда еще и 4 лет не было. Ну как отправишь в дальнюю дорогу

старого да малого. Крестная решила и меня с ними отправить. Мама мне сшила 5 новых ситцевых нарядных платьев. Я, когда их мерила, кружилась и прыгала. Ну, просто невеста модная на выданье!

Мы уже ездили туда с мамой и братом, мне тогда лет 7-8 было. Приезжаем в одну деревню, там пироги с черной смородиной, мы с братом обрадовались, накинулись ели, ели, никак не наедемся. Погостили, потом поехали в другую деревню, а там тоже пироги с черной смородиной, мы с братом обрадовались, тоже поели. Погостили, поехали в третью деревню, там тоже пироги с черной смородиной. Мы с братом не то что есть, уже и смотреть на них не могли, только смеялись, что везде, в каждой деревне только пироги с черной смородиной. Так и в жизни бывает, то, что даже очень нравится его много, оно из желаемого превращается в лучшем случае в смешное.

Приехали мы в деревню, я с Викой на руках хожу по местным магазинам, а она меня мамой называет. В таком возрасте для детей все тети мамы. А на меня все смотрят и удивляются, какая молодая мама, а мне так стыдно.

Помню начался сильный ливень. Затопило все подвалы, курятники, вода по улицам рекой текла. Смотрю, водой уносит на улицу цыплят, наловила я их штук 10. Завернула их в теплое полотенце, потом в теплую шаль, начала их откачивать. Мне женщины сказали -

-Да брось ты их, они уже все пропали. А мне их так жалко, маленькие, холодные, ротики открывают, умирают. Я их потрясла, воду с них вылила, делала им массаж, гимнастику. Только одного не спасла, наверно не успела, пока с другими возилась. Подружилась я там с местными девчонками, вечером на танцы ходили, когда Вику укладу спать. Ночью бежали воровали яблоки, сидели у костра. Пригласил меня местный парень на танец, а я отказалась. Он мне не понравился, из себя много строил, был выпивши, матерился.

-Ты, что тут приехала городская выламываешься! Дернул меня за руку потащил танцевать насильно. Я вырываюсь, кричу. Схватил мою руку, вывернул за спину, потащил на улицу. А все хохочут, стоят в стороне, наблюдают, что будет дальше, его видно боятся. Только один парень полез с ним драться, Витя. Когда я уехала, мы начали с ним переписываться.

Бабушка там нашла себе дедушку. Вдовца одинокого. Он ее не отпускал.

-Оставайся, будем жить здесь с тобой по-стариковски, понравилась ты мне. И она в него влюбилась, я видела, как у нее глаза светились, когда она о нем говорила на обратной дороге. Даже Вика нашла там себе кавалера, мальчика соседского. Как проснется:

-Мама, одень мне самое красивое платье. Нет, этот бантик не подходит к этому платью, завяжи другой. Пошли быстрее, там меня Саша на речке ждет, я уже по нему соску-

чилась.

Вот такие дела, приехали мы оттуда все в женихах. Бабушка собралась ехать к своему дедушке в деревню.

—Я обещала ему, что приеду, хочу умереть на своей родине.

—Да ты что, старая, совсем сдурела что ли на старости лет, мозги по дороге все растеряла! Кричал зять.

—Мама, ты что, с ума сошла? Какое тебе замужество? Ты уже на пенсии, не позорься перед детьми. Был крупный скандал, ее дети никуда не пустили. Так старая и малая остались без женихов. И только Витя писал мне письма 2 года. Звал к себе, расстраивался, что не приехала летом к нему. Потом начал писать мне ласковые, любовные письма. Потом писал, что уже работает и копит деньги на свадьбу, собирался приехать ко мне и жениться.

После такого письма я испугалась и больше не отвечала на его письма. Он долго потом еще писал. Но я тогда думала только об Игоре. Замуж я еще так рано не собиралась, да еще за парня, которого видела пару раз на танцах. Приезжала родственница с деревни через несколько лет, она говорила, что Витя женился и много пьет.

Когда я летом была в деревне, все мои подружки по мне сильно соскучились, я же никуда никогда так на долго не уезжала. Мама говорит, что Надя каждый день приходила и спрашивала, когда приедет Зина. Когда я приехала, Надя меня обнимала и плакала.

–Ты что, Надя?

–Ты знаешь, Зина, когда ты уехала, я так начала без тебя скучать, я пела все время вот эту песню, а дома ставила эту пластинку и плакала:

–Возвращайся. Я без тебя столько дней.

Возвращайся, трудно мне без любви твоей.

Возвращайся. Кто бы не встретился на пути.

Мимо счастья так легко пройти.

Пришли другие девчонки: Алла, Галя, Оля. Я их угощала семечками, Саратовскими, черными, пухлыми, жирными.

–Зина, ты больше никуда не уедешь?

–Девчонки, вас здесь осталось много и без меня бы обошлись.

–Нет. Без тебя у нас тут ничего не клеиться, скучно без тебя. Без тебя нам не интересно, ни к кому идти не хочется. Мы собирались вместе, ходили на озеро, загорали, купались, было весело. Так мы проводили летние каникулы. Пошла я за мороженым, прихожу, девчонки сидят на песке и хохочут.

–Над чем вы так смеетесь? Спрашиваю я.

–Над тем, что у мужиков в плавках спрятано. Ответила Олеся. Ее Галя привела с собой.

–А у этого? О! О! Посмотрите, я не могу! Как он носит такую тяжесть?

А вечером, когда становилось прохладно, мы гуляли по улице и пели задушевные песни, о любви конечно.

Вот так свадьба.

Брат заканчивал техникум. Он встречался с девушкой Юлей. У них была любовь. Он писал ей стихи, пропадал с ней ночами. Мы ее уже называли наша Юля. На майские праздники его забирали в армию. Мама устроила пышные проводы, в саду поставили большой стол. Выгнала самогон, смешала его с растворимым кофе, налила в коньячные бутылки. И все потом долго говорили, что у Вовки на проводах коньяк рекой лился. Всю ночь гуляли, танцевали, на улице играла музыка. Утром все пошли в военкомат, а ему сказали:

–Приходите завтра, все вернулись и проводы продолжись.

В конце августа Юля соскучилась по жениху, захотела его увидеть и поехать к нему. Он служил недалеко, ночь на поезде.

–Зина, поехали со мной, тут недалеко. Я его только увижу и поедem обратно.

Утром мы уже были на месте. Ему дали увольнительную на 2 дня. Днем мы все гуляли по парку, пили пиво, ели шашлык. А ночью начала скрипеть кровать, слышны Вовкины вопли. Охи и вздохи, хрипы и стоны не дали мне спать всю ночь. Ужас! Потому, что нам дали одну квартиру.

Утром я встала, никого нет, я закрыта на ключ, выйти не

могу, а в туалет уже очень хочется. Хорошо, что я была гибкая и не очень толстая. Подставила стол и вылезла в форточку на улицу, а обратно влезть не могу. С улицы окно высокое, пришлось гулять по двору, пока они не пришли. А вечером мы сели на поезд и туту, обратно домой.

Пока они встречались, Юля все время просила, чтобы он остался на воинской службе.

—Я хочу быть замужем за военным. А брат не соглашался.

Когда ему осталось служить полгода, он приехал домой на побывку. Опять устроили встречу, потом проводы. Завтра он возвращается в армию дослуживать. Мама попросила меня, чтобы я освободила им комнату.

—Зина, они хотят побыть вдвоем, последнюю ночь. Ну, они же почти муж и жена, через полгода поженятся. Поспи одну ночь на кухне. Я фукала, злилась, но уступила им комнату. На утро брат говорит маме:

— Мама, Юля хочет, чтобы сегодня вы устроили нам свадьбу.

—Какую свадьбу? Ты же сегодня уезжаешь в армию?

—Накройте стол, позовите гостей, я всем объявлю, что она моя жена, что мы муж с женой.

—Какая свадьба без росписи, ты же через полгода придешь, распишитесь и сыграем свадьбу как положено, в белом платье.

—Нет. Юля хочет сегодня.

—Я тебе проводы сделала. Через полтора года встречу как

положено. У меня денег нет делать тебе свадьбу. Через полтора года ты придешь, тебе будет нужна новая одежда, свадьба, где я возьму столько денег.

–Займите.

–У кого?

–Если захотите, найдете.

–Да я еще с прошлыми долгами не рассчиталась, ты меня в новые долги загоняешь. Кто мне займет деньги?

–Зина, посоветуй, что делать, он просит свадьбу сегодня, где я возьму денег? Он что, совсем сдурел? Плакала мама. Зина? Что будем делать?

–Я не знаю.

–Юля, ну тогда если мы сыграем свадьбу, ты будешь его женой, ты будешь жить с нами?

–Нет. Я буду жить у своей мамы, где и жила раньше.

–Ну, если ты будешь его жена, ты должна жить с нами? Ждать его с армии?

–Нет. Я его буду ждать с армии дома у себя.

–Ну что же это получается, так же нехорошо?

–Дочка, Зина, что делать?

–Опять идти по людям с протянутой рукой? Да сколько же он еще будет пить мою кровушку! Один гад пил, теперь этот вырос, как батя ваш стал, тоже пьет. Заливалась слезами мама.

–Скажите ему, придешь с армии, распишитесь, как положено, сыграем свадьбу. Юля психовала. Я не понимала, для

чего ей это нужно?

Брат уехал в армию дослуживать. Он решил остаться в армии после срочной службы, как хотела Юля. Об этом он написал ей письмо. В одно и то же время Юля пишет моему брату письмо, что она выходит замуж и ждать его не будет. Как только она получила письмо, она работала телефонисткой на станции, она звонит командующему армии, чтобы ее письмо не отдавали адресату, ее парню.

—Я погорячилась. Ей сообщили, что письмо ему было вручено еще вчера.

Игорь.

Когда брата забрали в армию я встретила Игоря в сентябре.

—Сейчас по телевизору идет интересный многосерийный фильм: Четыре танкиста и собака, очень интересный. Ты смотришь? Спросил Игорь.

—Нет. Не смотрю. У нас телевизор сломался.

—Приходи к нам смотреть вечером. Я стала заходить к Игорю вечерами, смотреть фильм. Но мне совсем не интересно было смотреть кино. Одним глазом я смотрела в телевизор, а искоса я смотрела на Игоря. Мне было так приятно встречаться с ним каждый день. И хоть иногда посматривать на него, просто находиться с ним рядом.

Но мне это скоро наскучило, я не пришла к нему вечером. На следующий день, до фильма, он зашел ко мне и начал

мне рассказывать подробно пропущенную серию. Вот только сейчас я могла смотреть на него, в его прекрасные глаза, я видела его рядом. Со мной рядом, напротив, были его губы, были его руки, был он весь рядом со мной. Его глаза, его улыбка, я смотрела на него и сгорала желанием поцеловать его, я смотрела на него, только на его губы и думала, как я его целую, как я его обнимаю, как было счастье близко. Но я просто струсилась. А потом мама купила нам новый телевизор, чтобы я не бегала по соседям и у меня больше не было повода встречаться с ним.

Через пару недель ко мне домой пришел Игорь:

– Два билета в кино пропадают, поторопись, а то опоздаем. Он вышел. Ехали на такси. В зале, когда выключили свет, он взял мою руку, поднес ее к губам, и каждый пальчик по очереди нежно целовал и так весь фильм. Когда вышли на улицу он спрашивает:

– Как фильм, понравился? Я молчу, а сама думаю:

– А вообще про что было кино? Не помню. Он проводил меня до дома, вернее до большого дерева в камышах.

– Все, тупик, дальше дороги нет. Он взял мои руки в свои ладони, поднес их к губам, стал нежно целовать, потом положил их себе на плечи, обнял обеими руками, начал нежно целовать в губы. Его губы были такие теплые и нежные, у меня земля уплыла из-под ног. Казалось, что я поднялась выше облаков и куда-то уплыла во вселенную. Сколько мы так стояли и целовались не помню. Я потерялась во време-

ни. Он взял меня за руку и повел домой, а ноги не идут, в коленках выворачиваются и вибрируют.

—Спокойной ночи. Он, еще раз нежно поцеловал меня губы и ушел. Я легла спать, не включая свет. Мне хотелось прыгать и скакать от радости, но встать я не могла. Весь день в училище я думала только о нем, о такой нежной любви, которая у нас была вчера, я думала:

—Все. Теперь он мой парень, а я его девушка. Я с трепетом в сердце ждала вечера, хотела его быстрее увидеть снова. Но он не пришел. Я полночи проревела. Я теперь каждый вечер сидела и ждала его, но он не приходил через неделю, он не приходил через месяц, я не хотела больше жить. Жизнь остановилась. Она поделилась на то, что было до него и на то, что теперь без него.

Игорь долго не приходил. Я не понимала, почему? Я рассуждала так:

—Он меня так нежно целовал, видно, что он меня любит, я его тоже люблю, значит он теперь мой парень, почему же он не приходит. На улице было уже темно, я гуляла около его дома, думала, может он выйдет, но он не выходил.

—А вдруг он заболел, лежит сейчас с температурой, надо звать, думала я. Но было так стыдно.

—Скажет, сама навязывается, бегаешь за мной. Я постучала в дверь. Он открыл, улыбнулся, было видно, что он очень рад.

—Чаю налить? Нет? А суп? Я сам готовил. Я улыбнулась.

—Нет.

—Книга интересная, хочешь, прочитаем вместе? Я читала с ним его книгу, но ничего не понимала. Я смотрела сбоку только на него, на его густые черные ресницы, на его густые красивые брови, на него такого красивого, близкого и далекого. Так хотелось его обнять и поцеловать, но я опять струсила.

—Я пойду домой. Он пошел меня провожать и пел дорогой мне тихонько песню:

—Лучше нету того цвета, когда яблоня цветет.

Лучше нету той минуты, когда милая придет.

Как увижу, как услышу, все во мне заговорит.

Вся душа, моя пылает, вся душа моя горит.

Я пришла домой такая счастливая, не могла уснуть всю ночь. В училище весь день думала:

—Ну, теперь он ко мне, сегодня или завтра, точно придет, после моего прихода, да еще такую песню напевал, вроде как объяснение в любви. Но он не пришел ни завтра, ни послезавтра, ни через неделю. Я уже сходила с ума. Я уже потеряла всю совесть и пошла к нему домой, думаю:

—Вот сейчас, прямо с порога, наеду на него, скажу: ну что, прочитал свою дурацкую книгу? Или нет? Пойдем на улицу гулять, хватит тебе сидеть дома. Он открыл дверь. Я только открыла рот, чтобы выплеснуть на него приготовленную

фразу, как сразу увидела, что на диване сидит Алла. Он мне сказал:

–Привет.

А она тут же встала и молча ушла. Игорь меня обнял и сразу стал нежно целовать. Я и забыла зачем пришла. Дома я все думала:

–Интересно, а что это Алла делала у Игоря. Во-первых, у нее есть парень, Витя, с которым она встречается, во-вторых, она разве не знает, что мы с Игорем встречаемся, что Игорь мой парень? Но тогда, в силу своего возраста и своей наивности, я еще не знала и не понимала, что на свете, рядом с большой любовью, обязательно живут ложь и предательство. Но его опят нет и нет. Мне было так горько и обидно. Я не понимала, что вообще происходит, вечером я его ждала, а ночью я снова обливалась слезами. Я так разозлилась, думаю:

–Пойду-ка я в разведку, ну, сейчас я вас голубков застукаю. Сейчас я вам устрою. Подхожу к дому, окна светятся, значит кто-то дома. Подошла к окну. Занавеска короткая, присела я на корточки у окна. Вижу в узкую щелочку, сидит он за столом, читает книгу. Я немного успокоилась, подумала, значит он один. Я сидела и не могла отойти от окна, любовалась им тайно. Слышу на улице шаги:

–Игорь? Ты дома? По голосу я поняла, что это Петька идет, сосед его.

–Что делать? Остаться, обнаружить себя, скажут, что это

ты под окнами сидишь, как собачка, подглядываешь? Если бежать, то увидят, остановят, обнаружат. Игорь уже открывает двери. Я протиснулась в узкую щель между домом и горкой, притаилась.

—А я смотрю, кто-то долго перед твоими окнами сидит, смотрит в окно.

—А кто? Мужчина или женщина?

—В темноте силуэт не разобрал, подхожу, а никого нет и что интересно, не видно было чтобы кто-то уходил, я бы увидел. Вот только что сидел, я шел видел, потом как растворился в воздухе, просто мистика какая-то. А мистика, то есть я, постояла еще немного, подождала, когда все разойдутся, прыгнула в темноту, чуть не умерла со страху, да и побежала быстрее домой. Дома я опять плакала, я не могла понять, почему он так себя ведет? Если любит, то почему не приходит, а если не любит, то для чего приходит, целует, песенки поет любовные, нервы для чего мотает? Мама увидела, что я опять плачу:

—Да сколько ты еще будешь убиваться за этого Игоря? Сколько он тебе нервы будет мотать? Брось его. Вот так и будешь сидеть, ждать его у окна, всю жизнь слезы лить. Больше я к нему не приходила:

—Да, пусть живет как хочет, что я за ним бегать буду? Не постоянный какой-то он, не серьезный, легкомысленный.

Все сошли с ума.

После училища, вечером, я пошла к моей подруге Оле. Она была очень полная, но подтянутая, у нее были длинные, русые волосы, она их укладывала в прическу. Она была старше меня на год, она мне очень нравилась. Она была в романтическом настроении.

—Я вчера стала женщиной.

—Ты что, вчера вышла замуж?

—Нет, я познакомилась с ним недавно, когда вышла погулять по улице. Мы с ним просто гуляли, разговаривали, на следующий день я опять пошла туда гулять, встретила его. Мы с ним гуляли до самой ночи, а ночью это все и произошло.

—Где?

—Там, прямо в камышах. Он мне говорит: -Так ты еще и девушка? Я была так рада, что у меня кровь была. А то бывает девочки играют, залезают туда или суют туда что-нибудь, а потом разрывают плеву и крови нет. А теперь, когда я стала женщиной, я хочу мужской ласки, пойду опять на то же место, может его встречу. Она была похожа на мартовскую кошку. Мы пошли с ней гулять. Она почти дошла до моего дома.

—Вот он идет, я пошла к нему на встречу.

—Он же такой некрасивый, маленький, ноги кривые, он же такой страшный!

—Для меня он самый красивый, пусть он даже самый страшный. Но я его хочу видеть снова. Я хочу посмотреть в

его глаза, я хочу его руки, которые меня обнимали, я хочу его губы, которые меня целовали, я хочу его. Я была просто в шоке, я пришла домой, сидела и вспоминала ее разговор:

–О Боже! Так я себе порвала плеву. Я чуть с ума не сошла от такого умозаклочения. Как же мне теперь дальше жить с этим. Нет, уж лучше умереть, я вспомнила, как он нежно целовал мои пальцы, руки, губы. Наверно он думает, что я хорошая, а я уже все, пропащая. Я уже никому не нужная и мне больше никто не нужен. Лучше бы я вообще об этом не знала. Нет, я никогда не пойду замуж, чем потом муж будет выговаривать, что взял меня не девушкой, без крови. Я решила никогда не выходить замуж.

Я рассказала Оле, что наверно нечаянно порвала себе плеву.

–Не переживай, можно первый раз в месячные побыть с мужчиной, там кровь. Оля дала книжку: девочка, девушка, женщина, мать. Она дала большую тетрадь со стихами, я хотела переписать, но мать нашла книгу, куда-то спрятала, я никак не могла найти ее, а тетрадь со стихами порвала. Еще устроила мне выговор, что я ничего по дому не делаю, только стихи читаю. Я была так виновата перед Олей.

На следующий день, в училище, я увидела у Марины живот.

–Ты что, беременна?

–А что, уже заметно?

–Ты вышла замуж?

–Да нет, это мы так с соседом доигрались.

–Но ты выйдешь замуж за него?

–Мы с ним поругались.

–Ты сказала ему, что это его ребенок?

–Он говорит, как родишь, я посмотрю на кого похож. Мало ли ты с кем еще была, кроме меня?

Было воскресенье. Мамы дома не было, в огороде тоже. Она часто заходила к соседке Зое. Тетя Зоя меня часто оставляла со своей трехлетней дочкой Анечкой. Открываю дверь в коридор.

–Тетя Зоя? Вы дома? Смотрю, кто-то пробежал из одной комнаты в другую. Захожу, моя мама лежит под одеялом на диване.

–Мама, а вы что тут лежите? Вы что, заболели?

–Да, что-то голова кружится, прилегла.

–Пойдемте домой, мама.

–Что ты без мамы не можешь жить? Что тебе, сисю дать? Корова уже здоровая, а без мамы жить не можешь? Я ушла.

Через пару дней. Было уже часов 10 вечера, я смотрела телевизор. Заходит мама с улицы.

–Ты что, Зина, не спишь? Выключай телевизор и ложись спать.

–А вы что не спите?

–Что-то живот крутит, посижу немного в туалете. А ты быстро ложись спать.

Проснулась я среди ночи от грохота металлической кро-

вати, от бульканья и истошных воплей матери.

–Миленький, Миленький, Миленький! Ой миленький, ой миленький, ой миленький!

–Да что же это такое? Я села на кровать. Что это такое? Кричала я. Сколько это еще будет продолжаться? Он сразу убежал, мама лежала, не включая свет.

–Надо же, что творится на белом свете. Все мои девчонки с ума по сходили. Я начала вспоминать: Брат с Юлей этим занимались, мать у соседа, потом дома с Яшкой, Оля в камышах с первым встречным, Марина уже с животом ходит. Какая грязь вокруг меня происходит. Все сошли с ума. Мир сошел с ума.

Я подала документы в вечернюю школу. Там у меня появилась новая подружка Люда. Она была рыженькая: и брови, и ресницы, и волосы. Когда я шла домой с вечерней школы, впереди, вдалеке у забора автобазы, я увидела силуэты мужчины и женщины, они целовались. Когда я стала подходить ближе, парень прикрыл своим телом девушку, они стояли напротив дома Аллы. Хотя было темно, его фигура напоминала Игоря. Тогда я подумала:

–Не может этого быть! Ведь у Аллы есть жених, Витя, как она может встречаться с Игорем, это же мой парень. Она знает, что я его люблю. Когда позже я увидела ее малышкой, старший был сильно похож на кого-то, кого-то сильно напоминал. Тогда я не могла вспомнить. Но очень кого-то знакомого напоминал, его глаза, густые брови, черные ресницы, это

же был Игорь!

Когда мы с Володей приезжали к Алле на поминки брата, старшего сына не было, только младший, я просила показать фотографии детей, всегда показывают, чтобы похвастаться. Но она сказала, что не знает где они лежат. Виктор уехал чуть раньше по распределению, вот тут она и закрутила с Игорем. Когда Алла уезжала по распределению, я пришла ее проводить, с ней был Игорь. У меня осталась фотография, где мы стоим втроем. Алла склонила голову в сторону Игоря и млеет от счастья, как кошка, а он стоит от этого смущенный. Видно, что она его сильно любит, просто льнет к нему. Это было весной, а уже осенью тетя Инна сообщила:

—Можете поздравить меня с внуком, Алла сына родила. И Алла говорила, что Виктор женился на ней, когда она уже была беременной. Когда Алла звонила мне, когда мы приезжали к ней, она все время вспоминала Игоря, постоянно говорила о нем, о его жизни.

—Он сразу после армии женился на этой страшной соседке Лорке. Ведь он встречался с тобой, со мной, еще с Надей, еще с другими девочками, все были красивые. А почему он женился на этой страшненькой.

—А не надо было всовывать свое хозяйство куда попало, куда не следует, без разбору, вот она и забеременела, пришлось жениться.

—А у тебя с ним ничего не было? Спрашивала она меня.

—Нет. Зачем мне этот бабник нужен.

—А у меня с ним тоже ничего не было, правда, правда, так только целовались.

Это я только сейчас, когда начала писать дневник, стала вспоминать, анализировать и поняла все. Надо же, что через столько лет выяснилось, что Алла только проводила Виктора, стала тут же спать с Игорем. Потому он тогда ко мне и перестал приходить, потому, что все его время занимала эта Алла.

А когда она уехала, он пришел ко мне, смотрел такими грустными, виноватыми глазами и сказал:

—Пойдем жечь костер, я нашел баллон. Мы поднялись на небольшую горку выше болота. Там уже лежал небольшой баллон от легкового автомобиля. Он подложил туда немного веток, палок и поджег. Пока он поджигал его, я смотрела на него, он был такой грустный, задумчивый, молчаливый. Когда костер был небольшой, он сидел напротив меня, я думала, как мы будем целоваться у костра, нас увидят, такое при свете не делают. Когда костер разгорелся, я сказала:

—Сейчас приедет пожарная машина, подумают, что здесь пожар. Он посмотрел на меня, улыбнулся и сказал:

—Не приедут. Это были единственные слова, которые мы сказали друг другу за несколько часов, пока жгли костер. Ни до того, ни после того, никто из нас не произнес ни слова. Мы смотрели на огонь молча, каждый думал о своем. Я думала:

—Интересно, о чем он сейчас думает, а он многозначительно молчал. И я молчала. Может ему уже надоели все раз-

говоры, претензии, кокетки, девчонки. Может ему хотелось просто посидеть с кем-нибудь, помолчать. А еще я думала:

—Почему так, я по жизни веселая, разговорчивая, с девчонками смеюсь, о чем-то болтаю. А с ним как будто, когда мы вместе встречаемся, кто-то наложил нам на наши уста печать молчания. Мы с ним всегда молчали, когда встречались. А может мы стеснялись друг друга потому, что еще не было близости. Или боялись что-то лишнее сказать, чтобы не обидеть друг друга. Или не сказать глупость, чтобы не показаться глупым.

Догорал костер. А мы все сидели и смотрели на постепенно умирающие, прыгающие, догорающие огоньки большого пламени. Было в этом что-то волшебное, сказочное, загадочное. Было в огне сразу и сила, и красота, движение и причудливые формы, мечтательность и пища для размышления. Он проводил меня домой, я так и не поняла, зачем он позвал меня: посидеть с ним у костра, или ему было очень одиноко и грустно, или он хотел меня видеть, или он хотел просто с кем ни будь помолчать.

Оля поступила в Минусинский пединститут, приезжала только на каникулы. Впоследствии, она два раза выходила замуж, двое сыновей. Оба ее мужа пили и ее били. После окончания института она стала директором школы. А пока мы с ней просто переписывались. Я ей написала письмо, в котором сообщила, что пускаю свою любовь с Игорем на самотек. Бегать за ним, за этим бабником, больше не собира-

юсь. Пусть все будет как будет. На что она мне ответила:

–Нельзя так жить, плыть по течению, нужно бороться за свою любовь. Почему ты не хочешь объясниться с ним? Ты мне присылаешь такие письма, красноречивые, я их читаю, как поэму. У тебя это не отнять. Ты потом всю жизнь будешь жалеть о потерянной любви.

Новый год.

Когда брат был в армии, ко мне запросто заходили девчонки, иногда с парнями. Было весело – музыка, танцы. Как-то мама приходит с работы, а у меня полный дом гостей. Она начала ругаться. Я подхожу к Петру:

–Иди уговори маму сесть с нами за стол, выпить. Уже через 10 минут она называла всех сынками и дочками, обнимала и целовала всех. А уже через полчаса она мирно спала в своей комнате, а мы танцевали и веселились без помех.

После этого Игорь, провожая меня домой после кино, накинулся на меня у дерева, страстно целуя и обнимая. Он терся об меня как ненормальный, на согнутых коленях, как животное. Вдавил меня в дерево, пыхтя и сопя, я сильно испугалась, еле вырвалась, я его стала бояться.

На записку, которую он мне бросил в форточку через несколько дней, с просьбой выйти на улицу среди ночи, я проигнорировала, я боялась, что он в таком состоянии, точно если я выйду к нему, он потащит меня в ночь, в темноту, в камыши, обуреваемый животным инстинктом и изнасилу-

ет. Я думала:

–Как можно, без свадьбы, в камышах, как животные? Мы же люди, так нельзя. А потом, когда свое получит – бросит и убежит к другой. Скажет: а что, ты же сама вышла, значит, ты сама этого захотела. Тебя никто не заставлял.

Но я его уже давно не видела и сходила с ума, ругая себя за свою слабость. Но сердцу не прикажешь. Я думала, ну как с ним встретиться, да и боялась с ним оставаться наедине. Я решила устроить на новый год вечеринку. Всем девчонкам, кого видела, сказала, чтобы приходили ко мне, можно с парнями или в одиночку. Зашла к Игорю, есть повод, он открыл дверь и смотрел на меня зло и обиженно.

–У нас на новый год собираются девчонки с ребятами, хочешь приходи.

–Но я не один буду, с девушкой. Как ножом рубанул по сердцу, сволочь! Бабник он и есть бабник.

–Ну, приходи с девушкой. Я от злости чуть не психанула.

–Вот сволочь, я из-за него устраиваю грандиозный сабантуй, а он: с девушкой приду!

Я всю дорогу плакала пока шла домой. Ну почему у нас ничего не складывается? Начиналось все так чисто и красиво. Вон Петька свою девушку до сих пор не трогает, бережет, нервы не мотает, не унижает и дружат они уже долго, она у него постоянная. А этот, за столько лет уже столько баб поменял, всю кровь из меня выпил. Ладно, хоть увидела его, такого злого, может еще увижу, если придет, душу отведу,

может легче станет.

Мама встречала новый год в гостях. Я купила себе новое, белое с блестками платье. Достала с погреба солонину, отварила картошку, гости начали подтягиваться. Петр, сосед, был с Катей, Гена с Валец, моей подружкой по училищу, Люда с Сашей. И только Игорь был с незнакомой никому девушкой. Были еще девчонки без парней, как и я. До нового года было еще далеко. Но все решили, что уже можно немного посидеть за столом, выпить, проводить старый. Настроения у меня уже никакого не было. Я только видела, как Игорь ухаживает за Таней.

—Зина, а ты почему не пьешь? Спросил Гена.

—А она у нас Белая Ворона: не курит, не пьет, с мальчиками не встречается. С сарказмом сказал Игорь. Назло обнимая свою некрасивую девушку.

—Почему это я не пью, я очень даже пью, понемногу. И курить я умею, и с мальчиками я дружу, с хорошими.

—Да ладно! Ты только работаешь и учишься. Тебя и дома-то не найдешь. Поддержал его Гена.

—Почему не найдешь? А сейчас вы где сидите? Не у меня ли дома? Все начали смеяться.

—Делу время, а потехе час.

—Ну, сейчас ты не на работе и не в школе. Можешь выпить. Завопили девчонки.

—Да легко! Да я вообще больше вас могу выпить, смогу бутылку сухого вина, выпить залпом. У меня как раз сейчас

плохое настроение.

–Да ладно, сочиняешь, бутылку она выпьет. Хоть бы бокал выпила.

–Давай, пей! И передо мной поставили открытую бутылку вина.

–Да легко! Я своей жизнью управляю сама, а не плыву по течению. И живу так как мне нравится, не завишу, ой, то есть, не зависю, ой, короче, от желания других людей. Я не марионетка выполнять желания других людей, что им в голову взбредет. Я смотрела на Игоря и толкала речь, прямо ему в глаза. Не знаю, почему на меня нашло, я же всегда молчала с ним.

Потом мне стало так хорошо, все поплыло перед глазами, я смотрела на гостей. Я вспомнила, что Петька был моим парнем еще в детстве, я его бросила. Но я знаю, что он меня еще любит, песенку на улице включал. С Генкой танцевала на вечеринке, он начал приставать, полез целовать, я от него убежала. Ушла с Сашкой домой, потом и от него сбежала, сказала, что люблю другого. А все из-за него, это он мне кровь портит, из-за него я другим парням голову морочу. Я смотрела на парней, а они же все меня любят, я же вижу. И такой смех меня разобрал. Я начала хохотать. И такая смелость на меня напала. Подумала:

–А что я его так боюсь, стесняюсь? Да меня все парни любят и уважают потому, что я недотрога. А он где-то подобрал эту первую попавшуюся, некрасивую, страхолюдину. Игорь

стоял у проигрывателя и разглядывал пластинки. Он поставил Восточную песню Валерия Ободзинского, посмотрел на свою подружку, она ему улыбнулась и пошел ко мне.

–Привет, дикарка, пойдем танцевать.

–Я только недавно была Белой Вороной, ты что, уже повысил меня в звании? После танца он повел меня в угол комнаты, сел на стул, посадил меня на колени и начал целовать.

Когда он наклонял меня, держа мое тело на своей руке, у меня начинала сильно кружиться голова, я начала вырываться. Он снова меня начал наклонять и целовать.

–Не надо так, мне плохо, отпусти! Я убежала на улицу. Там меня вырвало, он держал меня за живот.

–Я люблю тебя! Он потащил меня к колонке и начал умывать.

–Я люблю тебя! Мне трудно без тебя, Игорь.

–Хорошо, хорошо. Я понял. Вырви еще, тебе будет лучше.

–Мне плохо! Без тебя, Игорь, мне плохо. Я люблю тебя, Игорь.

–Я понял, понял. Вырви еще.

–Но я не могу быть с тобой, понимаешь? Мы никогда не будем вместе.

Утром остались только девчонки. Катя с Петром ушли. Гена с Валею и Таня с Сашей ушли. К обеду пришел Игорь. Он опять поставил Восточную песню и пригласил меня на танец.

–Ты пьяный. Подошла Вера

–Зина, ну что ты его гонишь. Он весь вечер от тебя вчера не отходил, когда тебе было плохо.

–Но он пьяный.

–Ты тоже вчера была пьяная. Когда на спор выпила бутылку сухого вина.

–Я выпила бутылку вина?

–Залпом.

–Залпом? Как это?

–Ну, всю сразу, потому тебе было плохо. Он от тебя не отходил. Танька его ночью ушла.

–Зина. Я не могу сказать словами. Разве твое сердце не чувствует? Подошел Игорь и взял меня за руку.

–А что оно должно чувствовать?

–Мои чувства. Он поднес к губам мою руку и поцеловал пальцы.

–Эх ты! Дикарка. Он указательным пальцем, тихонько коснулся кончика моего носа, послал губами воздушный поцелуй и ушел.

На следующий день я нашла в почтовом ящике новогоднюю открытку. Она была без обратного адреса, но я знала от кого она.

–Не говори, что мир печален.

Не говори, что тяжело жить.

Умей среди жизненных развалин.

Смеяться, верить и любить.

Люда.

Итак, в вечерней школе я познакомилась с рыженькой девочкой Людой. Я сидела у окна на первом этаже, была теплая осень, форточка была открыта. На втором или третьем занятии, посреди урока, мне на стол, прямо у моих рук, сверху с грохотом падает огромный камень. Все на меня посмотрели.

–Счастливая девчонка! Чуть бы в сторону – прямо по голове и капут. У меня похолодело все внутри. Кто-то смеялся. Кто-то сочувствовал. Я на нервах вышла на улицу. За мной вышла Люда.

–Вот тебе повезло. Ты сильно испугалась? Главное – тишина, никого не было видно, просто мистика! Мы с ней разговорились.

–Зина, а у тебя бывает такое? Как будто в мыслях с тобой кто-то разговаривает, сделай то, или сделай другое.

–Да, бывает.

–Правда? А я думала, что это только у меня такое, что только я одна такая ненормальная. А поговорить или посоветоваться не с кем. Мы начали рассказывать друг другу о необычайных ситуациях из жизни, которые с нами происходили раньше.

–Зина, мы с тобой такие похожие, хорошо, что мы с тобой встретились. Люда жила рядом со школой, перед заня-

тиями я заходила к ней, мы шли в школу. Люда рассказывала, как год назад у нее была короткая стрижка, она носила брюки и рубашки старшего брата, обувь на низком каблучке и в нее влюбилась соседская девчонка. Люда была немного выше меня, стройная, с развитыми мышцами на руках и на ногах. Вполне могла бы сойти за парня.

—Она подумала, что я парень, после того как стала свидетелем одного случая. Иду я по тротуару, сзади парень подходит ко мне — стой, кричит. Положил мне руки на плечи, я взяла его руки за запястья, немного присела и перекинула его через себя. Он упал на спину и кричит: — Чокнутая! Я познакомиться хотел с тобой и убежал. Какой вы смелый, сильный, можно с вами познакомиться? Как вас зовут? А я взяла и ляпнула, Артур, что на меня нашло? То ли успех в голову ударил, то ли от стресса, то ли еще от страха не отошла. Ну и начали мы с ней встречаться. Она такая прилипла, никак не отвяжывается, а я как в роль вошла, даже целовались, сама полезла, я ее до дому провожала, соседка моя.

—А дальше что?

—Приходит она как-то ко мне домой, брат открыл дверь. — Артура можно? Какого Артура? Людка, к тебе что ли? Когда она узнала, что я девушка, она плакала у меня на груди.

—А ты правда похожа на парня. Высокая, стройная, даже мышцы на руках видно. А где ты так драться научилась?

—Это мой брат старший, Вовка, приемы всякие показывал.

—Вовка? Ну надо же, у меня тоже старший брат Вовка.

–Да ты что? Вот совпадение какое! Я же говорю, что у нас с тобой сходство.

–Да, если бы у тебя сейчас была стрижка, а не рыжий хвост, точно можно было бы подумать, что ты парень.

–А у меня тоже одно время были рыжие волосы. И одевали меня тоже в мальчика.

–Да ты что? Рассказывай.

–Я училась в 5 классе, в бане у мамы выпросила помыть голову ее красящим шампунем. Она говорит: -Ну, возьми, только немного. А сама ушла в предбанник. Каштановый, она им седину закрашивала. Ну я от души и налила полную руку, плеснула сколько войдет, а волосы то светлые были, стали рыжие, как морковка. Учителя на ушах были: Девочка уже волосы красит, зато пацаны как за мной бегали в школе, в любви объяснялись. Даже один первоклашка и тот в меня влюбился. Ходит за мной каждый день как хвостик, со школы до дома. Молча провожает, такой хорошенький, беленький, кудрявый, как ангелок. Я думаю – может нам по пути, потому он и идет. Останавливаюсь, посмотрю на него, он сразу в другую сторону идет.

Потом смотрю, в другой раз идет, а с ним другой мальчик и говорит ему: -Ну скажи ей, что ты боишься? Я остановилась, спрашиваю: -А что он мне должен сказать, а? Думаю, может в одежде что-то не так. -Он любит вас, вот что! Этот кудрявый посмотрел на меня глазами полными слез и побегал, больше я его никогда не видела. Жалко. Почему он убе-

жал? Я же не баба яга. Я бы его не обидела, могли бы дружить, я люблю детей. Может жених потом был бы мой, как подросток.

—А еще ты говорила, как мальчиком тебя одели.

—О, я сейчас расскажу. Я тогда училась, во второй класс должна была пойти осенью. Я дома прибиралась и на глаза мне попала машинка для стрижки волос. Она была такая красивая, блестящая, серебряная. Я надавила на ручки, она так приятно зажужжала, она меня просто заморозила. Мне так понравилась эта игрушка, мелкие зубчики так быстро бегали, верхние в одну сторону, нижние в другую. Захотелось испробовать на деле, не помня себя, я положила ее себе на лоб, а машинка поехала.

Так я выстригла себе пол головы, до самого затылка. Мама отращивала мои волосы, но они плохо росли. У меня была впереди челка, по бокам косички, на затылке косички, заплетенные лентой в бантик. Я подошла к зеркалу, подняла челку, а там лысина. Ой, что теперь делать, не знаю, мама меня приберет. Я положила свою шевелюру с заплетенными косичками на место, на лысину.

Утром была суббота, по субботам я с утра занимала очередь в баню, а вечером очередь подходила. Так весь день я проходила с лысиной под бантиком на башке. В бане подошла очередь меня мыть. Мама начала расплетать мои косички, я чуть не описалась со страху. Когда половина моих волос и челка, упали в тазик с водой, мама моя обомлела, она

открыла рот и не могла сказать ни слова, затем, заикаясь, она начала кричать, ты что натворила, бесстыжая девчонка, что это такое, гадина, ты что с собой сделала? Она начала прямо в бане бить меня по голой заднице ладонью, было очень больно.

А утром отец остриг всю мою голову машинкой, а что еще делать? Он смеялся: мать, теперь у нас с тобой два сына. Раньше я у брата, когда отец его стриг, просила: дай ежика погладить. Теперь он гладил мой ежик на голове, и я себе могла погладить ежика в любое время. Хорошо, что было начало лета, к школе волосы немного отрасли.

—Но это было еще не все. Вся семья собиралась в гости. Я сказала: я не пойду, как я пойду лысая в платье. Брату подарили джинсовый костюмчик, весь в кармашках и заклепках. Он не хотел его носить. Отец говорит: одевай его, как раз для твоей прически подходит. Пришлось мне надеть этот мальчишеский костюм. Пришла в гости, на улицу выйти нельзя, девчонки пристают: какой к нам мальчик приехал. Мальчик, как тебя зовут? Мальчик, ты где живешь? Мальчик, ты к кому приехал? Я говорю: да я не мальчик, я девочка. Они все кричат: вот дурак, он говорил, что он девочка. Такие приставучие эти девчонки, я подумала, хорошо, что я родилась девочкой, а то родилась бы мальчиком пришлось бы всю жизнь отбиваться от этих назойливый девчонок.

Люда жила в коммунальной квартире с общей кухней. Когда я заходила к ней по пути в школу, видела, как она все

время ругалась с пожилой женщиной, соседкой по квартире. Мне это было неприятно. И я не стала заходить. Ее квартира была на втором этаже, я подходила к ее окнам и кричала: - Люда! Она выходила на балкон: я уже выхожу, мы с ней шли в школу. Как-то прихожу, кричу, а ее нет.

Под балконом стояла женщина в возрасте, раздетая, а на улице уже холодно, ноябрь. Она рассказала мне, что стояла на лестничной клетке, разговаривала с соседкой, придерживала дверь ногой, потом заболталась, забылась, убрала ногу, а дверь захлопнулась. А дети придут не скоро. А я не помню, выключила ли газ, кастрюлю ставила варить с мясом. На соседний с ней балкон вышел высокий, стройный парень.

-Можно по дереву подняться, наклонить высокую ветку на балкон, зайти и открыть дверь. Предложила я парню.

-Нет уж. Мне пока жить не надоело.

-Ты же высокий, легкий, достанешь, тут же всего второй этаж.

-Сейчас, разбежался, мне что, делать больше нечего?

Парень ушел с балкона. Мне так жалко было раздетую женщину, да еще вдруг она газ не выключила, я и полезла на дерево. Долезла до середины, нужно уже наклонять ветку. Но сверху, глядя вниз, было все гораздо страшнее, чем смотрелось с земли. Я сидела на дереве и ругала себя, почему я такая дура, зачем я полезла на дерево, что мне больше всех надо?

Было так страшно, были сомнения, ветка оказалась тол-

стой, согнется ли она, а вдруг она с амортизирует и пошлет меня куда-то туда, подальше. Я сидела на дереве, отдыхала и думала. Под балконом собралась толпа зевак, местных соседей. Отступать было стыдно, а на ветку лезть дальше было страшно. Наконец страх победила гордость, и я полезла дальше.

Я чувствовала себя на этой ветке неуклюжей обезьяной в зоопарке. Я думала, пусть уж лучше я опозорюсь, когда упаду с этой ветки, чем я опозорюсь, слезая с нее как трус. Время остановилось. Мне казалось, что я уже несколько часов ползу и взбираюсь по этой злосчастной ветке. Наконец я ее уже начала сгибать к балкону, маленькие ветки царапали лицо, пришлось их ломать по ходу.

Я легла на нее не помня себя, я чувствовала, что это не я все делаю, как будто кто-то за меня это все делает, управляя моим телом. Не помню даже, как я оказалась на балконе, открыла дверь. Когда я подошла обратно под балкон, посмотреть на дерево, по которому я лезла, мне показалась таким пустяком вся проделанная мной работа, но почему же тогда там было столько эмоций?

Зимой, по холоду, мне не хотелось ездить в школу, в такую даль. Ближе к весне мы снова с Людой встретились в школе. Она мне рассказала:

–Надоела мне эта злобная старуха и я придумала, я взяла и себя избил. Била себя по рукам и ногам, билась головой о бетонную стену, потом вызвала милицию. Написала заявле-

ние на нее, как будто это она меня избивала. Лежала в больнице с сотрясением мозга. Я хочу, чтобы ее выселили из нашей квартиры.

–Ну ты авантюристка. Как ты до такого додумалась? Это ведь больно, бить себя самой?

–Она меня сильно разозлила, начала меня обзывать – шалава, потаскуха, малолетняя проститутка. Сначала я ее хотела убить со злости, потом думаю – меня же накажут, нет, пусть лучше ее накажут.

–Хулиганка ты.

–Нет, я аферистка! Сказала она это с гордостью.

–Скоро будет суд. Мама и брат решили обменять нашу квартиру. Люда написала объявление на обмен и всем девчонкам раздала, чтобы приклеили на столбах возле своего дома. И только мое объявление сработало. Уже весной их семья поменяла квартиру на дом с усадьбой, недалеко от моего дома. Теперь мы с Людой виделись чаще.

–Как-то пришли ко мне Алла и Люда, мы сидим дома и курим. Алла села на мою кровать с сигаретой, прыгает и хочет.

–Встань с кровати, сядь на стул, а то пепел может упасть.

–Да что сделается с твоей кроватью.

–Ну, вот видишь, пепел упал на постель.

–Да я сейчас все стряхну. Мы с девчонками смеялись и баловались, потом я пошла их провожать. Сначала Аллу проводили, потом я пошла провожать Люду.

Подхожу к своему дому, двери открыты настежь, из двери валит дым. На улице лежит мокрый матрац, с одной стороны прогорелый. Мать схватила ремень брата и начала меня бить дома куда попало, а из дома не выбежишь.

—Ах ты куряка, сейчас я из тебя всю дурь-то повыкину.

—Да это же не я. Вырвалось у меня со страху.

—А кто? Кто это сделал? Говори, гадина.

—Это девчонки приходили.

—Кто? Кто приходил? Людка и Алла твоя? Только они тут околачиваются. Поратуешь их тут. Кто подпалил, говори! Я молчу. Выскочила на улицу. Вечером сказала Алле про матрац.

—Я тебе говорила, уйди с кровати, меня мать знаешь, как порола ремнем, вот смотри, какие синяки на руках и ногах. Она сразу сказала, что это ты приходила.

—Зина. Пожалуйста, не говори, что это я, пожалуйста, меня мать прибьет. Она же не знает где Люда живет, скажи, что это она. А к нам она сразу прибежит.

На следующий день смотрю, мать идет с работы, посмотрела на подпаленный матрац, который лежал на улице.

—Ах ты сучка, тварь, скотина, шалава! Кричала она, ломая ветку с дерева, обломала мелкие ветки. Я не успела выскочить на улицу, мать зашла и начала меня хлестать прутом куда попадет, держа меня за руку, чтобы я не убежала.

—Говори сучка, кто подпалил матрац? Пока я тебя гадину здесь не прибила. Говори сучка, Алла твоя преподобная?

—Нет, не Алла. Значит Людка? Я начала отбиваться от нее руками.

—Ах ты сволочь! Мать бьешь, гадина! Дожила, дочь родная бьет.

—А вы почему меня бьете? Вам можно, да?

—Ну, сучка, спи теперь без матраца, на голой сетке. Она запыхалась пока била меня и ушла на улицу, там она еще долго материла меня, глядя на матрац, никак не могла успокоиться. Когда пришла Люда, мать ее еще с улицы начала материть и гнать. Люда вытаращила глаза от удивления.

—Люда. Я ее догнала и рассказала ей все как было. Теперь у нас с Людой была только односторонняя связь. Только я могла к ней приходиться. Я сейчас подумала, как бумерангом вернулась к ней афера с соседкой пожилой, которую она оклеветала.

Я заканчивала училище, работала самостоятельно. В следующий раз, когда я пришла к Люде, она была дома одна, готовила борщ. Она все аккуратно нарезала и все отдельно складывала по тарелочкам: отдельно лук, морковь, капусту, зелень.

—Зина. Я пролетела.

—Куда прилетела?

—Зина. Я пролетела. Меня сосед изнасиловал.

—Как это? Я зажала открытый рот руками.

—Ну я бегала к нему, музыку на кассетах слушала. А потом прихожу, он мне налил вина, мы пошли танцевать, он

завалил меня на кровать и изнасиловал.

–Как это изнасиловал? Ну ты кричала, дралась с ним?

–Все было как в тумане, я поплыла и обессилела. Она доварила борщ, налила по тарелкам, открыла бутылку вина красного, налила 2 полных граненых стакана, выпила залпом.

–Ой, как хорошо.

Я пить не хотела, но неудобно было отказывать, да еще после такой новости, я сильно переживала за подругу. Я была в шоке, даже не знала, что и говорить.

–А сейчас мать ходит и орет: –Людка, у тебя были в это месяце месячные? Она все время проверяет: –Я же тебя прибию, гадина.

–А он согласен на тебе жениться.

–Ты что, он такой страшный, весь как смерть белая.

–А смерть что, белая?

–У него и брови, и ресницы, и волосы белые и глаза пустые. Мать на меня орала каждый день: иди на работу устраивайся, сидишь целыми днями баклуши бьешь. Ни учиться, ни работать не хочешь. Ну я пошла, тут себе недалеко работу нашла. Дорожные знаки мыть.

–Что? Как это мыть? Ну так сказали, завтра выхожу на работу, приходи, посмотришь, где я буду работать.

И тут в калитку заходит парень.

–Люда. Люда, ты дома?

–О, Боже! Хорошо, что я сидела, я бы упала. Он действи-

тельно был страшный. Фигура еще ничего, среднего роста, крепенький. Но брови, ресницы, волосы на голове, на руках белые, глаза выпученные, даже не бритая щетина на лице, тоже белая.

–Зина. Скажи, что меня нет дома.

–Нет уж. Разбирайтесь сами. Лучше я пойду домой.

–Сиди. –Иди домой, я зайду позже. Крикнула она парню.

У меня не было слов.

–Страх. Это все, что я могла произнести.

–А я тебе говорила. Так мы его и стали называть в последствии.

Я зашла к Люде на работу через несколько дней спустя. Не знаю почему, но она мне очень нравилась

–Ой, Зина. У меня дома что твориться? Я ничего есть не могу, меня рвет, тошнит, мать поняла, что я беременная. Пошли с братом к Страху: или женись, или посадим за несовершеннолетнюю. Он сказал: –Я Люду люблю, я согласен жениться.

–А ты?

–Ты что? Ты его видела, что это за муж будет?

–Зато у ребенка будет отец.

–Я по два ведра воды таскала, я машинку стиральную полную поднимала, ничего не помогает. В бане парилась долго, веником по животу била, никак не вылезет, гад! Страх ходит каждый день, уговаривает пойти с ним в ЗАГС. Представляешь, что интересно, почему-то у меня месячных уже два ме-

сяца нет.

–Ой, Зина, что я тебе сейчас расскажу. Люда начала хотеть.

–За мной начальник начал бегать, приходит ко мне на работу по вечерам. А сегодня утром зашел, говорит: вечером зайду. А я вспомнила, что утром трусики не передела свежие, сняла, постирала, повесила сушить на трубу, рядом с плиткой. Слышу запах горелой тряпки, посмотрела, а это мои трусики подгорели, в нескольких местах дырки. Он вечером придет, а как я без трусиков, что теперь делать? Она сильно смеялась.

Мой брат вернулся из армии и не один приехал, а с девушкой. Мама была в шоке.

–А как же Юля? Вы хотели свадьбу сыграть, когда ты вернешься?

–А ваша Юля, уже полгода назад, вышла замуж.

–Да как же это? Неправда. Она же твоя невеста, ждала тебя, ты ей стихи писал, вы же любите друг друга. Вы же уже были как муж с женой. Ну, смотрите сами.

Через неделю брат подходит к маме.

–Дайте мне денег, 30 рублей.

–Зачем?

–Мне надо.

–Зачем?

–У меня туфли порвались.

–Нет у меня денег.

–Займите.

–Да я же тебе только что отдала все деньги: ты купил туфли, рубашку, брюки, куртку, носки, трусы. Я же тебя одела, обула с ног до головы. Что тебе еще от меня надо? Плакала мама. Кровопийцы! Отец твой сколько надо мной издевался. Да, когда же, я уже сдохну от вас всех, сволочи! Когда же я уже сдохну, Господи!

Как мама не плакала весь вечер, на утро она дала ему деньги. Он купил билет своей девушке и отправил ее домой.

–А где же твоя жена? Спросила я, когда пришла с работы.

–Какая она мне жена?

–Ну вы же жили с ней, как муж с женой.

–Так шалаву снял, ехали в поезде, увязалась за мной.

–Девушка то хорошенькая была, симпатичная, стройная, как куколка. Видно, что она тебя сильно любит.

–У меня таких девушек еще будет знаешь сколько, сами в штаны лезут, а я что, мне после армии погулять еще надо, я молодой.

–А где Рита? Что-то я ее не вижу. Слышишь, что молчишь? Где Рита? Спросила мама.

–Домой уехала, ту – ту.

–А, это ты деньги ей на дорогу взял? Я еще твоим шалавам платить должна? Я цемент глотаю, чтобы твоих сучек оплачивать. Господи, да, когда же я уже сдохну, от вас от всех! Плакала мама.

18 лет.

Мне исполнилось 18 лет. Мама накрыла большой стол в зале. Я сшила себе новое, красивое платье. Пришли родственники, все меня поздравляли и хвалили. Тройродный брат Толик подарил мне свою гитару, я о ней давно мечтала. Давно хотела научиться играть на гитаре и петь песни, романсы под гитару в кругу друзей.

Даже нашла себе репетитора, но в нотах я не бум-бум, ничего у меня не получилось. Моя крестная подарила мне свои позолоченные часы, браслет. Я тоже мечтала о них всегда. Любовалась мамиными маленькими, золотыми, изящными, резными часиками. Правда мои часы уже через неделю остановились. Я их сняла с руки и все забывала отнести в ремонт, носила в сумочке.

—Ой, Зинке часы золотые подарили, этой дуре. Она их или потеряет, или у нее их украдут. Злорадствовал мой брат.

Через месяц пришел Игорь. Брата не было дома. Я сидела на кровати, читала книгу. Он зашел, сел на стул, задумчивый и растерянный.

—Может сходим, оформим брак? Хорошо, что я сидела на кровати, я бы упала со стула.

Я молчала. Я думала, что после того, как все случится, я сяду и скажу:

—Извини, что крови нет. Я тут до тебя немного поковырялась, палочкой от веника и порвала себе плеву. Но ты не переживай, это просто из любопытства. Но ведь это было до

тебя.

И он будет меня всю жизнь упрекать, что женился на мне, а я уже была не девушка. У него будет повод гулять, он ведь как бы обиженный. Но даже и это уже не главная причина. Причина была в нем, в его непостоянстве, в его легкомыслии, а может в его увлеченности другими девушками, но его уже не исправишь.

Если он уже молодой такой, он уже не остановится, так и будет гулять всю жизнь. Встать в очередь и расталкивая локтями его многочисленных любовниц, злиться, рвать на себе волосы, ненавидеть и проклинать? Или как говорила моя мама: сидеть у окна, плакать и ждать, когда он нагуляется и посетит свою жену и детей.

Нет уж. Достаточно он мне попортил крови, много я уже слез пролила пока ждала, когда он нагуляется с моими подругами. Он не для меня, лучше жить одной, чем с кем попало. И так я ему ничего не ответила словами, только мысленно я с ним разговаривала. Потому, что снова, как всегда, на уста как будто наложена печать молчания.

А может потому, что не все можно сказать словами, особенно такое. А может, я думала, что он меня просто не поймет. А может, я просто не хотела его обидеть. А может, просто я дала ему повод подумать о своем поведении. Он же наверняка думает, что никто не устоит от его такого предложения, что все девчонки, как пчелы летят на мед, в его объятия, стоит ему только моргнуть глазом. Вот и пусть подумает, и

поймет наконец, что он все же не центр вселенной.

Он ушел в недоумении. А я опять облила всю подушку своими слезами. Перевернула ее на сухую сторону. Вздыхала и думала: – Ну почему же все– таки я такая дура?

Так все и случилось, как говорил мой брат. Когда мне исполнилось 18 лет, я на работе стала работать полный рабочий день. В вечернюю смену до 12 часов ночи. Мама встречала меня на остановке. Нужно было идти ночью по поселку, по неосвещенным иногда узким переулкам, потом через автобазу. А сегодня мама меня не встретила. На улице никого не было, темно, страшно. Я шла, выпучив глаза от страха, чтобы в темноте увидеть дорогу, озираясь по сторонам. Но благополучно дошла до дома.

–Мама, почему вы меня не встретили? Было так страшно идти домой, темно.

–А Игорь тебя разве не встретил?

–Нет.

–Он пришел, тебя спросил, я сказала, что ты на работе, сегодня во вторую смену. Он спросил, во сколько я хожу тебя встречать? Сказал, сегодня не ходите, я сам Зину встречу.

–Ой! Наверно мы с ним разминулись. Наверно он там стоит до сих пор, меня ждет, я побегу его найду.

Я побежала на предыдущую остановку ждать автобус. Чтобы, как будто я только что приехала с работы. Я так радовалась, что он приходил, что он меня еще не забыл, что я его сегодня увижу. Но автобуса не было. На остановку подо-

шли 2 парня.

—Ой, какая девушка красивая стоит и одна. Один стал ко мне подходить и толкнул меня резко в грудь. А другой, поставил мне сзади, подножку. Я упала на асфальт и начала отбиваться от них сумочкой и кричать. Сумочка расстегнулась, из нее посыпались деньги и часы. Они с радостным возгласом собрали добычу с асфальта и убежали.

Я прошлась по улицам до следующей остановки, я искала Игоря. Но его нигде не было, я пошла домой. Когда я проходила по территории автобазы, за мной увязался длинный долговязый парень. Он настойчиво шел за мной. Я ускорила шаг, он тоже. Я подумала:

—Я остановлюсь, он пройдет мимо и тогда я спокойно без нервов пойду домой, никого не боясь. Я отошла в сторону от дороги. Он прошел мимо. Я облегченно вздохнула. Думаю, хорошо, что я его пропустила вперед. Теперь, когда он в поле моего зрения, пока я его вижу впереди, мне будет не страшно идти домой. Даже наоборот, все как-то не одна. Но он вдруг остановился, присел на корточки, как будто завязывал шнурки.

—Что делать? Подумала я. Не могу же я тут стоять с ним всю ночь. И обратно не пойдешь, чтобы выйти с завода. Уже далеко зашла. И что там делать, там тоже страшно на улице, везде темно. Уже близко был поворот, там дома, там живут люди. Там уже будет не так страшно, может побоится ко мне подходить.

Я медленно прошла мимо него и после ускорила шаг. Теперь он оказался сзади меня, опять шел за мной. Я зашла за поворот, здесь уже были дома. И вдруг он набросился на меня сзади. Он схватил меня одной рукой за волосы, наклонив голову к себе, другой надавил на горло локтем. Я начала выворачиваться. Он прижал меня к бетонному забору. Одной рукой он меня душил, другой вцепившись за волосы, сильно бил головой о бетонную плиту. Потом одной рукой полез под юбку. Я махала пустой сумкой по воздуху, не могла дотянуться до него руками. Потому, что он был очень высокий, у него были длинные руки, он держал меня на расстоянии вытянутых рук. Я не могла до него дотянуться.

Я набрала в легкие воздух и что было силы начала визжать. А визг у меня был довольно громкий и пронзительный. Когда я была маленькой, я любила визжать, когда меня обижали, все затыкали уши, не могли выдержать. И вдруг он меня резко отпустил и стремительно скрылся в темноте. Я только видела его убегающие светлые подошвы.

Я стояла у забора как приклеенная, не могла сойти с места. Немного успокоившись, я медленно пошла домой. Когда брат пришел с армии, он бегал по девчонкам, брал и уводил с собой Игоря. Наверно и в этот раз так же случилось. Наверно, он просто забыл обо мне, что обещал маме встретить меня с работы. Я не могла успокоиться:

—Какая безответственность! Я снова проревела полночи. Кто ему дал право так поступать со мной? Сколько он еще

будет издеваться надо мной? Будет мотать мне нервы и пить мою кровь? Во всяком случае, после такого предательства, халатности, безответственности, я решила окончательно выкинуть Игоря из головы, забыть о его существовании и просто спокойно жить своей жизнью. Очень много хлопот, нервов и переживаний он мне доставляет. А мне это надо? Я решила поставить на нем крест. Потом его забрали в армию, я его долго не видела.

Машина.

Я начала замечать, что рядом с нашим домом по дороге частенько проезжает такси Волга, а за рулем женщина лет 40. Я представила себе, что я еду в этой машине вместо этой женщины. Раньше я не видела женщин за рулем, а может не обращала внимания. Я на фабрике зарабатывала хорошие деньги и все отдавала маме. А если что покупала себе, говорила, что мне подарили. Мне было стыдно тратить и просить на себя даже свои деньги.

Я подсчитала, что если я буду складывать на книжку все свои заработанные деньги, то смогу купить себе такую же машину уже через 5 лет. Эта мечта просто увлекла меня всю. Я думала об этом каждый день на работе и дома. Я рассказала об этом маме:

—Мама. Я буду донашивать старую одежду и обувь по возможности, как-нибудь потерплю, вы меня только кормите 5 лет.

—Я тебя 18 лет кормила. Хватит сидеть на моей шее! Раскричалась она. Я вам что, дойная корова? Кровоопийцы! Только и знаете, что пить с матери кровь. Отец ваш всю жизнь пил с меня кровь. Думала, дети вырастут помощь будут. Теперь дети пьют с меня кровь. Господи, когда же я от вас всех вы схожну! Оставьте вы все меня в покое когда-нибудь, или нет.

Я решила, ладно, пусть не 5 лет, пусть потребуется немного дольше копить деньги, пусть 7 лет, я потерплю, главное, что у меня все равно будет машина, моя собственная машинка.

Я начала искать, где меня могут научить водить машину. Но у нас же рядом с домом автобаза, я пошла туда.

—Мы девушек вождению не обучаем, только парней. Нужно полгода проработать помощником механика, потом полгода механиком, потом год поехать на грузовой машине, только потом на такси. Вы будете чумазая в мазуте лежать под машиной?

—А что, курсов никаких нет?

—Нет. И девушек мы не берем.

—А где же девушкам обучаться вождению? Если я хочу водить машину?

—Покупайте машину, учитесь сами по самоучителю, сдавайте на права и езжайте себе на здоровье.

—Понятно. Такой вариант, в мазуте под машиной, меня не устраивал по любому. А кто же тогда за меня будет деньги на

машину зарабатывать? Если я буду там лежать под машиной. Я начала экономить деньги. В столовую не ходила. На обед в буфете брала стакан сока и песочник.

– Похудеть полезно, а то после леденцов сильно поправи-
лась. Девчонки на работе смеялись.

– Ты что на еде экономишь, так и ноги протянуть можно,
ты что, на машину копишь?

– Какие вы, однако, догадливые.

Я пошла получать в кассу зарплату, а там увидела мно-
го-много денег. Разными купюрами, стоят большими стоп-
ками. И меня ждут.

– Вот бы мне сразу все эти деньги получить разом, я смогла
бы сразу купить себе машину. Я отошла от кассы к окну.
Начала разрабатывать план ограбления.

Идет кассирша с полной сумкой денег, а я ее бац по голове
сумочкой в которой у меня лежит большой камень. Кассир-
ша упала, истекает кровью, я схватила ее сумку с деньгами
и побежала. Я молодая, быстро бегаю. А на проходной меня
бы уже ждали, схватили, надели наручники и повезли в ми-
лицию, посадили бы в тюрьму. А в тюрьме так плохо, душно
и темно. Стало страшно.

Выходила кассирша из кассы, проходила мимо меня,
смотрела на меня. Она даже и представить не может себе, что
за ней уже наблюдают и готовят страшное преступление про-
тив нее. Как жалко, что люди не умеют читать мысли других
людей. Вот так проходят мимо тебя люди, смотрят на тебя,

улыбаются, а у них на уме одно, как бы кого-нибудь убить или изнасиловать. Просто страшно жить на свете. Я стояла и улыбалась.

—Ладно, живи. Я пошутила. И я лучше поживу на свободе. Я там никогда не была и надеюсь — не буду. Не беспокойся милая женщина, я тебя не трону. Я повернулась к окну. А на улице весна, весна. А на улице хорошая погода, а на улице свобода. Как порой мы не замечаем своего счастья. А что такое счастье? Да все просто. То, что мы ходим по тротуару своими ногами. А вокруг солнце светит, птицы поют, листочки распускаются. Мир и покой, вот это и есть счастье.

Мы с мамой сидели вечером и смотрели телевизор, приходит брат.

—Хочу познакомить вас. Это моя девушка. Зина. Посмотри, правда же она похожа на Юлю.

—Да. Что-то есть, немного похожа.

—Где же немного, ты посмотри на нее, это же одно лицо. Мама, посмотрите, как она похожа на Юлю.

—Похожа, как свинья на ежа.

Мама ушла на работу в ночную смену. Утром брат заявляет:

—Хочу познакомить вас. Это моя жена. Она была веселая, приветливая, мило улыбалась.

Теперь брат с женой заняли большую и единственную комнату просторную. Мне пришлось поставить свою кровать на кухне, возле окна. Подвинули общий стол, возле кровати

я поставила стул для одежды.

Больница.

У меня часто в детстве болело горло, даже помню, как-то в младших классах лежала с температурой, не могла встать с постели. Было больно глотать. Отец поднял меня, почистил яйцо вкрутую и заставил его съесть.

–Это свяченное яйцо, съешь, сразу поправишься.

Я со слезами, давилась, но ела это яйцо потому, что сильно боялась отца. И правда, не знаю почему, мне сразу стало лучше. А сейчас, когда болело горло, я брала маленькое зеркальце и смотрела на свету на свое горло. Миндалины были увеличены и в них были дырки, по одной с каждой стороны. Из них в рот падали какие-то кусочки, пробки, как мне сказал врач, когда я пошла в поликлинику. Мне сказали, что миндалины увеличены и их, гланды, нужно удалить. Иначе очередная ангина может меня задушить. Больные гланды разрушают сердце, да к тому же неприятный запах со рта никого еще не украшал. И так в 20 лет я решила сделать операцию.

Я зашла в палату, там стояло 7 коек, 3 с одной стороны и умывальник и 4 с другой стороны. Было много свободных кроватей. Я начала выбирать себе место, чтобы не возле окна, чтобы не светило днем солнце, а ночью луна, чтобы не возле умывальника, брызги. Выбрала кровать и начала заправлять постель. Только прилегла, в палату зашла плачу-

щая женщина лет 40. Сначала я не поняла, о чем она говорит:

—Это оскорбление, это унижение человека! Везде только и стараются обидеть и унижить. Я женщина, нельзя так со мной. Могли бы понять меня и пойти на уступки, сделать исключение для меня, если я прошу.

—Что случилось? Почему вы плачете?

—Сказали, чтобы на операции не было никакой косметики, чтобы я парик сняла. А я женщина, я хочу всегда быть красивой, чтобы и на операции лежала красивой. Говорят, если бы вы были лысая, тогда в виде исключения, можно было бы. Вы лысая? Нет? Тогда будьте любезны, парик оставить в палате.

Я лежала и не знала, что ей сказать. Не хотелось ее обидеть. Но, с одной стороны, думала я, это же операционная, там все должно быть стерильно. А парик, она же по улице в нем ходила. Да и постоянно его носить вредно, волосы свои натуральные портятся. Они там не дышат, от пота склеиваются, скапливаются микробы и бактерии болезнетворные. Хотелось сказать:

—Вы же не на танцы пришли и не в ресторан, а в больницу. Вы пришли лечиться, а не развлекаться. Я вообще не поняла, зачем ей этот парик. Свои волосы то всегда лучше смотрятся, чем эта мочалка. Ну зимой, например, это другое дело, его можно носить вместо шапки: и тепло, и прическа. А летом из своего волоса можно сделать красивую стрижку, прическу, заколоть красивой дорогой заколкой, повязать яркий, легкий

шарфик. Как красиво, когда волосы на солнце блестят, на ветру развеваются. А летом в помещении носить парик, это же ужасно! Так я ничего и не посоветовала Тамаре. На моем лице было только удивление.

Стоит ли расстраиваться, мотать себе и другим нервы из-за таких пустяков? По видимому ее в детстве сильно баловали и потакали всем ее капризам, а таким людям трудно теперь держать себя в рамках общественного мнения. В том числе и сильно забытые дети в детстве, как я.

Я поступила в больницу в субботу. Мне сказали, что в понедельник будет много народу в приемном покое:

–Полежи, отдохни, наберись сил, успокойся, лучше подготовишься к операции. А во вторник, если все будет хорошо, могут уже сделать.

–Обычно, когда ложатся в больницу, 2 дня все отсыпаются, отдыхают от домашних дел. Сказала Таня, глядя на меня. А что еще делать? Правильно, отдыхай.

Вот и понедельник, положили несколько новеньких женщин. Врачебный обход закончился, мне назначили операцию на завтра с утра. Обед закончился, все лежали по своим кроватям и отдыхали.

Открывается дверь, входит женщина лет 30, она вся светится счастливой улыбкой.

–Вот моя палата. Она подошла к пустой кровати у окна. Вот моя кровать, на этой кровати я умерла 3 дня назад. Она осмотрела палату. Что, все новенькие? Стареньких всех вы-

писали? А кто на ней лежит? Она еще свободная? Она села на кровать и попрыгала на ней. Все смотрели на нее, как на сумасшедшую.

–Как это умерла? Вы ведь живая? Спросила я.

–Да. Слава Богу, живая! Я живая! Смеялась она. Я просыпаюсь от холода, я лежу на холодном бетоне, голая, без одеяла. Начала возмущаться. Эй, вы что? Вы все с ума походили что ли? Отдайте мне одеяло! Кричу я. Мне холодно. Везде темно, ничего не видно. Я увидела вдалеке узкую щелочку света. Поползла туда, ничего не пойму, натываюсь на что-то холодное, шупаю, поняла, это голые тела людей. Потому, что руки, ноги, голова. Я их трогаю, ничего не пойму, думаю сон что ли кошмарный снится. Бывает такой сон, непонятно, то ли сон, то ли правда. Я чуть с ума не сошла со страху. Я поползла через эти холодные тела покойников, кричу со страха во все горло.

Когда я доползла до узкой полоски света, у меня пропал голос. То ли от крика, то ли от холода. Я начала кулаками бить в металлическую дверь, долго стучала. Потом кое-как поднялась на ноги, трясась от холода, ноги вибрируют, начала пинать ногами металлическую дверь. Наконец, меня услышали.

А родственникам сообщили, что я умерла в субботу. Хорошо, что меня еще не успели порезать. Сегодня утром все приехали: с гробом, с венками, с цветами. Чтобы забрать тело с морга, а им говорят – живая ваша Наташа. И я тут вы-

хожу им навстречу, все плачут, обнимают, целуют меня. Вот так я увидела свои собственные похороны.

Все на ухах: и родственники, и врачи, и я конечно тоже до сих пор в шоке. Это хорошо, что я утром в воскресенье очнулась, а если бы ночью, кто бы меня услышал? Я бы там или замерзла насмерть за ночь в холодильнике, или бы с ума сошла со страха. Каково это среди покойников лежать? А сейчас меня положили в другую палату, говорят понаблюдать надо. Ой, какая я счастливая, девчонки! Как будто заново на свет родилась.

Говорят, кто ожил после своей не состоявшейся смерти, кого считали покойником, а он живой, потом долго жить будет. Ладно, пойду в свою палату. Сказали, чтобы я лежала больше, мало ли что. Чтобы опять не померла. А я не утерпела, зашла посмотреть на свою кровать. Я вечером зайду. Пока, девчонки! Не болейте и не умирайте. Она ушла, а мы лежали как очумелые, кто бы рассказал такое, не поверили бы ни за что. А я лежу и думаю:

—Хорошо, что я не заняла эту кровать у окна. Жутко было бы на ней лежать, сознавая, что еще утром, перед моим приходом, здесь лежал покойник, хоть и оживший потом.

Вечером устроили чаепитие, пообщаться, познакомиться. В палате я была самая молодая, остальные были от 30 до 50 лет.

—Зина, ты кушай побольше, вон худенькая какая. Я как увижу кого худого, так мне сразу хочется его покормить.

Сказала Света.

–Да эту синичку, хоть на пшеничку, она уже не поправится, у нее конституция такая. Ответила Тамара.

–Почему? Я недавно была полненькая, даже неудобно было. С 15 лет как начала есть леденцы, карамельки, понесло, как на дрожжах, такая пышечка была. Ничего не ела кроме конфет, потом мне крестная сказала, ты все ешь, не бойся, от мяса не поправляются, а конфеты не ешь. Это ты от конфет такая, тогда похудеешь, да и зубы портишь от сладкого. Так я и похудела, перестала есть конфеты, а то постоянно сумочка была полна леденцами, одну за другой ела.

–Рассказывай сказки, пышечка она была. Да, есть такие женщины, сколько не едят, а все не поправляются, а потому, что злые, у них все сгорает. Я вот мало ем, боюсь лишний кусочек съесть, а похудеть не могу. Не унималась Тамара.

–У меня и мама полная, и бабушка полная, и вся моя родня по женской линии – все у нас полные, порода у нас такая, склонные к полноте.

–Интересно, кого завтра положат на эту кровать бывшей покойницы. Я сначала думала, что она с психушки сбежала.

–А я вот после родов в психушке лежала. Ребенок плачет и плачет, не унимается, потом стал в истерике закатываться. Мне почему-то так страшно стало, как будто он кого-то оплакивает, что кто-то умер, а мне не говорят. И что сейчас за мной смерть придет, я залезла под кровать, боюсь вылезать. Свекровь увидела, вызвала психушку. Меня увезли.

—А я лежала в больнице, а врач на обходе говорит: —Я сегодня дежурю в ночь, приходи ко мне в ординаторскую, после отбоя. Я тебя посмотрю, послушаю, лечение тебе назначу.

—Ну как, хорошо посмотрел?

—Еще как хорошо посмотрел, я 40 лет прожила на свете, первый раз такого мужика встретила, думала с ума сойду. Пришла в палату, а меня девчонки увидели, еще не спали, говорят: —Ты что, выпила? Я говорю, вы что, где это я выпью? Да у тебя глаза светятся, как алмазы, как будто ты выпила или на случке только что была.

—Профессионал попался видно. Все смеются

—А я пошла на работу устраиваться в гостиницу, там сауна, бассейн, ресторан. Работодатель предложил поплавать в бассейне, чтобы получше рассмотреть мою фигуру. Полез целоваться, обнял так, что я вырваться не могла, так в бассейне и оттрахал быстренько. Да еще сказал: Будешь работать у меня, клиентам не отказывай, они тебе будут хорошо платать, ну и меня конечно не забывай, будешь жить, как сыр в масле купаться.

—А у нас дома вечеринка была на 8 марта. Я пошла, девчонок проводила, иду домой, у подъезда встретила соседа, он мне говорит: —Ох и давно же я тебя, Людка, люблю. А я ему говорю: —Тогда пошли трахнешь меня. А он говорит: —Да пошли. Взял еще бутылочку, на улице ее распили, ночь уже была, темно. И где мы только с ним этим не занимались, под каждым кустиком. Очнулась я и ничего понять не могу. На

мне лежит мужик и во всю работает. Смотрю по сторонам, ничего не пойму, везде деревья, кусты, ночь, темно, а я на улице лежу, а на мне мужик тудится.

Все смеялись. А я сидела и думала:

—О Боже! И тут тоже самое. Неужели вся жизнь состоит из такой грязи. А женщины наперебой рассказывали о своих приключениях и смеялись до упаду, до слез.

—А я пошла мусор выносить, смотрю сосед стоит рядом с баками, курит: -Тамара, ты что ли? Иди сюда, что я у тебя спросить хотел? Что? Какой размер у тебя лифчика? И начал меня целовать. Пока я вспоминала, какой у меня размер, я и не заметила, как он меня к забору придавил, а там дома далеко, темно, если кто пойдет, видно. Так вот я и выкинула мусор, сразу полезное с приятным совместила.

А я сижу и думаю, это что и стоя можно? Значит Игорь мог бы меня у дерева, прямо стоя что ли? Какой ужас!

—А я пришла к любовнику, а он такой жадный, бутылочку возьмет, в лучшем случае маленькую шоколадку. А так огурец или капусту на закуску. А тут пришли к нему два товарища, посидели, он пошел покурить на кухню, а они мне говорят: -Мы сейчас уйдем, ты тоже выходи на улицу, мы тебя там у соседнего подъезд ждать будем. Мы здесь недалеко живем. Мы тебе такой стол накроем! А Сашка – он жадный, у него бутылку не выпросишь. Ну, я и пошла к ним.

Они мне такой стол сделали: шампанское, шоколад, бананы, ананасы, апельсины, яблоки, виноград. Даже пельмени

купили. Говорят, это мы на всякий случай взяли, если ты кушать захочешь. Включили музыку, танцую с ними по очереди. А они даже не пристают ко мне, никаких намеков, такие деликатные. А мне так неудобно стало, что мужики зря трагались, надо отрабатывать.

Говорю, давайте по душам поговорим, вы ведь меня не просто так пригласили покушать. Они так обрадовались. Говорят, нам так неудобно было об этом говорить. А вы не только красивая, но еще и умная женщина. Кого выберите, мы не будем в обиде. Вы сегодня наша королева. Ну, я чтоб не обижать никого, по очереди отработала, а что, ночь-то длинная, что еще делать. Вы представляете, я в их обществе, правда, почувствовала себя королевой, такие обходительные, любезные, на руках меня носили и руки целовали.

Наконец-то и на меня обратили внимание.

–Зина, а ты замужем?

–Нет.

–А замужем была?

–Нет.

–Ой, а мы дуры тут такое рассказываем. Девчонка уже покраснела.

–Пусть на ум мотает, как надо жить, любить, ничего в жизни не упускать.

–Так ты еще девушка?

–Какая она там девушка? 20 лет. Сейчас уже в 15 лет рожают. В поликлинике женщина рассказывала: внучка 13 лет,

смотрим – живот растет, думаем, просто ест много, аппетит появился. А она на тебе, живот на нос полез.

–А почему замуж не выходишь?

–Она наверно фригидная.

–Без любви не могу.

–Если будешь любви ждать, так и останешься старой девой.

–Сейчас невесты помолодели. До 18 лет редко кто дотягивает, по справке уже расписывают раньше. А после 20 лет считается уже прокислая невеста.

–После 20 лет уже только разведенки расписываются.

–Да сейчас уже с 15 лет сожительствуют, времена изменились.

–А мы мужиков своих ругаем, а тут девки какие распущенные, мужика не удержишь. Я мужа начала ругать, говорю, ты мне изменяешь, а он мне: ты пойми, назначение мужчины – как можно больше семян в горшки с цветами бросить. Здоровых мужчин мало, их уже в красную книгу записывать надо. А девки молоденькие пристают, всем хочется.

–А я вот своему мужу никогда не изменяла. Со школы за одной партой сидели, любила его, просто с ума сходила, а гулял он по молодости со всеми моими подружками. Ну, думаю, женится, остепенится, дети пойдут. Ничего его не держит. Раньше хоть ночь, две не ночевал, а сейчас уже и на неделю может загулять. А я что, терплю, люблю я его очень, просто с ума до сих пор схожу. Плачу, а терплю и жду. Такой

он красивый.

—Мой первый муж гулял, я ему вещи собрала, говорю: иди гуляй дальше, соколик. Он говорит: да ты потерпи немного, как стоять не будет, я весь твой буду, а я говорю: а зачем ты мне тогда нужен будешь?

Я долго не могла уснуть, я все думала, неужели грязь и распущенность, это норма жизни. А что, взять моих подружек, Марина, Алла, Люда, Оля, им не было еще 18 лет, когда они уже начали гулять. А эта в училище, Нонна толстая, она с 16 лет уже сожительствовала. Да что там говорить, если даже у Ромео с Джульеттой было по 15 лет, а это классика.

Все, нужно тему закрыть, это просто я старомодная. Мне нужно было родиться в 18 веке, что-то я не в тот век попала. Я поняла. Это просто строгое воспитание моих родителей. Но тогда почему брат у меня такой распущенный, пошлый, у нас с ним были одни родители? Наверно, мама меня воспитывала строже, а брата она любила больше чем меня, она его баловала. А Игорь, он ведь не такой пошляк, как мой брат, но он попал под влияние моего брата. Он ведь тоже, называл меня дикаркой.

Женщины всегда завоевывали мужчин чем? Красотой и сексом. Даже состоятельные мужчины женились на проститутках. Наверно с опытными интересней. Как один мужчина на работе сказал: а что с этих девственниц толку, они ничего не умеют, лежит как бревно. А может это в жизни главное, может, это и есть любовь. А что в моем понимании любовь?

Это охи, вздохи, страдания, слезы в подушку, но от чувств не рождаются дети. А любовь, это продолжение рода. Значит кто я? Моральная уродка, тупица, прокислая невеста.

Тогда кто же придумал мораль, честь, совесть, стыд? Кто? Для чего? Для чего меня мама так строго воспитывала? Что мне до сих пор так стыдно. Если самое главное в природе – как можно больше семян бросить в горшки. Значит дать рождение новой жизни. Она что, не хотела внуков? Хорошо. Это для молодых. Понятно, для продолжения рода. Тогда почему взрослые люди этим занимаются? И это не понятно. Это что у них – инстинкт животный? Ну и что? Человек, если разобраться, тоже животное, только с более развитым интеллектом. Тогда почему у меня нет этого инстинкта? Нет, он есть, я хочу, иногда даже просто с ума схожу, но как до этого доходит – мне очень стыдно.

Значит, моя дурацкая совесть, или трусость, сильнее животного инстинкта? Я поняла, мне еще с детских лет убили этот инстинкт. Забили его ремнем, кулаками, ногами. Почему я опять плачу? Почему я такая дебильная? Мама постоянно ругала меня, она постоянно за что-то наказывала. Это делать нельзя, это не красиво, это не хорошо, как тебе не стыдно, ты же девочка. Вот, я нашла, она постоянно говорила, как тебе не стыдно. Потому стыд стал смыслом в моей жизни, он занял главное место. Мне всегда, мне постоянно, чтобы я не сделала, плохое или хорошее, мне всегда стыдно.

Запреты. Они не дают развиваться человеку как личности.

Он живет в ограниченном мире, в рамках дозволенного, он всего боится – риск, подвиг не для него.

Хорошо. Возьмем противоположную сторону, если распустить ребенка, все ему позволять, он вырастит эгоистом, он не сможет сострадать другим, не будет помогать родителям, больным и старикам. А если распустить инстинкт, то начнется хаос. Так как же быть? Где найти золотую середину? Где она та грань дозволенного, которую нельзя переходить? Кто точно знает? Как нужно правильно жить, любить, сеять семена. Почему разводятся семьи? Почему страдают дети?

И вовсе я не фригидная. Когда целовал Игорь, я не фригидная, я все чувствовала, я очень хотела. В низу живота было так тепло и приятно. Но было очень стыдно и неприятно, что в камышах, как собачку. А самое главное, что он после этого бросит, побежит к другой, больше не придет. Будет думать, значит она с каждым так сможет. Если бы я была уверена, что он только мой, что я для него что-то значу, что у него ко мне серьезные чувства. Но он не надежный, не серьезный, не постоянный. То ко мне придет, то с Аллой, то с Надей, то еще брат его куда-то уводит. Как можно с таким не серьезным, строить серьезные отношения? Если он легкомысленный, оставил девушку в опасном положении, забыл, не встретил, предал. А других мне не надо. Что делать? Лучше уж тогда одной, чем с кем попало.

И вовсе я не фригидная. Это было у него дома. Когда Игорь меня так нежно целовал, обнимал, ласкал груди, я так

его захотела, я так загорелась, я была тогда готова на все. Я начала его страстно целовать. Но, неизвестно почему, он мне сказал: -Успокойся, Зина. И продолжал меня нежно целовать. Мне стало так стыдно за мое поведение. Я не понимала, почему он так сказал? Может он сильно испугался моей сексуальности. Тогда я бы смогла, но он остановил меня, но почему?

Я так хотела его. Когда я пришла домой, так страдала, мучилась, всю ночь не спала, плакала. Потом ночью лежала, нащупала пальцем то место, где было приятно, начала гладить и надавливать. Я нащупала маленький, мягкий кусочек шланга, он стал увеличиваться и твердеть. Было так приятно, я начала на него сильно надавливать и тереть. Стало так сильно приятно, я надавила и замерла, а потом он стал мягким и совсем исчез. А я стала спокойней, желание пропало и больше не хотелось.

Вторник. Сегодня у меня операция. С утра женщины рассказывали смешные анекдоты, интимные истории и смеялись. Не хотелось уходить. Во время операции я тоже вспомнила несколько анекдотов, хотела быстрее прийти в палату и рассказать:

-Я вспомнила несколько анекдотов, сейчас расскажу. Смеялась я.

-Ты что, тебе еще нельзя разговаривать.

Потом ко мне пришли подружки, я пошла в приемный покой.

–Быстро в палату. Ты же только что после операции. Тебя что, к кровати привязывать? Кричала на меня дежурная медсестра.

–Зина, не выходи замуж, живи в свое удовольствие. Говорила Тамара.

–А как же дети? У вас есть дети?

–Нет. Зачем они мне нужны? Пеленки, вопли, я делала аборт. Я всю жизнь пила, гуляла с мужчинами. У меня дома нет ни одной тряпки ширпотреба. У меня дома все импортное, даже половая тряпка. Любовники приносили все – цветы, подарки, продукты, я живу в свое удовольствие. Никто мне не указывает, не командует, обхаживать, ублажать никого не надо.

– У нас в доме женщина живет, соседка по лестничной клетке. К ней приходят разные мужчины. Она откроет дверь, посмотрит, если он пришел без сумок, говорит: -Что пришел, проваливай, я тебя кормить, поить не собираюсь, проваливай и закрывает дверь.

–А у нас на работе начальник завел себе любовницу, а жене надоело, что он частенько не ночует дома. Собрала ему чемоданчик: Иди к своей любовнице и живи там у нее, с меня хватит. Приходит он к любовнице: -Я теперь свободный, меня жена выгнала из дома, я к тебе приехал насовсем. А она говорит: а зачем ты мне нужен? Ты приходил обстиранный, наглаженный, с подарками. Пришел, свое дело сделал и ушел. Я не собираюсь стирать твои вонючие носки и трусы,

иди к своей жене обратно. У нас на работе над ним все смеялись. Остался мужик без жены и без любовницы. Пришел на работу с чемоданчиком.

–Женщина одна рассказывала. Был у нее муж, тихий, спокойный, приветливый, такой незаметный. Даже поругаться не с кем. Все на работе рассказывают, какие у них дома ссоры, скандалы, ревность. А с моим мужем скукота. Ни рыба, ни мясо. Спасибо, пожалуйста! Придет с работы, телевизор смотрит, или газету читает. Ночью сделает свое дело, отвернется и спит. Скучно с ним. Ну я и придумала, как устроить дома скандал. Приходит он с работы, а я со своего парика волосы накидала на его костюм и устроила скандал. А он так тихо говорит: -Ну раз ты уже все знаешь, тогда я уйду к ней. Вот и все. Осталась баба одна, а то ей тошно было, с хорошим, спокойным мужиком жить. Теперь локти кусает, а он не возвращается.

Одной женщине из нашей палаты муж принес книгу, что означают имена людей. Она читала всем желающим. Вот дошла очередь и до меня.

Зинаида – очень редкое и напрасно забытое имя. Значение и происхождение имени: с греческого переводится – Божественная дочь. В этом имени можно уловить мечтательность и романтизм. Но заглушается звучностью слова. Зинаида, звучит как победная, маршевая песня. Обычно девочка с таким именем еще с детства знает, что она хочет и умеет весьма настойчиво добиться желаемого. Такое качество с

годами может развиться до эгоцентризма. Зина может быть убеждена, что все вокруг должны жить именно так, как считает нужным она. Если же муж Зины тоже окажется с характером, то не миновать беды и семейной трагедии. Если Зинаида желает жить в полноценной семье, ей следует руководствоваться не только своим умом, но также уважать мнение окружающих. Да и ошибок так будет меньше.

Наиболее важные качества Зинаиды, это трезвый ум и пробивные способности. С возрастом она начнет понимать, когда следует смолчать, а когда можно и накричать. Она делает все, чтобы не упустить свою выгоду и постепенно превратит свой дом в полную чашу. Но для нее важно не только изобилие, наоборот, чаще взаимопонимание и искренняя любовь для нее гораздо важнее. Ее энергия в работе может вызывать удивление и даже зависть, при этом у нее остаются силы еще и на ведение домашнего хозяйства. Но не стоит лишний раз переходить Зинаиде дорогу. Ущемив ее пусть даже с одной стороны, попробуйте уступить ей в чем-то другом. Если хотите сохранить с ней отношения.

Жена.

Я приехала домой. Дома ругань, скандалы, брат с женой ругается. Она курит, он ее за это бьет по губам.

–Бросай курить! Пока я тебе все зубы не повыбивал!

–Себе повыбивай, ты же тоже куришь.

–Я мужчина, мне можно курить. А ты женщина, будущая

мать.

—А ты будущий отец. Вот когда ты бросишь, так и я брошу.

Пока меня неделю не было дома, она изменилась до неузнаваемости. Пришла такая добрая, веселая, теперь брату ни в чем не уступает, грубит, кричит. Так она придумала, когда он курит, начинает тоже курить на кухне, чтобы он ее не учуял, что она курит, а когда брат идет с другой комнаты, она слышит его шаги, бросает свою сигарету куда придется. Мама подогрела суп, налила в тарелки, а там разбухшая сигарета. Мама на нее ругается, брат на маму кричит, она на него кричит, он ее бьет. Она хватается, что попадется под руки, кидает в него. Маме это уже надоело:

—Когда уже мир будет между вами. Что вы живете как кошка с собакой. Нет про меж вами любви, тогда разойдитесь. Не мучайте ни себя, ни нас.

Брат принес ей вечером зарплату, она довольная, веселая, побежала по магазинам.

—Зина, займи денег до зарплаты.

—Как это займи? Тебе вчера муж зарплату принес?

—А я долги раздала, вещи всякие купила, все истратила, денег уже нет.

Мама приходит с работы: а что это за тряпка у нас у порога лежит. Рая, это же твоя юбка, которую ты вчера купила, почему ты ее под ноги положила? Ты же вчера ее мерила перед зеркалом. Это она? Ты что, новую юбку выбросила под ноги?

–А она мне не нравится.

–Зачем же ты ее тогда покупала?

–Бабы, а что у нас там покушать есть? Что-то я проголодался. Мама, что у нас покушать есть?

–Вон у тебя есть жена, с нее и спрашивай.

–Жена, что у нас покушать есть?

Вон у тебя мама и сестра есть, с них и спрашивай.

–Да что это такое? Три бабы в доме, а мужик голодный. Одного мужика накормить не можете. Смеялся брат.

–Ночью накормлю.

–Я же без еды, так и ноги протяну, до ночи не доживу.

–Эй, жена, я есть хочу.

–А я еще не хочу, вот когда я есть захочу, тогда и будем кушать.

Зашли в комнату, слышим – он ее там уже дубасит, она орет и матерится.

–Собирайтесь и уходите, живите где хотите, мне уже надоела ваша грызня. Как вы там будете жить, я хоть не буду видеть и слышать, хоть поубивайте там друг друга.

–Никуда мы не уйдем. Это мой дом, это мой отец строил его. Вот вы с Зинкой собирайтесь и уходите куда хотите, если не нравится.

–Да пропади он пропадом, твой отец, вместе с тобой, и твой дом, кверху дном. Господи, когда же я уже сдохну от вас, чтобы не видеть вас и не слышать! Плакала мама.

Ностальгия.

Все мои подружки разбегаются как тараканы по кухне. Я поехала к двоюродной сестре, она младше меня на 2 года. Она вышла замуж, у нее уже двое ребятешек.

– Мне было 17 лет, мы ходили с девчонками в кино, я пришла домой, было еще не очень поздно. Мать на меня начала кричать: шалава, сучка. Я говорю: я не такая, но раз ты говоришь, так я буду такая, как ты говоришь. Каждый день я проходила мимо стройки. Парни как увидят меня – свистят, кричат: – Девушка, постойте! Я раньше проходила мимо, а тут я остановилась. Подходит ко мне парень, познакомились, сходили в кино, пригласил меня к себе домой, я у него осталась, жила с ним, а потом расписались.

– Ты вышла замуж без любви?

– Я потом его полюбила и очень сильно, он хороший.

Я встретила двоюродную сестру Галю, она на 3 года младше меня.

– Я проводила парня в армию, но встретила другого, влюбилась, от него забеременела, а тут приходит мой парень с армии, мы сразу поженились.

– Так это же не его ребенок?

– В любом случае, это мой ребенок.

– Ты вышла замуж без любви?

– Почему без любви? Он же меня любит, раз женился.

Я думала, что, когда Игорь придет с армии, я уже буду старуха, мне будет уже 23 года. Он даже не подойдет ко мне,

по моложе себе найдет. Я увидела у брата письмо от него, переписала номер его воинской части и написала ему письмо. Так, ничего особенного, без загрузки на любовь. Только в конце написала: -Береги себя. Он мне ответил, тоже так, без загрузки на чувства. Только написал, что получить такое письмо даже для новобранца сюрприз, а для дембеля просто шок.

Переписываясь с ним мы бы могли разобраться в своих отношениях, в своих чувствах. В письме можно написать то, что трудно сказать словами. Но я опять струсила и не ответила на его письмо. Брат тоже получил письмо от него. В письме Игорь спрашивал брата: -Как там поживает Зина, не собирается ли замуж?

Когда я собиралась выходить из дома, брат попросил бросить его письмо в почтовый ящик. Это письмо было адресовано Игорю. Я знала, если Игорь спрашивал в письме обо мне, значит брат ответит и напишет ему что-то обо мне. Мне стало интересно, что-же он написал. Я вскрыла письмо брата, в конце он написал: -Зинка замуж не собирается, наверно ищет х... по больше.

-Боже! Это был удар ниже пояса, это же мой брат родной, как он мог такое написать про меня? Если он так запросто такое написал, значит он и раньше про меня ему плохое говорил. Может потому он так редко ко мне заходил. Брат всегда был пошляк. Правильно говорят: что каждый судит о другом по мере своей испорченности.

Наверно потому Игорь и относился ко мне так, как будто меня можно запросто завалить в камышах и получить желаемое для себя. Может еще и обижался, что всем дает, а мне нет, что я хуже других что ли? Мне все дают.

Боже, все, всем дают. От таких мыслей можно сойти с ума. Мозги закипят. Все живут и барахтаются в этой грязи. А может это просто я такая не нормальная? Может это просто норма жизни? Почему я не могу жить как все, все этим занимаются, легко и просто, что во мне не так? Почему мне так стыдно? Может другим тоже стыдно, или нет? А может я слишком гордая? Может надо быть гибче, просто наплевать на свою совесть, стыд?

Хорошо, переспала, не получилось, пошла с другим переспала в надежде, что с ним получится, но опять не получилось. Так и по рукам пойти можно, а когда же будет остановка? А может жизнь и состоит в том, чтобы мчаться без остановок. А что же люди скажут, все будут пальцами показывать, скажут – да она же была с этим и с этим, и с тем. Боже, как трудно жить на свете!

Я понимаю, расписались и живут муж с женой, все нормально. Может я слишком старомодная, может так уже не живут? Может так и надо жить, расталкивая всех локтями – мое, мое, мне, мне. Ну как же себя сломать? На, меня возьми, только потом обязательно женись. Он скажет – конечно, а сам потом сбежит к другой.

Может я в детстве была слишком послушной дочкой? Мо-

жет во мне нет бунтарства? Слишком строгое воспитание? Может надо проще относиться к жизни? Может я и в правду белая ворона, дикарка. Без любви не могу. И с любимым тоже не смогла. Потому и осталась без подруг, без парней.

Что со мной не так? Почему мне так стыдно? Почему я не могу перейти эту черту, а может во мне мало страсти? Животного влечения? Во мне как будто борются две личности – одна строгая, другая любвеобильная. Я никого не люблю, даже брата и мать, только он один в моей жизни как луч света в темном царстве.

Я чувствую, что мы как жертвы, или пешки в чужой игре. Нас обливают грязью, нас раскидывают по углам жизни, как на ринге. Только наши души пылают чистой, нежной любовью. А наши тела уносит все дальше и дальше друг от друга.

Я пишу эти воспоминания и становится так жалко эту Зину, эту наивную, чистую девочку из моей прошлой жизни, за ее страдания, переживания, за ее тяжелое детство.

Как мы выбираем своих любимых из тысячи людей, из огромной толпы, того единственного, дорогого и любимого? Почему мы в одних влюбляемся до умопомрачения, до безрассудства, а к другим равнодушны или они нам просто неприятны?

Если бы можно было вернуться в тот светлый, летний день, когда он так смотрел на меня своими ошалевшими, полными желания глазами, убрать руки с мокрого платья, довериться ему и будь что будет. Может тогда бы в нашей

судьбе пошло все совсем иначе, без этих переживаний, и разочарований. А сейчас, что можно исправить, столько всего наворочено, как это можно все разгрести, такие тяжелые валуны навалились на сердце, нет сил их поднять.

Оля говорила: ты Игоря слишком идеализируешь, он обычный парень, ничего в нем особенного нет. Вот и относись к нему как к обычному парню, тебе же легче от этого будет. Ну как же он может быть обычным, если я, когда только о нем подумаю, вся загораюсь пламенем. А если увижу, то совсем сгораю, становлюсь такой глупой и несу всякую чушь и от этого еще больше потом переживаю и страдаю. Не зря ведь говорят, что сердцу не прикажешь.

Люда рассказывала мне: когда я с ним танцевала на новый год, он только прикоснулся ко мне, я так его почувствовала. Нет, он необычный, он особенный, в нем такая энергетика, просто 220 вольт, бьет сразу в самое сердце, от одного его прикосновения. Я это чувствовала, и я тебя понимаю, почему ты так по нему страдаешь. Только одна она меня всегда понимала.

Камилла.

Когда я еще лежала в больнице, я думала, думала, оказывается – я уже прокислая невеста. Я решила. Все, хватит сидеть в девках, надо знакомиться с парнями, как только кто понравится – выходить замуж, рожать детей, а любовь, как мне сказали, потом придет. Я решила больше бывать на ули-

це, среди людей, больше бывать в гостях. И тут в магазине я встречаю свою подругу Камиллу. Она дала мне свой адрес домашний и пригласила на выходные к себе в гости. Я поехала. Мы с Камиллой учились вместе в училище. Потом она пропала на втором курсе, сказали, что ее муж выкупил с училища. Государство тратило на нас деньги, чтобы забрать документы, нужно было или 3 года после училища отработать на фабрике, или возместить всю сумму.

Она тоже рано вышла за муж в 16 лет. Я пошла по адресу, вот эта улица, вот этот дом. В этом районе были высокие заборы и 2-3 этажные дома, злые, огромные собаки и широкие, безлюдные улицы. За высоким забором бегали и злобно лаяли две огромные собаки. Потом их закрыли по вольерам, и я зашла в калитку. Огромный двор, на брусчатке стояли две крутые машины. Повсюду росли цветы на газонах, у забора туи и елочки.

–Зиночка, как я рада тебя видеть, она меня обнимала и целовала.

–Как хорошо, что ты пришла, а то я тут сижу одна целыми днями, никого не вижу, муж никуда меня не пускает. Как это он согласился тебя принять, удивляюсь, наверно ты ему понравилась.

На крыльце показался муж, он был высокий, упитанный, довольно симпатичный, лет 30-ти. Он любезно пригласил в дом, за небольшой, накрытый, прозрачный столик. В комнату вошла, невысокого роста, полная женщина.

–Горячее подавать?

–Да, да. Назар налил коньяк себе и мне в хрустальные бокалы.

–Я не пью.

–Со мной можно, немного. За знакомство!

Камилла была вся, как новогодняя елка, обвешана золотом и бриллиантами. В ушах тяжелые золотые серьги, которые играли на свету. На груди тяжелое бриллиантовое кольцо весело переливалось цветами радуги. На руках красивые кольца и браслеты, даже на ногах были золотые цепочки.

–Как у вас хорошо, уютно, цветы красивые на полу и на подоконниках, просто сказка. Зазвонил телефон, Назар вышел в другую комнату поговорить.

Камилла быстро выпила коньяк с моего бокала и столько же налила туда с бутылки.

–Зина. Я тебя люблю. Ой, как хорошо, что ты приехала, 100 лет не пила коньяк. Как хорошо, что ты пришла.

–Ты всегда так ходишь? В тяжелых украшениях?

–Нет. Только когда приходят гости, он говорит, чтобы я надевала все. Это все его подарки и его родственников, на дни рождения, 8 марта, что-то на свадьбу дарили.

–А дети у вас есть?

–Нет.

–Но мы над этим работаем. В комнату вошел Назар.

–А кто в доме убирает, дом большой.

–Прислуга. Муж с женой с нами живут, убирают дома и

за усадьбой смотрят.

—А ты чем занимаешься?

—Работаю на фабрике, но мне там нравится. Закончила вечернюю школу. Собираюсь осенью в техникум или в институт поступать.

—А замуж собираешься?

—Да. Я жду своего парня из армии.

Конечно же я никого не жду и меня никто нигде не ждет, ну надо же тоже чем-то похвастаться.

—Спой нам что-нибудь милая. Камилла взяла в руки гитару и запела романс.

Это было для меня просто острой бритвой по сердцу, это же была моя мечта, петь под гитару. Когда я слушала, как поют парни под гитару, я представляла, что я тоже когда-нибудь научусь и буду так же петь. Но не дано мне это. Пою я хорошо и голос звонкий, и слух есть, в мотив попадаю, но ноты не понимаю и на инструментах звук не понимаю, хоть убей. Особенно, я всегда мечтала петь под гитару романсы. У меня из глаз покатались слезы.

—Какая вы чувствительная девушка.

—Я просто очень люблю романсы.

—Может вы нам тоже что-нибудь споете?

—Нет, нет, что вы! Мне медведь на ухо наступил. Я так растрогалась. Вы извините, мне пора домой.

—Зин, может еще посидим? В нарды поиграем?

—Извините, может в другой раз.

Я гуляла по поселку, разглядывала заборы и дома. Вздрагивала от неожиданного лая собак за забором, я была шокирована увиденным и услышанным. Я думала:

—Хотела бы я так жить, как живет Камилла? У нее все есть, что нужно для жизни и даже то, что ей не нужно, но разве счастлива она? Думаю, что нет. А может счастлива, зная, что ей все завидуют, что она живет не так как все. Хотя, кто ей будет завидовать? Ее никто не видит за этим высоким забором.

Каждый выбирает жизнь, которая ему нравится. Если она так живет, значит ей нравится. А мне? Эта золотая решетка и тяжелые украшения, нет, это не по мне. Как пели Бременские музыканты: нам дворцов заманчивые своды, не заменят никогда свободы. Мне нравится свобода. Мне нравится, что я могу ходить на работу, в кино, в парк. Могу просто сесть на скамейку в скверике и ни о чем не думая, просто смотреть на проходящих людей, на играющих и бегающих детей. Слушать пенье птиц, шелест листьев, слушать музыку, или думать о чем-то о своем, размышлять, вспоминать и мечтать.

Вечером брат сказал, что сегодня у Игоря был свадебный вечер.

—Он что, из армии вернулся?

—Давно, а ты разве не знала? Он заходил пару раз вечером, ты на работе была.

—И на ком он женился?

–На Лариске.

–Я не знаю никакую Лариску.

–Она живет за поворотом, где автобаза заканчивается. Ее мать на такси работает. Она моложе тебя, мы с ней не водились.

Я поняла, что на этом закончилась моя история любви. Смех, да и только!

Зоя.

На работе у меня есть подружка. Иногда мы после работы, когда в первую смену, гуляем с ней, разговариваем. Однажды она сказала;

–А у моего мужа 16 сантиметров.

А я так хотела ее хвастовство притупить, взяла и ляпнула:

–Подумаешь. Нашла чем хвастаться? Вообще то я слышала, что бывает у мужчин 25 сантиметров.

Это я сама только что придумала и сказала ей со знанием дела. Она на работе ко мне перестала подходить. Ну, думаю, подуется-подуется, сама подойдет, я никому свое общество не навязываю.

Девчонки на работе сказали, что она разошлась с мужем, потому такая обиженная ходит. Потом через месяц смотрю, она вся светится, веселая, мне улыбается, здороваётся. Вообще, она мне нравится: красивая, длинные, пышные, черные волосы. Высокая, стройная, красивая фигурка, просто конфетка. Такая бывает смешная, надуется, ни с кем не раз-

говаривает, о чем-то думает о своем. Потом без умолку что-то тараторит.

Девчонки сказали, что она замуж вышла, потому и веселая такая. Через пару недель опять ходит сама не своя, надутая, без настроения, чуть не плачет. Подошла я к ней после работы.

—Что случилось? Ты недавно была веселая, счастливая, говорят замуж вышла? Она, чуть не плача:

—Зина, у него тоже 16 сантиметров.

—Ну и ладно. Это же не главное. Главное не размер, главное, что ты его любишь, он тебя любит, вам хорошо вдвоем.

—Да. Конечно.

Мы с ней поехали в парк, взяли пиво, шашлык.

—Ты с первым разошлась, делай выводы. Не совершай необдуманных поступков, чтобы не потерять хорошего парня. Все же от тебя зависит. Успокойся. Радуйся жизни.

Проходит время. Мою Зою как подменили, она стала высокомерная. Проходит мимо меня и отворачивается, не улыбается. Такая деловая стала, все девчонки с ней лебезят, подхалимничают, шушукаются, ничего понять не могу. Потом мне одна женщина сказала:

—Ты к Зое больше не подходи. Ты ей не пара, она теперь не то, что раньше, она скоро будет офицерская жена. Они сыграют свадьбу, она с ним уедет.

—Подумаешь, офицерская жена, что у нее теперь во лбу звезда засветится? И что в этом хорошего? Уедет из столицы,

будет по казенным, пыльным гарнизонам болтаться. То же мне, декабристка нашлась. Подумала я.

Через месяц я увидела в обед за столом рыдающую Зою.

—Что опять случилось? Корона с головы упала?

А женщины говорят:

—Увез ее куда-то на границу, в маленькое городишко, она от него сбежала.

—Зина, ты бы с ней поговорила, может ей станет легче, вы ведь с ней подруги.

—Нет. Легче ей уже не станет. И вообще-то, я ей не пара. Хоть бы сюда на работу не возвращалась, не позорилась бы.

Рая.

Дома стали пропадать деньги и вещи, постоянные скандалы и ругань.

—Зина, ты не брала у меня с кошелька деньги?

—Нет. Зачем? У меня свои есть.

—Вова, ты не брал у меня с кошелька деньги?

—Если бы мне нужны были деньги, я бы у вас попросил.

—Да я знаю, вы у меня никогда копейки без спроса не возьмете. Неужели эта шалава взяла, больше никому?

—Сами потратили где-то и забыли. Подсмеивался брат.

—Продукты не покупают, деньги пропадают. Такого никогда еще не было, что бы без спроса взяли.

У меня тоже пропали золотые серьги, которые мне подарила Камилла в тайне от мужа: —Это мои старенькие, я их не

ношу, муж про них не знает, тебе на 20 летний юбилей, на память обо мне.

Но я ничего никому не сказала, не хотела скандала.

Брат со снохой, собрались в гости, на полу лежала открытая сумка, мама заглянула в нее.

–Зина, смотри, а это не твой трикотажный костюм с блестками у нее в сумке лежит?

–Да, вот и бюстгальтер новый, тоже мой. Мама устроила скандал.

–Привел шалаву в дом, продукты не покупает, деньги пропадают, вон в ее сумке вещи Зины нашли.

–Рая. Иди сюда. Вот при ней все и говорите, а не за глаза.

–Да они сами мне в сумку вещи положили, чтобы устроить скандал, ты же знаешь, что они хотят нас выгнать.

–А продукты ты почему не покупаешь?

–Я покупаю продукты, муку, рис, сахар, вон в столе все лежит.

–Да это Зина на прошлой неделе покупала, там уже на доньшке все. Я каждый день хлеб покупаю, вчера макароны, соль купила. А вы сколько живете, ничего не купили не разу. Живете на всем готовом и деньги стали пропадать, никогда такого не было.

–Правильно Рая сказала: специально устраиваете скандал, чтобы нас из дома выгнать.

–Рая твоя, из-за сарая, привел шалаву в дом с улицы, обдирайте мать, последние деньги вытаскивайте, сволочи! Ко-

гда я уже сдохну от вас от всех! Плакала мама.

Мне с утра нездоровилось. Поднялась температура, кашель, насморк, голова болит. Я пошла в поликлинику и взяла больничный, потому пришла домой раньше обычного, еще до обеда. Думаю, пока все на работе, дома отлежусь, в тишине. Захожу, а у нас в доме гулянка, сноха, незнакомая женщина и двое мужчин. На столе вино, кровати все перевернутые, у них испуганные лица. Я схватила кочергу:

—Быстро, пошли вон отсюда все, что бы я вас тут никогда не видела! Они нехотя, ехидно улыбаясь, вышли на улицу. Я конечно же, никому ничего не сказала.

У меня в общем шкафу отдельная полка белья, я туда ложу только чистое. Смотрю, грязные трусы лежат в чистом белье, думаю: почему это я грязное в чистое положила, совсем сдурела. Взяла, постирала. Смотрю, опять в чистом белье грязные трусы лежат, да еще измазаны кровью. Посмотрела, у меня пока еще ничего нет.

—Рая? У тебя что, месячные пошли?

—Да. А откуда ты узнала? Улыбалась Рая.

Все, меня начало трясти, я уже не смогла себя сдерживать.

—А оттуда, что ты шалава, мое чистое белье носишь, а потом свою грязь в мое чистое белье складываешь, а я за тобой потом стираю, тварь ты подзаборная.

—Ты что, п..., давно в рожу не получала! Ну, так я тебя сейчас поучу. Куча навоза. Чтобы ты не воняла.

—Не тронь Зину, сволочь, убери от нее свои руки! Ты что

матери руки крутишь! Отпусти, не швыряй меня, гад! Отец твой сколько издевался. Вырастила, выкормила сволочь такую. Отпусти, я сейчас милицию вызову.

И вдруг я посмотрела на Раю, а она стояла в сторонке, смотрела на нашу драку и ехидно, дольно улыбалась.

Мы сидели в маминой комнате и плакали.

—Мам, я наверно уйду из дома, сниму квартиру, я так больше жить не могу. Общежитие мне на работе не дают, говорят: только приедем, а у тебя городская прописка. Может вместе уйдем на квартиру? А? Пусть они тут живут, как хотят.

—Ты пойми дочка, если мы уйдем, она же его выгонит, или прибьет, эта гадина. Ты посмотри, он же как теленок с ней стал, как дурачок. Только Рая, Рая, из-за сарая. Он же уже на нас кидается. Ну, надо мной то он давно издевается, вот на вас уже стал бросаться. Что будем делать? Мам?

—Не знаю. Может она его приворожила?

—А Бог его знает.

Я вышла на улицу развеяться и немного успокоится. Захожу, слышу брат говорит Рае:

—Рая, иди к матери в комнату и скажи: пошла ты на х..., дура. И хохочет. Она вышла из комнаты, улыбается довольная, увидела меня, остановилась.

—Не смей, гадина, заходить в мамину комнату.

Я зашла в комнату брата и Раи.

—Значит так ребята. Вы не расписаны, она не прописа-

на. Детей у вас нет. Или вы живете тише воды, ниже травы, кровь нам с мамой не портите, или я иду в милицию, пишу заявление на кражу денег, вещей, золотых сережек. Пусть милиция выясняет ее личность и разбирается, а с меня хватит.

—Я сам тебя сдам в детскую комнату милиции.

Я зашла в церковь, наплакалась, набрала святой воды.

—Рая устроилась в киоск продавцом, выгнала мою жену из дома?

Дома установилось относительное перемирие.

Ночью в окошко тихонько постучали: через маленькую форточку упала записка:

—Зина, выйди на улицу, пожалуйста.

На следующую ночь, когда я шла с работы, увидела возле дома Игоря, я прошла мимо.

—Зина, давай поговорим.

—Забудь сюда дорогу, я выхожу замуж.

Пианист.

Я гуляла по городу, зашла в магазин музыкальных инструментов. С другого зала лилась прекрасная музыка. За пианино сидел мужчина средних лет и играл Лунную сонату Бетховена. Она мне очень нравится. Я никогда не видела такого живьем. Его пальцы скользили по клавишам, приподнимались и снова плавно ложились на черно-белую клавиатуру. Я, как замороженная, не могла отвести от его рук взгляд и сойти с места.

Когда музыка закончилась, он повернул голову и пристально посмотрел на меня.

–Что, нравится?

–Да! Очень. Только тогда я очнулась от дивного сна музыки и смущенно отошла в сторону.

–Вы музыкант?

– Я выбирал инструмент для клуба, там проводят занятия по аэробике. Кстати, вы тоже можете приходить. Вам не мешало бы сбросить 2-3 килограмма.

–Вот так? В больнице женщины говорили, что я худенькая, а этот говорит 2-3 килограмма сбросить, на всех не угодишь. Подумала я. Я обиделась на его слова и поспешила на выход. После такой прекрасной музыки как обухом по голове. Смотри-ка, нашелся знаток женской красоты, сам то из себя ничего не представляет, обыкновенная внешность, ничего особенного.

–Девушка, извините, я обидел вас? Прошу прощения, я не хотел вас обидеть. Просто я искал повод, что бы мы могли с вами встретиться. Я так неловко пошутил, простите меня.

Я так разозлилась на его слова, я шла не останавливаясь.

–Ну как я могу загладить свою вину? Постойте! Сказал он громко и решительно. Я остановилась. Он взял мою правую руку, сжал ее в кулак и постучал по своей голове.

–Вот тебе, вот тебе, получай.

Мне стало так смешно, мы стояли и смеялись. Моя обида тут же улетучилась. Мы гуляли с ним по городу, ели моро-

женое, он проводил меня до дома. Рассказывал, что родителей своих он не помнит, воспитывался в детдоме, потом ему дали квартиру, однокомнатную.

Мы иногда с ним начали встречаться, он был разговорчивым и обходительным. Он был старше меня лет на 5-7 и мне казался взрослым дядькой. Однажды он пригласил меня к себе домой.

—Ну, как квартира? Нравиться? Я пожала плечами. Я хочу, чтобы ты была в ней хозяйкой. Он сам сварил рисовую кашу.

—Масло сколько положить? Я слышал: что кашу маслом не испортишь?

—Испортить можно все и даже кашу маслом.

Он включил проигрыватель, поставил медленный танец. Потом он начал меня обнимать, целовать и повалил на диван.

—Ты что? Я начала вырываться, а он снимал с меня одежду.

Ты что, с ума сошел? Я вырвалась, соскочила с дивана, побежала к двери.

—Прости, прости, пожалуйста. Ты мне очень нравишься. Я думал, что мы поженимся, я не хочу, чтоб ты ушла так, скажи, что ты меня простила.

Я открыла дверь и сбежал вниз по лестнице. Он мне немного нравился, но не до такой степени, просто как хороший человек. Но любви у меня к нему не было. Когда он

на меня так набросился, мне было так страшно, а главное – стыдно. Я всегда думала: что для этого наверно раздевают женщину, а как это можно лежать голой перед посторонним мужчиной, со стыда сгореть можно. А когда обнимал, целовал было неприятно, даже не спросил: можно поцеловать? Набросился как хищник. Но уже на следующий день у меня в душе образовалась какая-то пустота. А через день я начала себя ругать.

–Что же я натворила, был человек, который хотел жениться, все равно когда-то нужно через это пройти, через этот стыд. Почему я такая дура? Почему убежала? Почему не простила? Я же так никогда не выйду замуж? Веду себя так, как будто тут очередь женихов за мной стоит. Вот что теперь делать? Да и замуж выходить я боюсь.

Как это так жить в одной квартире с посторонним человеком, тем более с мужчиной. Я ведь их боюсь, да еще лежать с ним в одной постели, да еще он будет обнимать, целовать, да еще и это делать со мной. Разве без этого нельзя? Так стало противно. Неужели обязательно выходить замуж? Да не хочу я. Буду жить одна. Сразу стало немного спокойней от такого решения.

На работе мозги свободные, бегаешь между машинок и думаешь. Я начала вспоминать, сколько я уже парней отшила: Петра, который хотел на мне жениться, Витю с деревни отшила, Игорька, мою любовь, сама отшила, Славика на мотоцикле, толстого парня, который носил меня на руках, с

кафе от парня убежала. От Гены убежала, Саше нагрубилла, сказала, что люблю другого.

—Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, я от серого волка, и от лисички, и от медведя, и еще, и еще, и еще, которых даже уже и имени не помню. Как колобок, качусь, качусь по жизни и докатилась я до того, что никого у меня нет. Парни поженились, девчонки замуж по выходили, никто меня не любит, никто меня нигде не ждет.

И так мне грустно стало, хоть волком вой. После работы просто шла и шла по тротуару. Вспомнила Андрея, хорошо с ним было, лучше, чем теперь одной. Он же хотел на мне жениться. Я бы переехала в его квартиру, уехала из дома, не слышала этого моего брата, да, но тогда бы пришлось с ним спать в одной постели, но ведь все женщины через это проходят, как стыдно, нет, нет. И посоветоваться не с кем.

А что тут советовать, в больнице женщины сказали, что я прокислая невеста, а ведь с того времени прошло уже 2 года. Значит, я уже скисла еще на 2 года, и никто на меня не посмотрит. Все, сейчас поеду к нему и скажу, что я просто боюсь, чтобы он так сильно не гнал лошадей. Все, вперед и не шагу назад.

Я подошла к его двери. Было так стыдно.

—Зачем я здесь? Зачем пришла? Так стыдно. Я в отчаянии, с дрожью в коленках, закрыла левой рукой глаза от стыда, а правой нащупала звонок.

—Хоть бы я провалилась на этом месте, чтобы не видеть

своего позора. Подумала я, надавливая на звонок.

—Ой, Зина, милая, ты пришла ко мне, я так рад, проходи, он поцеловал меня в щечку. Я думал, ты никогда меня не простишь. В прихожей на вешалке висел женский зонтик и шарфик.

—У тебя была женщина? Я направилась к двери.

—Ее никогда здесь больше не будет, я тебе клянусь, ты должна меня понять, я ведь мужчина. Не уходи, прошу тебя, я никуда тебя не пущу. Он закрыл двери на ключ и положил их в карман.

—Открой!

—Что бы ты опять ушла? Все, хватит, давай поговорим, мы уже не дети. Я официально прошу твоей руки. Ты согласна? Завтра я приду к тебе домой и буду у твоих родителей просить твоей руки. Назначим день свадьбы. Я люблю тебя. Можно я тебя поцелую?

—Не спеши.

Вечером я сказала маме и брату, что выхожу замуж.

—Завтра в 5 часов, придет мой жених, с вами знакомиться.

—Ну смотри сама, дочка.

—Ой, Зинка невеста. П... замуж выходит. Теперь тут вдвоем п... будите? Раю мою выгнала, чтобы здесь со своим хреном спать.

—У него квартира, мы здесь жить не будем.

—Ой, как хорошо, будем в ванну приезжать, ой я хоть на свадьбе напьюсь и наемся.

По дороге с работы домой я купила торт, шампанское, конфеты. Я шла и думала, наверно он скажет, ты теперь моя невеста, пойдем ко мне жить. А если я не пойду, он опять приведет к себе свою женщину. Значит уже сегодня это может случиться? И я должна буду с ним лечь в одну постель? И он на законных основаниях будет ко мне прикасаться. Мне стало так страшно, стыдно и противно. И что, уже ничего исправить нельзя?

Вот уже 5 часов, сердце мое билось и выскакивало из грудной клетки.

—Я его не люблю, я его не хочу, я его боюсь. В висках стучал пульс болью и отдавал в голове. Господи, хоть бы он не пришел, мне страшно! Я вышла во двор, села на скамейку и смотрела вдаль на дорогу, там никого не было. Может мне убежать куда-нибудь — нету тела, нету дела. Придет и уйдет. Почему я так боюсь? А другие не боялись? Я просто трусливая. А все девчонки смелые — молодцы!

5-30, его нет, я начала немного успокаиваться, все, значит Бог услышал меня — он не придет!

—Ну, где твой хрен, передумал на тебе жениться, невеста без места, ха-ха-ха. Я уже полторта съел, иди доедай, а то я все съем, что добро будет пропадать.

Вдали на дороге показалась фигура мужчины с цветами и пакетом. Это он! Я вышла ему навстречу. Сердце опять заколотилось и в висках застучало.

—Прости, я опоздал.

–В первый день ты меня оскорбил.

–Прости.

–В квартире ты на меня набросился.

–Прости.

–Ты приводил женщину.

–Прости.

–Нет, это ты меня прости. Нам не нужно больше с тобой встречаться.

–Прости, я задержался на работе. Он взял мою руку и поднес к своим губам.

–Не в этом дело. Просто я тебя не люблю. Прости.

–Ты привыкнешь ко мне и полюбишь.

–Уходи.

Света.

Летний день, выходной. Я гуляла по саду, огороду. Сад отцвел, завязались яблочки, начала розоветь черешня, помидорные кусты цвели мелкими желтыми звездочками. Кое-где завязывались огурчики. Как я люблю лето, особенно июнь, когда уже тепло, но еще не сильно жарко как в июле. Я подошла к краю огорода, к почтовому ящику. За решетчатым забором соседней ограды я увидела малыша, который ползал по песочной куче.

Отец еще давно, когда мы были маленькие, привел женщину с ребенком.

–Бедная женщина, одна без мужа, без жилья, с ребенком

на руках. Он отдал ей наш маленький домик. А сам начал строить себе другой. С тех пор они там так и живут. Ирма, она старше меня на год. Они были непонятной национальности, толи цыгане, толи чеченцы. У Ирмы была тяжелая, длинная коса. Она всегда была полненькая, я слышала, что она вышла замуж, наверно это ее ребенок. Я подошла к девочке, она была чумазая, в грязной одежде, лет двух. Рядом стояло новое, кирпичное строение, наверно, это муж Ирмы построил новый дом.

Я взяла девочку на руки и вошла в дом. Одна большая комната с печкой, у окна стол, посреди комнаты два манежа. На столе грязная посуда и остатки недоеденной пищи. Хотя день подходил к полудню, на кровати лежала полная заспанная женщина.

–Ирма, ты что бросила ребенка без присмотра?

–А что ей делается?

–Она сидела в грязном песке и ела его.

–Здоровее будет

–Дай чистую одежду, я ее переодену.

–Там в манеже посмотри.

–Я перебрала все, здесь все грязное.

–Ну возьми там, что почище.

–Можно я ее к себе заберу?

–Да возьми, я хоть спокойно посплю.

–А чем ее кормить?

–Там в бутылочке печенье с кефиром.

Я забрала девочку домой, она не капризничала, не плакала, приняла меня сразу как свою.

Я поставила ведро воды на газовую плитку, занесла домой корыто. Развела теплую воду, посадила девочку в корыто, она била по воде своими маленькими ладошками и смеялась, вытирая кулачком попавшие в нос и глаза брызги воды. Помыла ее, закутала в теплую простыню, посадила на кровать, дала ей бутылочку. Она покушала и уснула. Не хотелось одевать чистую девочку в грязную одежду, постирала, просушила утюгом. Когда она проснулась, я ее одела в чистую одежду и такой чудный ребенок получился. Света гладила своими маленькими ладошками костюмчик, чмокала от удовольствия и говорила;

–Ляля.

–Светик, ты просто ангел! Я смотрела на девочку и не понимала, как у смуглой женщины с черными волосами появился такой светлый ребенок с белоснежными волосами, голубыми глазами? Она скорее была похожа на меня, как будто это была моя дочка. Девочка что-то лепетала на своем детском, подняв бровки, размахивая ручками.

–Доченька моя. Доченька моя. А девочка вытирала мои слезы своими маленькими ручками и говорила:

–Ляля. Тянула свои ручки ко мне. Я прижала ее к своей груди, она обняла меня за шею. Я целовала ее ручки, щечки и заливалась горячими слезами.

–Доченька моя, доченька любимая, куколка моя сладкая,

Господи.

Мы с ней пошли гулять по саду. Там я немного успокоилась. Зашли к Ирме. Пришел ее муж Володя. Вот в кого такая светлая девочка. У него были светлые волосы и голубые глаза. Он был очень симпатичный, светился доброй улыбкой.

—Я на обед пришел, что покушать есть?

Женщина встала с постели, взяла пустую кастрюльку и вышла из дома. Он повернулся ко мне.

—Что, нравится Светка? Хочешь, тебе такую же слепим?

Ирма вернулась с борщом, рядом жила ее мама.

—Давай кушай, горяченький еще. Володя прямо с кастрюльки начал есть.

Мы со Светой пошли гулять. Вечером я попросила Ирму оставить Свету у себя на ночь, так не хотелось с ней расстаться. Когда пришли мама и брат, они наперебой играли с ребенком, целовали и сюсюкались с ней, вырывая ее друг у друга. Так я стала на выходные с ночевкой, а иногда и в будни, забирать девочку к себе, стирала ей одежду и купала ее в корыте. К осени, когда я была на работе, она заходила ко мне.

—Опять твоя подружка заходила к тебе, идет тихонько по дорожке, кричит: Зина, Зина. Я говорю:

—Зина на работе.

—А, на лаботе. И такая грустная пошла домой, головку наклонила.

На следующее лето она уже частенько ждала меня в саду.

Иду с работы, она где ни будь под деревом возле моего дома сидит или спит, ждет меня.

Долги.

Рая устроилась на работу в круглосуточный киоск. Иногда приходила помыться в бане, набрать картошки, солонины. Брат иногда ходил к ней на работу с ночевкой. Как-то приходит к брату друг детства Гриша.

– Володя, я хотел с тобой поговорить. Ты не злился, но твоя Рая заняла у меня двести долларов, у нее на работе была большая недостача. Она боялась тебе говорить из-за того, что ты ее будешь снова бить. Мне сейчас срочно понадобились деньги, а отдавать ей нечем.

– Вот как ты ей занял, так с нее и требуй. Разбирайтесь сами.

– Ты извини, но она твоя жена, посторонней женщине я бы не занял. А это, мои деньги и они мне срочно нужны. Так что отдавать все равно придется. Вот ты с ней сам и разбирайся.

Пришла Рая, брат устроил скандал.

– За то, что ты работаешь, я должен еще и деньги платить? Сиди лучше дома, дешевле обойдется. Дома работы полно, вон бабам по хозяйству помогай. Я работаю, чтобы твою работу оплачивать. Или сиди дома, или не приходи. А то придет, наберет продукты – ни жены, ни денег. Да я за такие деньги сколько баб могу себе купить.

– Мама, мне нужны деньги.

–Нет у меня денег.

–У Зинки возьмите.

Как-то приходит брат с работы радостный.

–Мама, можете меня поздравить, у нас с Раей скоро будет ребенок! Мама, у вас скоро будет внук, вы скоро станете бабушкой! Пошли расписались, но прописывать мама ее наотрез отказалась.

–Мама, скоро весна, Рае скоро рожать, как мы тут в этой развалюхе с ребенком будем жить, придется снимать квартиру.

Только они съехали, приходят с ее работы.

–Ваша сноха не приходит на работу. Она должна большую сумму денег. У нее в кассе недостача, она людям должна деньги. Если не оплатите, будем подавать документы в суд. По решению суда будем описывать ваше имущество. Так что лучше заплатите, пока не дошло до скандала. Потом будете оплачивать еще и издержки суда.

–А что вы тут будете описывать, ее здесь ничего нет, это мой дом и мои вещи, она здесь даже не прописана. Мама опять возмущалась и плакала.

–Ты посмотри – где он такую шалаву и воровку подобрал? Вот так сынок, вырастила на свою голову, на старости лет еще и по миру пустит!

Фотографии.

Как-то мы с мамой сидели вечером и рассматривали семейный альбом с фотографиями. Вот здесь наши мама и па-

па, молодые, а мы с братом такие маленькие. Брат такой толстый бутуз, с большим животом, его называли директор мясокомбината. А я такая хорошенькая, как куколка маленькая, неужели это я, неужели я была такая маленькая?

—Конечно, была когда-то маленькая. Вы с Вовкой все время ходили вместе, держались за ручки. Как вы любили друг друга. Как-то едем в поезде, а мужчина говорит, отдай нам свою сестренку, а мы тебе за это дадим много-много конфет, целый мешок. Он начал на них кричать, драться, выгонял из купе. Потом долго плакал: мама, дядя больше не придет? Он не заберет мою сестренку? Мама, ты их больше не пускай, не отдавай им нашу Зину. Мы ее никому не отдадим, мы ее любим.

Потом, когда вы стали постарше, он мне говорит: мама, я так люблю Зину, когда я вырасту, я на ней женюсь. А я ему говорю: брат с сестрой не женятся. Мама, но женятся ведь по любви, а я только Зину люблю, значит я должен на ней жениться.

—Мама, какие вы здесь с отцом молодые и красивые, интересно, где он сейчас?

—А Бог его знает, может под женился где, а может по пьянке прибили. Отец его так в пивнушке и помер, по пьянке. А это моя подруга детства, Зина, как я ее любила, а она меня.

—Вы меня назвали в честь нее?

—Когда мы с ней учились в школе, договорились назвать дочек нашими именами. Она разбилась, выпала с поезда. Вот

это первая и последняя фотография, где мы с ней.

—Какая она здесь серьезная или даже грустная, задумчивая, смотрит куда-то в сторону. Глаза полуопущенные, как будто чувствует, что скоро умрет.

—Она вообще была всегда серьезная или задумчивая, не то, что другие девчонки, песни поют, пляшут, смеются.

—А Вовка как на отца похож, где он молодой, просто одно лицо. Мама, а я на кого похожа?

—Сама на себя. Я обняла маму, положила голову на ее грудь, было так хорошо с мамой, спокойно, я ее очень любила.

—Ну все, давай спать.

—Ну давайте еще посидим.

—Корова уже здоровая, а все к маме лезешь. Ну что тебе, сисю дать? Иди спи, завтра на работу.

Всякие неприятности.

Мама уже несколько лет встречалась с мужчиной, они вместе работали. Он иногда заходил к нам или они уезжали к его маме за город, на выходные. У нее свой дом в Талгаре. Когда мама пошла на пенсию, Михаил предложил ей:

—Поехал к маме жить, ей уже скоро 80 лет будет через 3 года. И они уехали.

Когда был брат дома, он где-то купил и привел щенка бульдога, ему было около полугода, он был очень крупный. Брат посадит его на цепь на улице, он бегал по двору по про-

волоке, у него был громкий, грудной лай. Когда уехала мама, мне было очень страшно, на ночь я его заводила домой, он спал на коврике у моей кровати, а на день я его снова привязывала на цепь.

Вообще-то, не было случаев, чтобы кто-то лазил по огороду. Везде был забор, болото, только в одном месте не было забора. Болото разделялось на 2 части, среди камней протекала мелкая речушка, а над ней узенький мосток, а зимой можно было ходить везде по замороженному болоту. Но домик наш был в низине, укрытый камышом, а дорога проходила выше по горке.

Когда мама уехала, дом опустел, наступили сумерки, стало страшно. Я включила в маминой комнате свет. Она была такая маленькая, там помещалась только кровать и еще полметра от кровати до стены. Там не было окон. Из комнаты падал свет на кухню и немного освещал зал. На случай, если погаснет свет, я приготовила и положила возле себя на стуле свечи, спички и фонарик.

Стояла страшная тишина и из этой тишины доносился гул в ушах. Я смотрела на собаку. Я постелила ему коврик у своей кровати. Он опустил голову на свои лапы, я немного успокоилась. Но воображение рисовало страшные картины: кто-то залез в огород, сейчас он подойдет к дому, пнет ногой, и вся саманная стена обрушится. Или пнет по маленькому низкому окну, и окно вывалится внутрь комнаты, и он залезет в дом, и прибьет меня.

Но было тихо, за окнами тишина и Лео мирно дремал. И тут я вижу, как кто-то топором ломает тонкие двери веранды, потом топором открывает дверь кухни.

–А-А-А! Закричала я. И проснулась от собственного крика.

Лео привстал, напуганный моим криком, посмотрел на меня, потом снова лег и положил голову на лапы. Я так и не могла больше уснуть до самого рассвета. Так и лежала, выпучив глаза от страха. Только когда послышалось пенье птиц и ночь стала уходить, уступая свету, я заснула.

Через 2-3 ночи я подумала: стоит мне одну ночь поспать без света и все, я больше не буду бояться темноты. Я легла пораньше, пока на улице было еще светло и было не страшно. Но мне приснился страшный сон, как будто огромная, черная рука, начала медленно вылезать из-под подушки, схватила меня за руку и начала тащить меня под подушку. Я опять проснулась среди ночи от собственного крика. Побежала, быстро включила свет в маминной комнате. Всю ночь просидела на кровати, вытаращив глаза. Теперь я боялась даже лечь.

Я подумала, что больше никогда не буду проводить такие эксперименты с собственным страхом, лучше буду спать при свете. Потом я с вечера включала телевизор, делала негромко звук, легкое освещение от телевизора, я заснула. Но мне опять приснился страшный сон, что из телевизора начали вылезать темные длинные силуэты, с телевизора по-

валил черный дым, я опять проснулась от собственного крика. На белом экране прыгали черные мушки, я опять включила свет.

Через пару недель я стала немного привыкать, включала в маминной комнате свет, выключала телевизор, смотрела на собаку. Как только пес клал голову на свои лапы, я закрывала глаза и прислушиваясь к тишине за окном, засыпала. Но спать одной в доме, ночью, было все равно первое время страшно.

Как-то утром, на выходные, домой пришел брат.

—Как ты тут? Он увидел дома собаку, открыл все двери на улицу.

—Гуляй, Лео! Что это ты псину в дом запустила? Собака быстро выскочила на улицу.

—Ты что его выпустил? Как я одна теперь буду жить без собаки?

—Нагуляется, жрать захочет, сам прибежит.

Брат набрал с погреба полные сумки картошки, солонины и ушел. А Лео так больше и не пришел, наверно вернулся к своему бывшему хозяину. Я, кроме замков, навесила еще и крючки дома и на веранде. На веранду в угол сложила весь свой огородный инвентарь, поставила вилы, грабли, лопаты, камни, палки. Думаю, теперь меня голыми руками не возьмешь, просто так не сдамся, буду биться до последнего.

Потом я ходила по улице, у соседней взяла щенка, девочку дворняжку. Я ее клала на постель рядом с собой, чтобы не

так страшно было, вроде как не одна, живая душа в доме. Я ее злила, била легонько по мордашке, она начала лаять, впоследствии получилась злая собачка.

Весной мама уехала, а летом в середине июня отрезали воду. Я стою, поливаю огород со шланга, вдруг вода пропадает. Побежала по соседям.

—Вода есть? Вода есть? Ни у кого нет. Потом пошли слухи, что якобы вода у нас была проведена незаконно, теперь нужно подключаться к водоканалу и ставить счетчик. А как я могу ставить счетчик, на улице он замерзнет, а в дом воду проводить нельзя, дом саманный, он же поплывет.

Отрезать отрезали, а теперь концов не найдем к кому обратиться, чтобы подключили. Кто называет одну фамилию, кто другую, а июнь идет к концу, все сохнет, болото почти пересохло, со старого колодца ведрами много не натаскаешь. Чуть-чуть полью и дожидаюсь, когда опять наполнится. А впереди жара. Собирала дождевую воду в ведра, баки, бочки, в баню таскала ведрами, так и поливала, но вода кончилась, а жара усиливалась.

Смотрю, тучка хорошая идет вдали, жду, может дождик польет мой огород, цветы, огурцы, помидоры, пока она дошла до меня, растаяла. За ней вторая показалась, но она тоже растворяется, не дойдет до меня. Я встала посреди огорода, подняла руки к небу и начала громко плакать.

—Господи, миленький, помоги, пошли дождик, поливать огород нечем! Прошу тебя, мне нужен дождь, моим расте-

ниям, моей иссохшей земле! Смотрю, а вторая тоже уходит мимо меня. Я упала на колени, головой к земле приклонилась, слезами поливаю землю.

—Господи, сделай милость, пошли дождик, засохнет весь мой огород, цветник, весь мой труд пропадет! Господи, молю тебя, полей мою иссохшую землю, сделай милость!

И вдруг такой грохот в небе, я аж вздрогнула, еще и еще, с неба посыпались редкие, крупные капли, потом пошел сильный дождь. Все полил, наполнил всю мою посуду.

—Благодарю тебя, Господи, радовалась я. Но уже через 2 дня опять жара, все опять сохнет. Вечером полью, утром опять все сухое. Думаю, сейчас побрызгать или воду надо экономить до вечера. Что делать? Июль, жара, вода вся кончилась, земля опять сухая, твердая как бетон, даже тупкой ее не разрубить. Разговорилась с женщиной в магазине:

—У нас тоже отключили воду в июне, мы написали коллективную жалобу, этого Петрова сняли, нам поставили общий счетчик. У нас есть вода, все хорошо, она дала мне телефон. Звоню, мне сказали, что Петрова не сняли, дали его телефон, звоню ему:

—Вы у нас воду отключили, а когда подключать будете, на улице жара, все сохнет. Он на меня начал кричать:

—Кто вам сказал, что я отключил вам воду? Фамилия, телефон, чтобы я знал на кого в суд подавать? Звоню опять в РЭУ:

—Когда будет вода? Июль на дворе, все сохнет.

—Нечего сюда звонить. У вас есть представитель от ваших улиц, она занимается вашим вопросом, к ней и обращайтесь. Нашла представителя.

—Завтра мы пойдем к Петрову на прием, он обещал нас принять, если хочешь, пойдем с нами.

Приходим к Петрову. У него возле офиса цветут огромные, сочные астры, розы, даже пышная картошка, все благоухает. Хотелось вырвать все его цветы и в его рожу бросить. Но нас по дороге сразу предупредили, никаких скандалов, дядька с характером, психованный, мы его и так еле уговорили, чтобы он нас принял.

—Вы на правильном пути. Вы уже организовали кооперативное общество, документы у вас все в порядке. Теперь нужны организационные работы, вырыть траншею, проложить новую трубу, поставить общий счетчик и пользуйтесь. Но это не в моей компетенции, вам нужно обратиться к Сидорову, но он вас не примет. Я сейчас позвоню Иванову, чтобы он позвонил Сидорову и уговорил его принять вас.

—А почему нам нужно тянуть воду с другого люка, почему не поставить счетчик на наше прежнее место, откуда нас отрезали, и кто у нас отрезал воду?

—Воду отрезали, чтобы вас собрать. Вот на 20 участке отрезали, сразу двое прибежали. Вот вам отрезали, вас сразу 10 человек прибежало, а как вас еще собрать?

—А что, нельзя было на месте собрать людей и сообщить, что вы хотите поставить счетчик на воду? Зачем нужно было

отрезать воду в разгар лета?

– Я же говорю, чтобы народ быстрее расшевелить. Вот вы все пришли и документы сделали.

Кстати, Сидоров принимать нас отказался, тогда Петров, по доброте душевной, в кавычках, пошел нам навстречу, как он сказал, посодействовал, побегал и добился разрешения на проведение технических работ. Начали собирать немалые деньги, нужно было прокопать траншею, купить трубы, счетчик, заплатить рабочим. Кстати, он проболтался в разговоре, похвастался, что это он дал команду отрезать людям воду, а как он кричал на меня по телефону?

Вот уже и август, а воды до сих пор нет, дождя тоже. Захожу в малинник, все красным-красно, а собирать нечего. Малина или сухая, или вареная, она уже никуда не пригодная, даже на компот. Я плакала и злилась, хотелось вырвать из засохшей земли свои засохшие растения, пойти и дать по его наглой, бесстыжей роже, этими засохшими палками. Я пошла к женщине, которая занималась документами.

–Ну, что там с водой? Когда будет, все сохнет.

–Все, уже там начали копать, я с бульдозеристами договорилась, они вчера уже начали работы.

Я сходила посмотреть, никого нигде нет, никто ничего не делает, зашла к ней обратно и сказала, что там никого нет. Она начала бегать по соседям. Каждый день я ходила смотреть и только через неделю увидела, что бульдозер работает, мужчины помогали копать лопатами. Смотрю, идет сосед.

—А ты почему гуляешь, не помогаешь, там работают мужчины.

—Хочу и гуляю. Хочешь вместе погуляем?

—Мне некогда.

—Зина, а когда у тебя будет время? Зина, я зайду вечером, а? Вечером будет время?

—В следующей жизни.

—А, это долго. Он постоял немного и начал кричать мне вслед.

—Я все равно вечером приду! Я тебя все равно оттрахаю, не я буду!

Я так разозлилась на него, что начала кричать:

—Перебьешься! Трахеит нашелся! Придурок, смотри трах свой не потеряй! Вот козел страхолюдный. Вилы в бок хочешь получить? Только попробуй приди!

К люку, к которому он дал разрешения подсоединиться, подсоединились, вода пошла. Но люди, к которым раньше шла вода из этого люка, собрались, ополчились, отрезали, когда все работы завершились. Они стояли кто с лопатами, граблями, камнями, они дежурили и не давали нам подключиться. Начали переделывать план и еще на 50 метров рыли траншеи и прокладывали трубы, и снова собирали деньги.

Я сидела в саду, на сухой земле, держа в руках пустой шланг и умоляла со слезами Бога, чтобы наконец из этого шланга потекла вода. Я выкопала квадратную ямку и траншею к пересохшему бывшему болоту, накрыла пленкой, ту-

да потихоньку начала стекать драгоценная водичка. Собира- ла ее ковшом, со слезами разливала в ведра и по чуть-чуть лила под каждое растение, что бы совсем не засохли мои по- мидоры, огурцы, баклажаны. Я еще умудрилась на зиму на- сделать заготовку, но все же малина так и засохла, стояли го- лые, без листьев, прутики. А новые ростки дают урожай на следующее лето, это значит, что в этом году все посохло и на следующий год, может, тоже ничего не будет.

С деревьев посыпались сухие, пожелтевшие листья, вялые яблоки, я ходила по саду заливаясь слезами и ругала про себя тех гадов, которые устроила нам этот беспредел.

—Сволочи, гады, где была ваша совесть, а главное, где бы- ли ваши мозги, когда вы отключили воду?!

И только в конце сентября пришел большой начальник и сказал, что, если через 3 дня у людей не будет воды, я вас всех тут снимаю с работы. Кстати, он нашел наши доку- менты на старую воду, у нас все было законно! Спрашивает- ся, для чего все это нужно было делать, сколько было потра- чено времени, денег, а главное нервов, кто теперь это вернет?

Свадьба.

В субботу встретила соседа.

—Привет! Далек ты собрался?

—Иду на свадьбу к другу.

—Слушай, возьми меня с собой. А то я уже 100 лет нигде не была.

Я быстро собралась, и мы поехали на свадьбу. Там я с горя или с радости, что наконец-то дали воду, напилась шампанского, пригласила друга жениха на танец, потом он меня пригласил. Так мы с ним весь вечер танцевали. Я уже не видела соседа, с которым я приехала и когда он уехал не видела.

А мы с дружкой гуляли по саду и всю ночь целовались. Потом он каждые выходные заходил ко мне домой со своим худым и длинным другом, который все время улыбался. Я накрывала стол и пила их чаем. Но его друг меня сильно раздражал своей глупой улыбкой и пристальным взглядом.

—Слушай, почему ты все время ходишь с этим парнем, он что, твой телохранитель?

Он начал приходить один. Мы сидели в беседке или гуляли по саду и целовались. Не так, чтобы он мне сильно нравился, но он был высокий, симпатичный, молодой брюнет, а мне уже давно нужно было выходить замуж. Я в нем тоже не видела страсти ко мне или искры в глазах, когда девушка нравится парню. А когда он залез ко мне под кофточку и взял своей огромной пятерней за грудь, я его оттолкнула и больше он ко мне не приходил.

Я его встретила случайно, лет через 5, он мне мило улыбался и так смотрел на меня! Он сильно постарел, и казался мне таким страшным. Я подумала, как хорошо, что я тогда не вышла за него замуж. И как я могла вообще с ним целоваться, вспомнила, и было противно.

Когда я ночью выключала свет, чтобы лечь спать, я под-

ходила к окну и смотрела в сад. У дерева, где мы целовались с Игорем, я иногда видела маленький огонек от светящейся в ночи сигареты.

Дом.

Весной Володя, муж Ирмы, предложил мне построить новый дом.

—Что ты в этом саманном доме живешь, он ни сегодня-завтра завалится, потолки низкие, окна, двери маленькие, это курятник, а не дом.

Я подумала, что у меня есть сбережения, которые я копила на машину. Машину я уже не хотела покупать, а вот дом новый построить, это можно. Мне уже и самой было страшно в нем жить.

—Володя, ты подсчитай, хотя бы примерно, лес, кирпич, все, что понадобится для строительства, если я потяну с деньгами, то летом можно будет строиться.

Я планировала взять отпуск в июле, но уже в июне Володя собрал бригаду: Сергей, ровесник Володи, Коля и Иван, чуть по старше, около 40 лет. Пока я была на работе, они вокруг дома начали рыть траншеи под фундамент. С сарая вытащили все доски под фундамент. Расчистили сарай, вынесли из дома кровать, стол.

На все лето сарай стал моим домом. Между сараем и домом был большой навес, под навес поставили стол, газовую плиту и газовый баллон. Я решила оставить веранду и навес,

они были еще приличные, чтобы хоть что-то осталось от моего дома детства. Володя хотел поставить большой дом.

—Мы можем провести тебе в дом воду, поставить ванну и туалет, но я отказалась. Побоялась, что тогда в большой дом может вернуться мой брат со своим семейством. А мне это надо?

Трое мужчин ночевали на веранде, чтобы с утра пораньше взяться за работу. Только Володя уходил домой. Я им постелила постель, дала матрац, одеяла, подушки. На день они все скатывали в рулон, чтобы не мешало. Варила им на день ведро компота из своих ягод, готовила еду с огорода: огурцы, помидоры, зелень, картошка, солонина с погреба.

По субботам топила им баньку, ставила бутылочку, готовила что-то вкусное: плов, пельмени, жаркое. Бригада работала дружно, слаженно, не было ни криков, ни матов. В субботу сидят ребята за столом на веранде, Иван говорит:

—Какая хозяйюшка эта Зина: и красавица, и умница, и не замужем. Неужели у мужиков глаз нет? Если бы я был холостой, я бы женился на ней, не задумываясь. Я сижу в сарае и слушаю.

—Так, запомните, если кто-то только попытается приставать к девушке – яйца вырву с корнем любому, это понятно? Это моя невеста. Сказал злобным голосом Володя.

Заходила заспанная Ирма, в грязном халате садилась на диван под навесом, что-то говорила и громко хохотала. Смотрела, как идет работа, как мы со Светой управляемся в

огороде. Весь большой двор был заставлен досками, кирпичом, которые таяли с каждым днем, а дом рос, как на дрожжах.

А я иногда посматривала на Володю, на его сильные руки, красивое, загорелое тело, на его умелую работу. Только в работе познается человек: его характер, его нрав, его смекалка. Я любовалась им и постепенно влюблялась. А дом поднимался все выше и выше. Вот уже вывели стены, начали делать потолок. Он командовал и направлял мужчин, я слышала его голос, его смех, видела его небесные, синие глаза, которые иногда смотрели на меня, его милую улыбку. Печку решили оставить, она была добротная. Погодка выдалась как по заказу – то облачно, то солнечно, но дождя не было.

Они делали все так быстро и слажено, как обезьянки легко прыгали, когда делали крышу. Вот уже и окна, и двери, все почти готово. Володя предложил:

–Давай твою баню, сарай и курятник развалим, построим все новое, баню и сарай. Навели такой порядок, даже оштукатурили дом внутри, постелили новые полы. Я ходила по дому, по хозяйским постройкам и никак не могла привыкнуть, что это мой дом. Все время казалось, что это чужое жилье, только память хранила в воспоминаниях мой маленький саманный домик, домик моего детства. Где со мной всегда были отец, мать, брат. Все было красиво, но это было чужое, не мое.

Бригада уже разъехалась, а Володя иногда заходил доде-

лывать мелкие работы. А я ему помогала. Он иногда нечаянно плечом или рукой касался моего тела, мы смотрели друг на друга, смущенно улыбаясь. А у меня все внутри вспыхивало, как ток проскакивал по моему телу. А его жена иногда подходила и стояла у моего забора, и смотрела в освещенные окна.

—Я сегодня ночью к тебе зайду? Откроешь? Сказал он так, как будто, между прочим.

—Нет.

—Ну почему? Я же вижу, что я тебе тоже нравлюсь.

—Ты мне совсем не нравишься. Я уже давно люблю другого.

—Что-то я здесь давно не вижу никого другого.

—Просто он живет в другом городе, на заработках, как работает деньги, придет и мы с ним поженимся.

—Ну, ну, смотри сама.

В новом доме, старые воспоминания.

Приехал брат.

—Сейчас зашел к Игорю, а он на меня волком смотрит, говорит: -Ты мне всю жизнь сломал, я тебя ненавижу! А что я ему сломал? До армии по девкам его таскал, выбирай любую, он же такой тюфяк, сам первый никогда не подойдет. Я же не виноват, что ему никто не нравился. Девки хорошие были, он им нравился. А после армии с голодухи приехал, а она сразу забеременела. У него уже двое пацанов.

—Ну, ты Зинка даешь. Ты что, с ума сошла? Куда ты дела наш саманник, развалюху? Вот молодец, но маловат, надо было побольше построить, у меня скоро двое ребятишек будет. Вообще то на первое время пойдет, нам хватит, а ты можешь летом в сарае жить, там тоже целый дом. А зимой в бане. Ха-ха-ха.

—Ты со своей шалавой подзаборной живи там, где живешь.

—Это мой дом, отец строил.

—Твой дом саманный, в болоте лягушек кормит, сходи посмотри. А это мой дом. Ты мне хоть копейкой помог? Сказал: хочешь строить, твои проблемы, а я посмотрю. Посмотрел, вот и иди себе с Богом.

—Ты что, теперь здесь одна будешь жить как королева? А я с детьми по съемным квартирам болтаться?

—Каждому свое. Ты сам выбрал себе свою судьбу, я вас не женила, не сводила, а теперь это твои проблемы.

—Да я тебя и спрашивать не буду, приедем и будем жить.

—А вот это ты видел? Я показала на угол веранды. Там стоял весь огородный инвентарь: грабли, лопаты, вилы, топоры, тяпки.

—Вот дура больная. Ты что на брата?

—Хочешь проверить?

Я купила новые тюли, занавески до пола, диван, посуду. Я привыкала к своему новому жилью, я была счастлива, думала, что теперь осталось только мужа хорошего найти, не пьющего, для полного счастья. Но я понимала, что это сде-

лать проблематично, всех уже расхватали по молодости.

Ночью, когда выключала свет и смотрела в окно, кроме иногда появлявшегося огонька у большого дерева, я стала видеть огонек сигареты у почтового ящика, со стороны Ирмы.

Я часто начала вспоминать свое детство. Мы пошли в парк: мама, папа, брат и я. Мы с братом сели в детский поезд и поехали, а мама осталась. Все, помаши маме ручкой, ты ее больше никогда не увидишь. Сказал брат. Меня охватил жуткий страх, паника, и я проорала все 5 минут, пока мы ехали на поезде. Годика 3 или 4 тогда мне было.

Мы с братом поехали в детский мир, у нас не хватало 5 копеек на игрушку. Брат говорит: иди на улицу, подходи к дяденькам и тетенькам и говори – мне не хватает 1 копейки на игрушку. И так я насобирала 5 копеек. Потом я брату говорю: Слушай, а давай я буду дальше просить денежку и тогда мы купим себе еще одну игрушку. А если попросить у ста человек, тогда будет рубль и мы сможем купить себе много игрушек.

–Нельзя просить деньги.

–Почему?

–Тогда ты уже будешь попрошайкой, тебя заберут в милицию и посадят в тюрьму.

Брат был старше меня, отец дал ему 2 рубля. Сходите в парк, один рубль тебе, один твоей сестре. Мы пришли в парк.

–Хочу мороженое шоколадное. Брат купил мне простое.

–Ты пойми, шоколадное дорогое, ешь молочное, это дешевле. Я стояла у дерева и плакала. А он пошел кататься один на 2 рубля.

–Пока ты тут дура плакала, я уже покатался на качелях, на каруселях, пострелял, поел мороженое. Денег уже нет, пошли домой и не реви, а то сейчас по моське получишь.

Принесут нам на день рождение или на новый год конфеты, я карамельки ем, а шоколадные берегу на закуску. Брат свои шоколадные конфеты съест, подбежит, а ты шоколадные не ешь, карамельки кидает, шоколадные отбирает.

У отца был рубанок, он из доски строгал длинную, тонкую ленту и плел маленькие детские корзинки, еще и раскрашивал их. Заставлял нас с братом продавать их на маленьком базаре. Брат отказывался, а мне нравилось торговать, еще я брала лук, зелень с огорода. Отец брал себе деньги на пиво и оставлял мне на конфеты.

Отец нам купил телевизор, еще ни у кого в округе не было, он бросал на пол свой большой овечий полушубок, к нам приходили соседские ребята на мультфильмы. Мы лежали на теплом, мягком, лохматом полушубке. А иногда он брал меня к себе на руки и говорил: сапулька, сапка ты моя. Приходили взрослые соседи смотреть взрослые фильмы.

Летом мы ходили в летний кинотеатр на открытом воздухе. Я там всегда засыпала. После фильма отец сажал меня себе на плечи, я держалась за его голову, а он сонную тащил меня домой. Неужели это когда-то было, неужели мы были

такие маленькие, а наши родители такие молодые, даже не верится.

Я вспоминала Игоря, мою первую любовь. Если бы я его тогда не прогнала, может быть у нас с ним все и сложилось, сейчас были бы уже большие дети, семья. И он бы не слонялся как бездомный пес, и я бы не страдала.

Вспоминала Володю, но тут семья, ребенок, уже ничего не исправишь. А почему он мне не встретился раньше? Почему он с ней, этой толстой, тупой и неряшливой? Хотя если бы он встретился мне раньше, я бы его наверняка тоже прогнала, как и многих других. Я же не нормальная, я всех прогоняю, а она не прогнала, и другие мои подружки не прогоняли, потому уже с детьми и замужние, только я одна такая, в целом мире, недотрога, наверно таких уже не выпускают, таких уже давно сняли с производства как бесперспективных.

Я поймала себя на мысли, что все еще люблю Игорька. Володю тоже люблю, а разве возможно такое, чтобы любить сразу двоих? А главное, смешно то, что еще при этом быть одинокой. Наверно у таких как я ненормальных, у них все возможно.

Надя.

Я встретила свою школьную подругу Надю. Как-то сразу после школы она потерялась. Я ее так и не видела после 8 класса. Получается, почти 10 лет прошло. В школе она была такая худенькая, неприметная, с тоненькими, русыми косич-

ками. А тут предо мной предстала красивая дама, с крутыми бедрами. Я ее не сразу узнала, если бы она ко мне сама не подошла. Я смотрела на нее и не верила своим глазам, что это была она. Только черты лица остались от этой девчонки.

Она сразу после школы начала встречаться с таксистом и уже родила ему троих детей. Она рассказала душещипательную историю, как ее свекор сошел с ума. Ему там что-то мерещилось, и он по ночам с топором гонялся за домочадцами. Надя, ее муж, свекровь и трое детей забаррикадировались в одной комнате, дрожали по ночам от страха. А днем он был опять нормальный, потому его не забирали в больницу. И это продолжалось несколько месяцев. Потом он сам умер от разрыва сердца, наверно нервы у него уже не выдержали.

Она рассказала, что ее родная сестра, Наташа, умерла при родах в 19 лет. Я ее помню, она была всегда полненькая, читала много книг, была старше нас на 2 года. Она всегда смеялась, что с мальчиками целоваться вредно, во рту много болезнетворных микробов, можно и заразу какую-нибудь подцепить.

Моя Надя, как я ее любила, а она меня, как она плакала, когда я уехала в деревню. Вспомнили, как в 5 классе мне понравился мальчик, с другого класса, я даже песню сочинила про него, мы сидели у нас дома, пели ее во все горло:

Леня, любовь моя, стройный красивый пареньь.

Знаешь ли ты, как люблю я тебя.

Леня, любовь моя.

Мы ходили к нему домой, потом он брал своего друга, мы бегали по камышам. Потом спорили на поцелуи. Это Надя предложила. Когда пришло время рассчитываться, я начала от него убегать, а он кричал мне: так не честно, они уже целуются, а я все только гоняюсь за тобой. Уже с тех пор помню, как мне было стыдно даже целоваться с любимым мальчиком.

А еще, я помню, мне одна девочка сказала в школе, что если с утра поцелуешься с мальчиком, то уже вечером из тебя ползет ребенок. А мне было так страшно. Я думала, что я с ним буду делать? Меня же мама сразу прибьет. Леня на меня обиделся и убежал. В другой раз, когда мы встретились, его приятель сказал, почему вы приходите вдвоем, Леня любит вот эту беленькую, Зину. Я так испугалась, как это встречаться с мальчиком наедине, мы больше к нему не ходили.

Надя сказала, что видела Марину с моего училища. Она родила мальчика, но ее парень отказался на ней жениться. Ее мама записала ребенка на себя, чтобы прикрыть ее позор. Она вышла замуж за другого парня, родила ему сына, муж начал сильно пить. Она его отправила в ЛТП, а его квартиру разменяла на две однокомнатные, одну взяла себе, другую отдала свекрови.

Я лежала дома, долго не могла уснуть, думала, да что же это такое, у моих подруг ровесниц уже вон по сколько детей, а я даже еще не имею представления, как это все происходит. Я лежала и думала, как это все противно, все сошли с ума, все занимаются этим грязным, бесстыжим делом. А замужние даже наверно еще и каждый день. А после из этой грязи появляются дети, прекрасные ангелы. Какие же они после этого ангелы, если из грязи?

И мы с братом тоже так же появились. Я появилась из этой грязи. Когда моя мать и отец этим занимались, как противно. Это же ужасно. Значит все, у кого есть дети, этим занимались, и все люди этим занимаются. Миллиарды людей на земле этим занимаются. Это что получается, что все сошли с ума? Какая вокруг грязь, просто противно, просто в голове не укладывается. Вокруг меня и во всем мире грязь. Я просто с ума сейчас сойду. Как противно. Мир, весь мир, сошел с ума.

Надя тоже сильно удивилась, что я до сих пор еще не замужем.

—Ты же вперед нас всех в школе уже оформилась, у тебя уже в 8 классе и груди были большие, и фигурка красивая. Сколько мальчишек за тобой бегали, почему же никто на тебе так и не женился? Как же я ей могу объяснить, что до сих пор я не могу пройти через эту грязь, что я недотрога, меня так мама в детстве называла. Что я до сих пор не могу себе даже этого представить, что кто-то будет со мной, будет ка-

саться моего тела своими грязными руками, даже если меня обнимают, мне и то противно. Кроме моей мамочки. Но я уже не помню, когда она меня обнимала.

Но лишь одному единственному человеку я позволяла себя так обнимать и так целовать, так, как будто только он один имеет право делать это. И когда я уже была готова, когда я была в его доме, я лишь на несколько секунд забыла, что такое стыд и совесть, а он мне вдруг сказал:

–Зина, успокойся! Но почему? Почему он так сказал? Он ведь всегда этого хотел, а когда я уже была готова, он так сказал. А больше мне никого не надо. Больше никто не посмеет ко мне прикасаться своими грязными руками.

Дела постыдные.

На работе отношения стали накаляться, если раньше женщины просто шушукались между собой. То теперь нельзя было отойти от своих машин. Женщины стала задавать глупые вопросы и подсмеиваться надо мной. То в столовой, то в раздевалке.

–А у тебя что, правда нет детей?

–А ты что, правда не была замужем?

–Может, она у нас еще и девица?

–Не обязательно быть замужем, можно и так, иметь 5 любовников.

–Может, она готовится в монастырь уйти.

–Да кто ее туда возьмет, если только в мужской.

Кто-то говорил, что нужно пойти в церковь, отстоять там службу, помолиться Богу, попросить прощение, попросить хорошего мужа, если хочешь выйти замуж. Кто-то говорил, как охмурить мужика, чтобы он на тебе женился:

–Да ты переспи с мужчиной и скажи, что ты беременная, он сразу женится, а потом скажи, что ошиблась, а он потом все равно никуда не денется, уже расписаны, а потом уже и свои детки появятся. Кто-то даже предлагал:

–Да ты сходи к бабке, да приворожи мужика и тащи его быстрее в ЗАГС.

–Да это вы все бабы дуры замужем, а Зинка – она умная, она свободная, все мужики ее, она каждого может к себе в постель положить, пока вы там ждете, когда ваш муж соблаговолит и даже ваших мужей.

–Да зачем выходить замуж? Сумки таскай, еду готовь, носки вонючие стирай, лучше родить для себя ребенка и жить в свое удовольствие.

–Если нет мужика, хочешь мы тебе сперму принесем в баночки от своих мужей, что бабы, скинемся?

– Для хорошего человека ничего не жалко.

–А лучше вообще жить без мужа и без детей. Жить в свое удовольствие.

–Что она и делает. Молодец Зинка! Она умнее всех вас дуручек, вместе взятых.

–И тебя.

–И меня, конечно, тоже.

—Кто-то говорил, что нужно одеваться повульгарнее, макияж по ярче, чтобы мужиков к себе привлекать. Юбочку покороче, вырез на груди по больше, туфли повыше, кокетничать с мужчинами, самой проявлять инициативу. Быть посмелее. Самой первой знакомиться. А то так и замуж никогда не выйдешь.

Я уже начала злиться, а мне говорят: что ты злишься, замуж тебе надо выходить. Или говорили: вот выйди замуж и ори на своего мужа, а на меня нечего орать.

А мужики как с ума сошли, мастера наладчики стали подходить:

—Как машинки работают? Жалоб нет? Если хочешь — на ремонт поставим, или приглашали встретится после работы, или после работы ждали на улице у проходной. Я приходила домой и плакала.

—Что им всем от меня надо? Я ни к кому не лезу, не учу как жить, как одеваться, пусть все отвяжутся от меня! Ненавижу всех — и мужчин, и женщин. Мало того, что сами все живут в этой грязи, так хотят, чтобы еще и я жила в этой грязи. Хотят еще и меня измазать этой грязью.

Может мне и вправду уйти в монастырь, буду там себе тихонечко молиться. Никого не видеть и не слышать. Но ведь там тоже живут люди, эти монашки тоже женщины, тоже сплетницы. Также любопытные, все будут расспрашивать, а там надо будет еще и исповедаться перед батюшкой в своих грехах. Нужно будет рассказывать, что плохого я в своей

жизни делала. Ой, это же так стыдно, как можно такое рассказывать про себя плохое?

И тут я начала вспоминать о своих постыдных делах, грехах. Как мы с мамой пошли к бабушке, я тогда не помню, во 2 или в 3 классе училась. Пока они с мамой разговаривали, а я увидела – на столе среди еды и посуды лежат 3 рубля. Я их прихватила и в носочек спрятала. Когда мы уходили, бабушка сказала, что у соседки заняли 3 рубля.

–Ой, а где же они, я положила их на стол, нету, куда же они делись? Они начали искать везде.

–Ой, деньги пропали! Да как же так. Мама шла и всю дорогу меня ругала.

–Ты взяла деньги?

–Нет.

Кармашков у меня нет, сумочки нет, спрятать как бы некуда.

–Ты, сучка, взяла, больше некому, ты там стояла возле стола!

Она пришла домой, а по дороге сломала прут с дерева. И била меня этим прутом, и по голым рукам, и по голым ногам.

–Говори, ты взяла гадина, ты взяла деньги, говори, ты взяла, что молчишь, сознавайся, ты взяла? А я как партизанка, только твердила:

–Нет.

Да, из меня бы получилась хорошая партизанка. Мы, когда играли во дворе в войну, поймали языка, то бишь меня,

мальчишки меня пытали, руки выворачивали, крутили:

–Говори пароль. Я никогда своих не выдавала, все терпела. И тут три дня меня мать порола, все никак не могла успокоиться. Как приходила с работы, то веником, ручкой меня била, то полотенцем, то ремнем, а я все терпела и всегда говорила – нет. А потом я покупала себе на них конфеты и ела их без зазрения совести, я же их как бы уже отработала.

Еще почтальонша мне дала письмо, чтобы я его бросила в почтовый ящик к соседке, а я в сумку его положила и пошла дальше в школу и забыла. А на уроке оно мне попало, я его вскрыла и начала выпендриваться перед учениками, читать.

Потом смотрю – под партой рубль лежит, я обрадовалась, подняла, потом смотрю, Колька, который сидел со мной за одной партой, под парту полез. Думаю, чего это он там придушивается. Деньги потихонечку тратила на конфеты. Потом так и не заметила, как это письмо бросила с книжками и тетрадками в письменный стол. Отец полез в письменный стол, спрашивает, что за письмо, почему вскрыто, и отнес его по адресу. Приходит соседка и говорит:

–Письмо от дочки вы принесли вскрытое, тут она пишет, что она положила мне в конверт 2 рубля, а денег нет, верните мне деньги. Потом отец меня порол ремнем. Я сказала, что только один рубль видела под партой, решили, что второй я выронила. Понятно, почему Колька так усердно лазил под партой.

А до этого было 8 марта, я подарила маме пудру, она была

счастлива, а потом узнали на что я купила, где взяла деньги.

А вот это со мной произошло совсем недавно, я даже не поняла до сих пор, что это со мной происходило. Я пошла на базар, набрала там полные сумки с продуктами. Подошла к прилавку, сумки тяжелые, поставила. Смотрю на товар, думаю: купить что-нибудь из круп, а продавца нет. За прилавком, прямо на дороге, стоят мешки с крупами, банки с маслом, пакеты с рожками. И вдруг у меня в голове кто-то говорит мысленно:

–Продавца нет, вот рядом с твоими сумками стоит большая банка масла, возьми ее, никто даже не заметит, а у тебя дома будет халявное масло. Это же здорово!

Я посмотрела по сторонам, другие продавцы заняты делом, кто-то обслуживает покупателей, кто-то разговаривает между собой, никто на меня не смотрит. Я посмотрела на банку масла, а оно так и светится в банке золотистым цветом, переливается, так и манит к себе. Он опять говорит:

–Ну, что же ты теряешься, никто на тебя не смотрит, ты с пакетами встала, бери пакеты и масло за ручку прихвати и иди. Если бы ты его просто взяла, тогда бы увидели, а так с пакетами смешается, никто не заметит, как будто это твое масло. В других местах тоже продают точно такое же масло, может ты его купила в другом месте.

Я опять стою, сморю по сторонам, а с места сойти не могу как приклеенная.

–Вот будет здорово, придешь домой и будешь радоваться:

такая большая банка, там 5 литров масла и все бесплатно, будь смелее, бери – не сомневайся, никто даже не заметит.

Я представила, вот я взяла банку и пошла, а другие продавцы подбежали:

–Держите воровку, она масло украла! Такая молодая, догнали меня, держат, ругают и всяко обзывают, возмущаются. Уже вызвали базарного, милицию, повели в участок составлять протокол, потом выпишут штраф в лучшем случае. Сообщат на работу, а там и так житья нет, да еще будут все воровкой обзывать. Потом опять кто-то в голове говорит:

–Правильно, не вздумай брать чужое, позора не оберешься. Ты же купила себе маленькую баночку масла, тебе хватит, иди домой. Думаешь – просто так здесь продукты бесхозно стоят, подходи и бери любой? Если продавец ушла, она кому-нибудь сказала: посмотрите за товаром, а может сама где-то сидит и смотрит, может кушает и смотрит, но ее тебе просто не видно. А первый опять:

–Я же тебе говорю, у тебя много пакетов, а банка стоит рядом с пакетами, ты ее только за ручку возьми, пакеты туда же и иди. Ты же видишь, что никто на тебя не смотрит, все заняты своим делом. Они видят, что у тебя много пакетов, а банку из-за пакетов не видно. Подумают, что ты просто устала, постояла, отдохнула, взяла свои пакеты и пошла. Тут второй:

–Ты что, нищая, у тебя денег нет? У тебя денег хватает, можешь 10, 100 таких банок купить, разве тебе нуж-

ны неприятности? Позора не оберешься, настроение испортишь. Как ты потом сюда в другой раз придешь? Пальцем будут все на тебя показывать, говорить: о, воровка пришла на базар, она в прошлый раз у нас большую банку масла украла, следите за ней. Честь дороже денег. Эта банка обойдется тебе дороже, чем она стоит, иди домой.

Я взяла свои пакеты и пошла домой, чем дальше я отходила от этого места, тем легче мне становилось. Вышла я из этого базара, у меня такая гордость за себя появилась, уважение к себе, что я не поддалась, не соблазнилась на чужое, избежала больших неприятностей. Зато я теперь поняла выражение, которое раньше слышала, но не понимала, когда говорили: Черт попутал.

Дела любовные.

Я шла ночью с работы, с ночной смены. Смотрю, со стороны улицы, рядом с моим домом, кто-то стоит и курит. Когда подошла ближе я увидела Володю.

—Зина, можно с тобой поговорить? Не бойся, я не буду к тебе близко подходить. Он говорил тихо и нежно.

—Я ведь серьезно хочу с тобой жить, не просто так к тебе бегать.

—Я семью разводить не стану.

—Да и семьи уже нет никакой. Я уже ушел от жены, живу у мамы 2 недели. Вот к тебе пришел,пустишь?

—Конечно же нет.

–Нет.

–А ты другое хотел от меня услышать? Не хватало мне еще с женатым.

–Я же тебе говорю, что ушел от жены. Я не могу больше с ней жить. Тебе не надо объяснять, ты сама ее видела, как можно жить с такой.

–Ты ведь раньше жил с такой, вот и живи дальше.

–Жил, пока не встретил тебя. Ты пойми меня, Зин, я не могу больше без тебя жить, без твоих губ, без твоих рук, без твоих глаз.

–Соблюдай дистанцию, ты обещал, а то я сейчас уйду, не стану слушать твои сказки.

–Зина, это не сказки, это песня о несчастном парне, который встретил милую, чудесную девушку и хочет с ней быть. Но что нам мешает жить вместе?

–Твоя семья.

–Я же тебе говорю, что я ей сказал, что я ухожу и подам на развод, что с ней жить не буду.

–Муж и жена – одна сатана. Поссоритесь – помиритесь, разойдетесь – сойдетесь. Меня в это не впутывай.

–Нет, я все равно с ней жить не буду.

–Ты уйдешь от нее, тебя будут видеть со мной. Сразу станет понятно, что это я причина вашего развода. Я не собираюсь драться из-за мужчины. Мне неприятностей не надо, у меня и так их выше крыши хватает.

–Послушай, Зин.

–Хочешь – разводишься, хочешь – живи с ней, хочешь – живи с кем хочешь. Оставь меня в покое.

–Но я хочу жить с тобой.

–Сначала ты хотел жить с ней, теперь ты хочешь жить со мной, потом ты встретишь другую, захочешь жить с ней. Ты что, перекаати поле или мужчина? Так нельзя жить, потакая своим желанием. Если ты на ней женился, значит – ты ее любил? Потом встретил другую – разлюбил? Потом встретишь третью, четвертую, женщин много, одна краше другой. Так и будешь жить, бегать от одной к другой как зайка, куда хочу – туда и поскачу.

Когда я видела тебя там наверху на доме, я видела тебя в работе, я видела сильного, серьезного мужчину, а теперь я смотрю, что ты просто пацан, тряпка. Ты бросишь женщину с ребенком, как когда-то бросил ее отец. С твоим ребенком, который тебя любит? Женщину, которая тебя любит? Бросишь семью и побежишь за другой юбкой?

–Я не за юбкой побегу, а за брюками, ты ведь все время ходишь в брюках.

–Приходится ходить в брюках, потому что желающих стало очень много запустить свои грязные руки под юбочку. Возьми свою голову в руки, повыкинь оттуда всякую дурь, поставь ее на место, возвращайся в семью и воспитывай дочку и жену. Будь мужчиной, мужем и отцом. А меня забудь, тем более, что я тебе говорила уже, что я люблю другого и я его жду.

Через несколько дней, под вечер, но было еще светло, я встретила Игоря по дороге, на легковой машине.

—Девушка, вас подвести?

—О, ты, привет! Как дела? Как семья, дети?

—Зина. Он задумался и молчал.

—Что?

—Я о тебе последнее время все время думаю. И на работе, и дома, и даже за рулем. Я просто схожу с ума. Не знаю. Что со мной происходит? Я стал как ненормальный. Просто каждую минуту. Утром просыпаюсь, сразу о тебе все мысли, и так весь день. И каждый день.

—Ну и что ты хочешь?

—Ничего. Просто я хочу, чтобы ты знала об этом. Что я о тебе все время думаю.

—Теперь знаю. И дальше что?

—Ничего. Какая ты стала!

—Какая?

—Еще краше! И совсем дикая.

—Ну что, вывалил на меня свои проблемы? Тебе легче стало?

—Да.

—Ну и езжай себе с Богом. Он тихонько запел:

—На этой выставке картин, сюжет отсутствует один.

Где мы вдвоем, где ты со мной.

—Как вы меня уже все достали! Он посмотрел на меня при-

стально с улыбкой.

– Дикарка. И медленно поехал по дороге.

– О Боже! Его глаза, как две звезды, как два прожектора, как две молнии, обжигали до боли и испепеляли мою душу. Я шла, не видя дороги от слез.

– Да что вам всем от меня надо? Да что же это в моей жизни происходит? Зачем вы все меня мучаете? Господи, дай мне силы, дай мне терпения. Чтобы не сойти с ума окончательно. Я не хочу стать овощем, я хочу быть в здравом уме и твердой памяти.

– У-У-У. Завыла я, когда пришла домой. Включила музыку на всю громкость и начала орать во все горло.

– У-У-У. Около получаса я орала, орала, орала. Вдоволь наплакавшись, наоравшись, я выпила две таблетки валерианы, сделала музыку по тише, легла в постель.

– Я чувствую себя больной, я больная, а больным нужен покой, отдых и сон. Так я проспала до утра.

Весь следующий день я думала, может уволиться с этой работы, где меня все уже достали своими советами, усмешками, женихами? Найти где-нибудь другую, в отделе сидишь себе, отдыхаешь. Надоело тут уже бегать возле машин как савраска, надоело после смены вытаскивать из уголков глаз длинные нитки из летающих по воздуху снежинок. К концу смены как дед мороз: и брови, и ресницы – все в пуху, лицо чешется, потеет, пух прилипает на лицо. Во вторую смену далеко и поздно добираться.

Продать дом, купить в городе квартиру, жить как цивилизованный человек, с удобствами. Не нужно будет зимой топить печь, летом на четвереньках в огороде, много мне нужно одной? Уехать подальше от этих назойливых женатых женихов, бросить своих любимых мальчиков на произвол судьбы.

День рождения.

На мое день рождения пришла мама со своим мужем, брат с двухлетней дочкой. Посидели немного.

—Я хочу продать дом, купить квартиру и уехать в город. Вы все живете в семьях, устроены. Мне уже 25 лет, я ничего не вижу кроме работы на фабрике, летом в огороде, зимой печка. Работа далеко, после второй смены нужно ехать на такси, сюда никто не заезжает, я иду пешком, одна, страшно. Дороги не асфальтированы, весной и осенью грязь, ходишь в резиновых сапогах. Много мне одной надо, батрачу одна в этом огороде, а зимой и летом сумками отсюда таскают.

—Зина, ну я же для детей.

—Ты старший брат, ты мужчина, почему я должна прокармливать твое многочисленное семейство?

—Вот правильно. Найди себе мужика в городе с квартирой и живи у него. А я со своим многочисленным семейством буду жить здесь в доме. Ха, ха, ха!

—Я построила этот дом на свои сбережения, которые я складывала 7 лет. Дом был не плановый, я сделала докумен-

ты на дом, за это тоже пришлось платить немалые деньги. Теперь его можно продать.

—Дом продай и давай мне деньги на квартиру, а то нам негде жить, мы квартиру снимаем.

—Документы на дом я оформила на себя, я единственная хозяйка этого дома.

—Этот дом строил мой отец, это тоже мой дом. Что, на суд подавать надо?

—Я единственная хозяйка этого дома, вы здесь не живете уже 2 года. Ни один суд тебе не выплатит ни копейки, хоть за судись, только деньги зря потратишь.

—Ну, тогда давай половину.

—На эти деньги я не смогу купить однокомнатную квартиру. Участок земли небольшой, район не престижный, вокруг болото, много за него не дадут, а квартиры в городе дорогие. Маме тоже нужно деньги дать.

—Маме то зачем? Не нужно ей давать, она живет у мужа. Ты нам квартиру купи, а себе мужа с квартирой найдешь и будешь жить у него.

—Если деньги делить, то нужно делить на троих. Тогда я смогу купить себе только комнату в общежитии.

—Вот и правильно, а у нас семья, у нас скоро второй ребенок будет, где нам жить? Мама, забирайте Зинку к себе, а мы здесь будем жить. Там и мужика себе найдет. Михаил сидел слушал, слушал.

—Нам деньги не нужны, нам хватает. Если делить на тро-

их? Мать свою долю отдает Зине. Тем самым Зина окупит свои затраты на дом. И ей хватит денег на покупку квартиры.

—А мне? Мне нужно две трети, мне нужна квартира, у меня скоро двое будет.

—Если бы не Зина и ее деньги, которые она копила 7 лет, здесь бы до сих пор стоял неплановый саманник, а то бы и во все уже завалился. Неоформленный участок, это просто бесхозная земля, ее вообще без документов не продашь. Сейчас она тебе может вообще не копейки не дать. Это ее дом и земля.

—А ты вообще заткнись, тебя никто не спрашивает! Это наше семейное дело.

—Зина, дочка, покупай себе квартиру, а что останется — Вовке отдашь.

—Как это, что останется, а я где жить буду?

—У тебя половина будет, пусть твоя жена у родственников возьмет половину и купите себе квартиру.

—Нет. Нет. Пусть Зинка уходит! Мы с Раей здесь жить будем.

—Пусть только придет эта шалава, твоя Рая из-за сарая, сюда жить, я ее выкину отсюда!

—Мама, вы что? Я же ваш сын!

—А она моя дочь! Всегда все было только для тебя. А Зина сама всегда зарабатывала деньги. А ты только требовал — мама дай, мама дай. А ты только болтался, как твой отец, только кровь с меня пили. Она заплакала.

–Ты привык жить под маминой юбкой, мама дай и все, нет – иди займи. До армии гулял, после армии мог бы лет 5 поработать, скопить денег, построить дом и жить своей семьей в доме. Да ты за свою жизнь дома дров не разу не нарубил, все мы с мамой делали: и обстирывали тебя, кормили и поили. Ты привык жить на всем готовом. Ни дома, ни в огороде не помогал, только сумками таскаешь.

–Что я, дурак работать, от работы конидохнут. Ха-ха-ха.

–Правильно, пусть другиедохнут. А ты будешь жить на всем готовом. Вот другие парни, кроме основной работы, еще где-то подрабатывают на стройке, ищут, где копейку заработать. Чтобы семью содержать. А ты пришел – ножки сложил на диване, пусть другие пашут, тебя кормят.

–Зинка, что ты злишься. Я же не виноват, что тебя никто замуж не берет. А меня после армии сразу расхватали.

–Ты тоже мог бы найти себе бабу с квартирой, а не эту воровку.

–Маменька, вы что? Я же ваш сын, я старший! Он подошел и обнял мать. Маменька, у меня же дети, ваши внуки. Зинка, она же одна, она найдет себе мужика и уйдет к нему. А я где буду жить с детьми? Маменька. Он плакал и обнимал мать. Мама тоже начала плакать.

–Сыночек мой, сыночка.

–Зина, дочка уступи, он же старший брат. У него же дети. Я смотрела и не верила своим глазам.

–Что это вообще происходит? Я попала в дурдом?

–Зинка, не спорь, отдай дом, я старший, у меня семья, дети, или купи мне квартиру.

–Вы что тут все, с ума по сходилили?

–Зина, уступи ему дом. Он же брат твой родной.

–А я где буду жить?

–А ты можешь у нас жить.

–Домработницей? Вы пенсионеры, а я что там буду делать? Где работу найду? Если вы меня с моего дома выгоняете, то оттуда тем более быстрее выгоните. Вот и забирайте своего сыночка, вместе с его семейством.

–Зина, он же твой брат, старший, твоя кровиночка. Уступи ему дом, я тебя умоляю. Она плакала, брат плакал и обнимал ее.

–Зинка, послушай нашу маменьку, это наша маменька, ты себе можешь найти мужика, а у нас дети.

–Может вы вообще выроете яму и похороните меня живо? Я смотрю, что я вам тут сильно мешаю.

–Доченька, милая. Хочешь я на колени встану.

–А-А-А. Закрыла я свои уши руками и выбежала из дома.

–Господи, помоги, научи, как дальше жить. Чтобы не сойти с ума.

Я зашла домой, дочка брата сидела на маминых коленях.

–Маменька, это же ваша внучка, а еще скоро будет ребенок. Пусть Зинка отдаст нам дом.

–А вот хрен ты у меня, вообще, что получишь, пошел вон из моего дома!

Обновление.

Я уволилась с работы, подала объявление в газету, занялась продажей дома. Заодно присматривала квартиры, чтобы знать, на какую сумму мне надо рассчитывать при продаже дома. Чтобы купить себе квартиру и дать брату деньги, я же ведь не сволочь.

Я рассчитывала, что за лето получится продать, сейчас конец марта, пока суть да дело, там и апрель, время есть. Дороги подсохнут, в саду все зацветет, как говорится, товар налицо.

К моему удивлению, покупатели нашлись быстро, сговорились в цене. Им понравилось, что из-за болота можно расширить границы участка. Место тихое, сад молодой. Мама недавно насадила несколько деревьев молодого апорта. Они уже в прошлом году давали урожай. Деревья цвели, сад был ухоженный.

От суммы продажи дома и участка я отняла деньги, которые потратила на стройку, оставшуюся часть поделила пополам и на эту сумму рассчитывала купить себе квартиру. С квартирой тоже повезло, обычная, почти в центре города, на втором этаже. От оставшейся суммы от покупки квартиры отняла немного на переезд и на первое время существования, когда я буду сидеть без работы. Остальные деньги я отдала маме.

—Отдайте вашему сыночке, пусть хочет — добавляет деньги

на квартиру, хочет пусть на них живет. У меня больше денег нет.

Я готовилась к переезду. С утра ходила по саду, огороду, прощалась с участком. Беседка, увитая виноградником, к осени огромные бело-розовые грозди винограда свисают вниз, задевая наши головы. Огромные черешни, вишни, посаженные вдоль дорожки в туалет, деревья пеструшки, груши, ранетки.

Дерево ранетки было интересное, когда на западной стороне дерева уже завязывались и висели приличные яблочки, с восточной стороны дерево цвело. Огромное дерево урюка за оградой огорода. Несколько деревьев вяза склонялось в зеркальное озеро, которое отец, для нас детей, вырыл из болота. А под вязами отец насадил грибницу сыроежек, мы после дождя собирали большие тазы грибов, жарили с картошкой, делали пирожки.

В озере мы и соседские ребята купались летом, а зимой надевали коньки и катались по льду. На горке за домом на глине, на солнышке, сажали картошку. От горки с трех сторон дом окружало болото. Там рос высокий камыш, с красивыми коричневыми шишками.

Здесь я провела свое детство, ловила бабочек, стрекоз, изучала мир насекомых, кузнечиков, божьих коровок, мурашек, любовалась цветами. Как только сходил снег, из земли появлялись первые ростки душистого, нежного чеснока. Мы его щипали, добавляли в суп, делали салаты, жарили с яйцами.

ми.

Возле дома у дорожки, к выходу участка, стояло огромное, метров 7-10 дерево пеструшки. В конце лета с него падали огромные, наливные, сладкие, красивые яблоки. Они были такие расписные, как будто наверху дерева сидел художник и каждое яблочко раскрашивал кисточкой. Некоторые падали с большой высоты и разбивались об бетон дорожки. До чего они были сладкие и ароматные! Я складывала их в сумку, когда шла на работу и угощала девчонок.

Я ходила по саду и плакала, я уже жалела, что продала всю эту красоту. Но вспомнила, как одной здесь жить страшно, не вылезает с огорода целыми днями, когда не на работе. А зимой печка, дрова, уголь, зола, пыль, грязь в доме, печку каждый год надо чистить от сажи. А весной и осенью идешь по грязной дороге в резиновых сапогах, потом их моешь под колонкой, ночью, после ночной смены идти далеко, темно, страшно.

А в городе везде асфальт, на улице фонари, автобусы, в квартире холодная, горячая вода, ванна, туалет, телефон, вокруг люди, рядом магазины, базары и аптеки. В городе хорошо.

Прощай моя маленькая родина, где я своими детскими ножками исходила этот участок вдоль и поперек. Где мы в опилках и камышах с ребяташками играли в казаки-разбойники, в партизан, здесь мы лазали по деревьям, выше болота у дороги жгли костры, пели песни. Здесь прошла вся моя

жизнь. Все в ней было: и плохое, и хорошее, теперь она останется только в памяти. Здесь я встретила свою юность, любовь. Я начинала новую, незнакомую мне до селя жизнь. Было очень страшно, но заманчиво.

—Смелее, нужно двигаться только вперед, если будешь бояться трудностей, не познаешь своего счастья. Подбадривала я себя.

— Вперед, к новым делам и открытиям! Вперед, к новой жизни! Нужно развиваться, а не сидеть всю жизнь в этом болоте с камышами и лягушками. А еще я уезжала от своей любви к Игорю и от своей любви к Володе. Я до боли любила их обоих. Но если к Игорю было сожаление об упущенных возможностях из-за своей закомплексованности, причиной которой было строгое воспитание и постоянное унижение. То к Володе было другое чувство сожаления, что я его не встретила раньше, хотя в любом случае итог был бы тот же самый, что и с Игорем, а причина та же самая.

Я думала, как же я буду дальше жить со своим характером? Почему я не такая как все? В любом случае, как говорится, поезд ушел, у моих любимых семья, дети, как в песне поется – третий должен уйти, с глаз долой из сердца вон, и так далее и тому подобное.

Новая жизнь.

Квартира была относительно чистенькая. Сделала косметический ремонт, кое-где подбелила, кое-где подкрасила,

помыла и въехала. Прежние жильцы оставили мне свою старенькую кухонную мебель. В большую комнату поставила мой из дома шифоньер, телевизор, диван, перед ним журнальный столик, купила в зал новый большой палас. На новую мебель денег не было. Повесила шторы, тюли и вот я уже счастливая лежу в ванне и наслаждаюсь комфортом. Помыла свою собачку, вышла на балкон.

Везде дома многоэтажные, деревья, люди ходят, бегают кричат дети, ездят сигналият машины, вокруг меня суета, вокруг меня жизнь.

Ночью совсем не страшно было спать, в комнате было светло от уличных фонарей, от огней соседнего дома. Сверху над моей головой топтались люди, с соседних квартир доносилась музыка, слышен громкий разговор соседей. Вечером, слышу, звонят в дверь, думаю, кто может ко мне прийти, наверно кто-то из соседей. Открываю дверь, а это к соседям пришли, такая слышимость.

Ночью долго не могла уснуть от волнительного переезда, от нового места, от шума проезжавших машин, от хлопанья дверей в подъезде, от ходьбы людей по лестничной клетке, от ходьбы соседей над головой. Наконец воцарилась тишина, лишь кое где шум редко проезжавших машин. Город уснул.

На следующий день, утром, ко мне пришла нижняя подомной соседка Аня:

—У меня потолок мокрый, вчера появилось после вашего приезда, аккуратней нужно мыться, не заливать соседей.

Я заглянула под ванну, там была небольшая лужица воды, я ее собрала, положила сухую тряпку под ванну.

Вечером пришла соседка по подъезду:

–Мы по очереди сами моем подъезд, следим за чистотой. Эту неделю моет 5 квартира, а с понедельника ваша очередь мыть подъезд, лестничную клетку до первого этажа. В последствии оказалось, что там никто не моет, стояла грязь и пыль до тех пор, пока не подходила моя очередь мыть. Потом все ругались, что никто не моет, каждая говорила, что только она моет.

–Надо повесить график дежурств, какая квартира, когда моет. Я составила график, повесила в подъезде, его срывали и опять ругались.

Пришла опять нижняя соседка, ругалась, что я снова ее залила, мокрый потолок. Я ее завела в квартиру, показала ей, что у меня под ванной тряпка сухая, если я ее заливала, тряпка была бы мокрая.

Первая работа.

Я пошла на курсы машинистки, решила освоить новую профессию и работать в отделе. Я уже была городская, с уложенной прической, с маникюром и на каблучках. Еще не закончив курсы, я увидела объявление, что требуется машинистка. Я пошла разузнать, что за работа, будут ли они меня ждать, пока я закончу курсы. Секретарь директора дала мне для пробы листочек отпечатать и меня взяли на работу с ис-

пытательным сроком в приемную директора крупного завода. На курсы я уже не ходила. Зарплата конечно маленькая, в 3 раза меньше, чем на фабрике. Но зато не надо бегать возле машин по пыльному душному цеху, не платить за такси, не ходить после ночной смены по темным, безлюдным, грязным переулкам.

Секретарша была старше меня на 10 лет. Она была нервная, психованная, высокомерная и целыми днями разговаривала по телефону с подружкой.

–Привет. Да, взяли тут одну, с испытательным сроком, сидит колупается.

Когда звонил телефон, она ругалась, почему я не беру трубку. А я в глаза никогда не видевшая телефон, на работе первый день, не знаю, что говорить и как разговаривать, что отвечать на вопросы. Терялась, отдавала ей трубку, она кричала на меня, обзывала, я еще больше терялась.

А она на работе ходила такая важная, деловая, все время смотрелась в зеркало, прихорашивалась. То губы подкрасит, то лицо припудрит, то глаза подкрашивает, а в большом зеркале приемной укладывала и поправляла прическу, платье.

А когда в приемную заходил водитель директора, играя ключами, она тут же менялась, он шутил с ней, она с ним заигрывала, кокетничала, смеялась.

Я потихоньку осваивалась, прошел испытательный срок. Я уже знала где какие отделы, разносила отпечатанные документы начальникам отделов. Разговаривала по телефону.

Секретарша Таня отпросилась у директора и пошла по своим делам. Директор вызывал меня к себе, давал поручения и распоряжения. Он был очень строгий мужчина лет 50.

После обеда зашел в приемную водитель директора, играя ключами.

—Где эта фурия? Спросил он, кивая головой в сторону стула, где обычно сидела Таня. Он был лет на 5 старше меня, высокомерный, стройный, ухоженный брюнет.

—Хочешь покататься по городу? Жду тебя сегодня, в 7 часов вечера, на перекрестке, недалеко от завода. Я пришла, села в его машину.

—Ну как? Нравится машинка?

—Да.

—Ну поедем, покатаемся.

Он немного проехал по городу и въехал в рощу. Мы вышли из машины.

—О, какая природа, свежий воздух. Он сел на заднее сидение, открыл мне двери. Достал начатую бутылку сухого вина и маленькую шоколадку.

—Садись, отметим наше свидание. Налил в пластмассовый стаканчик вино.

—Я не пью. Он схватил меня за шею локтем, другой рукой поднес к губам стаканчик и влил. Разломил шоколадку, впихнул мне в рот половину, а вторую половину жевал, причмокивая и смеялся.

—Что ты такая напуганная, я тебя не съем. Потом он при-

встал, резким движением вытянул мои ноги вдоль сидения и всем телом лег на меня, дотянулся рукой до двери и закрыл ее с моей стороны. Впился губами, в большом поцелуе. Я пыталась оттолкнуть с себя его тяжелое тело, он запустил под блузку свою пятерню, привстал и одним движением снял с меня трусы. Я зажала свои ноги крепко в замок. Он опять упал всем телом на меня и начал прыгать как сумасшедший. Моя голова, наклоненная в шее, билась о стекло машины, было так противно, его потное, колючее лицо, его слюни со рта, потом он начал стонать и хрипеть. Он встал, вышел из машины, пошел сел за руль.

—Что прикинулась бревном? Довез меня до того же перекрестка и уехал.

На утро Таня пришла очень злая. Командовала, кричала, ругала меня, что я все делаю плохо. В обед зазвонил телефон. Ей каждый день звонила какая-то подружка и она с ней долго говорила.

—Представляешь, на женатого полезла, он говорит, а я что, не мужик что ли? Раз сама в штаны лезет. Ну я ее везде, куда хотел, а что, если дает. Представляешь, девки какие бесстыжие пошли! Да вот сидит, сопит в две дырочки. Да и хрен с ней, пусть слушает. Говорит, сама полезла, я вообще не хотел. Ну не выгонишь же ее из машины.

Я была просто в шоке, я не верила своим ушам. Разве такое возможно?

Я пошла по отделам разносить документы, отделы нахо-

дились в подвальчике, когда я спускалась по лестнице, там было очень шумно, много разговора, услышала, как женщины что-то громко обсуждали. Я открыла дверь и услышала обрывки фраз:

–Да ты что, сама? Вот бесстыжая!

Когда я зашла в отдел, все смотрели на меня с презрением, молча, кто-то качал головой, кто-то улыбался

–Позор. Какой позор. Какая грязь. Какой кошмар. Как здесь можно дальше работать? Билось пульсом у меня в голове. Было так стыдно. Мне казалось, что я вся объята невидимым пламенем. Я горела заживо от стыда, от осуждения, от пронзающих как мечи взглядов.

–Боже! За что? Мало того, что он как зверь набросился на меня, чуть не изнасиловал, да еще такие сплетни распустил. Что, может сходить к гинекологу, взять справку, что ничего не было и повесить ее на проходной, чтобы все люди знали, какая он сволочь? Нет, в таком позоре в такой грязи, я больше работать не смогу.

Я написала заявление на увольнение и зашла к директору. Он даже не спросил о причине моего увольнения. Как всегда, посмотрел на меня строго и молча подписал.

Через 2 года я встретила эту Таню на улице, возле магазина.

–Привет! Как дела? Она мне так мило улыбалась. Была весела, и приветлива.

–Ты меня облила грязью. Опозорила на весь завод. А ведь

у меня с ним ничего не было.

—А он сказал...

—А он сказал. А ты сказала. Нельзя так жить.

Раньше я ее сильно боялась, а сейчас я ей все высказала в глаза.

—Ну, извини Зина, извини.

—Да пошла ты!

Подарок.

Нижняя соседка опять доставала, что у нее мокрый потолок. Я посмотрела на свой потолок и увидела, что у меня тоже по углам потолка мокрая штукатурка. А где стоял унитаз у верхних соседей, у меня вообще весь угол был желтый. Я зашла в соседнюю квартиру на лестничной клетке. Она говорит, что у нас тоже потолок по углам всегда мокрый. Я позвала Аню, показала, что у других тоже также, как и у нее.

—Трубы старые, а может вода холодная, идет конденсат, трубы потеют, через щели покрытия просачиваются. Она немного успокоилась. Но через несколько дней она опять стала доставать.

—Ты зайди посмотри какие струи текут у меня сверху от тебя.

—Но у меня сухо под ванной, зайдите посмотрите.

Когда она зашла ко мне, то мы с ней увидели, что у меня тоже сверху текут струи воды. Пошли на третий этаж, там тоже самое, оказывается, это сосед с четвертого этажа всех

заливает.

В квартире конечно хорошо, но здесь тоже свои проблемы. Разборки с соседями. Зимой одна батарея греет, другая не греет, нужно продувать, пробивать, выпускать воздух. Перебои с горячей и холодной водой. Начались проблемы с квитанциями, нужно было куда-то ехать, разбираться, сверять, ставить счетчики. Все это сильно действовало на нервы. Я психовала, злилась.

Весной пошла на базар, хотела купить себе подарок на день рождения. Прохожу мимо продавцов, которые продавали кошек и собак. Всех погладила, полюбовалась. Одна женщина держала на руках необычного щенка, мальчика. Он был гладкошерстный, черно-палевый, блестящая шерстка переливалась на солнце бархатом. Ушки висячие, как блинчики, бархатные, так охота их погладить. Я взяла его на руки, а он как ребенок, положил мне свою голову на плечо, а глаза у него такие грустные. Все говорили:

—Он нашел свою хозяйку, смотрите, как он сразу успокоился и закрыл глазки.

У меня аж сердце защемило от любви к нему. Не хочу его отдавать. Но здравый смысл взял верх над эмоциями. Я вспомнила, что у меня уже есть дома собачка, серенькая, похожа на маленького волчонка. Когда я выходила с ней гулять, все спрашивали:

—Это что, щенок волка? Она обижалась, бросалась на них с лаем. Они говорили:

– Это точно волчонок.

Я отдала собаку хозяйке и пошла дальше искать себе подарок. Чем я дальше уходила от него, тем больше щемило мое сердце, а этот щенок стоял у меня перед глазами – какая-то сила тянула меня к нему. И вдруг такой страх появился у меня в сердце, а вдруг, пока я тут хожу, в это время кто-то уже покупает мою собаку. Я вернулась, а он смотрел в ту сторону, куда я ушла, как будто ждал меня. Я подошла к нему, он поднял голову и смотрит на меня такими грустными глазами, полными любви. Я подумала:

– Ну вот, никто его не забрал, а я боялась. Никому он не нужен. А отойти от него не могу. Думаю, посмотрю, пойдет он к другим также как ко мне? Понаблюдаю.

Женщина держала его на руках, а он тянулся ко мне и начал лизать мои руки. Он вырывался из рук хозяйки. Я взяла его на руки, он сразу успокоился, положил голову на мое плечо и закрыл глаза. Все, я уже пропала, я уже не могла без него жить. Я отдала все деньги, какие у меня были на подарок. Я несла его себе домой, как будто несу на руках ребенка.

А прохожие обращали на него внимание, кто-то останавливался, гладил его, кто-то трепал его бархатные ушки. Кто-то говорил:

– Смотри, какая прелесть, какой милый щенок, вы его не продаете? Особенно дети, подходили и гладили его, трепали за ушки. А я думала:

– Ну и ладно, купила себе на день рождение подарок, для

души.

Когда я принесла его домой, волчонок посмотрела на меня грустными, обиженными, влажными глазами и отвернулась. Я положила его на диван и пошла на кухню, он начал скулить и плакать как ребенок. Пришлось взять его на руки и готовить еду с ребенком на руках. Только я его клала – он снова начинал плакать я не знала, что с ним делать.

Когда я гуляла на улице со своими двумя собаками на поводке, соседи подходили, гладили его:

–Ой, какие у него бархатные ушки, можно их погладить, никогда не видели таких собак, с такими ушками.

Ушки были и в правду шикарные, они были такие большие, плоские, свисали ниже подбородка, волочились по траве. А когда он бегал или прыгал, они шлепали его по морде и еще больше переливались палевым блеском на солнце. Как будто их покрыли лаком или намазали маслом. Казалось, что от этого щенка, из-за его окраса, исходит какой-то свет.

А дома он совсем не хотел сидеть один, когда я его клала на подстилку или на край дивана, он скулил, как будто плакал и бежал за мной, хлопая своими большими ушами. Приходилось его снова брать на руки, тогда он успокаивался. Спал от со мной, я целыми сутками таскала его на руках. Однако, мне нужно было устраиваться на работу.

–Теперь мне что, идти в декретный отпуск? Почему ты не хочешь сидеть один? Почему ты сразу плачешь? Ты что, маленький? Конечно же ты еще маленький.

Я надеялась, что, когда он подрастет, не будет так лезть на руки. Тем более, что он был здесь не один, тут была еще собачка.

Вторая работа.

Я устроилась на работу, сидеть больше не могла, денег было уже мало, а тут еще 2 собачки кормить, за квартиру платить надо.

Начальница на работе была злющая, психованная. Женский коллектив, в который я устроилась, все подхалимничали, унижались перед ней, лебезили и улыбались. Она на всех кричала, командовала, часто уходила с работы пораньше, опаздывала с утра, в обед по 2-3 часа отсутствовала. Ее прикрывала другая женщина, она была добрая, хорошая, она на нас никогда не кричала, но была серьезная.

В субботу, с утра, позвонили в дверь. Я уже не хотела открывать потому, что соседи постоянно что-то просили: то луковицу, то сахар, то соль, то морковь, мужчины сигареты или деньги. Они ушли. Пошли к нижней соседке, которая жила подо мной. Она сказала, что я дома, она слышала мои шаги, что я еще никуда не выходила. Они снова поднялись ко мне, начали звонить и пинать двери, пришлось открыть. Это были люди из КСК.

–У вас дома собаки, соседи жалуются, платите штраф.

–Но это не собаки, это щенки, они еще маленькие.

–Все равно. В квартире не положено держать собак, это

общественное место, платите штраф.

Пришлось отдать все деньги, которые у меня были. Но я подумала, что я работаю, скоро у меня зарплата, как-нибудь выкручусь, потерплю.

Вот и получила я свою первую получку на этой работе. Положила в кошелек, кошелек в сумочку, сумочку повесила на спинку стула. А тут приходит начальница после обеда:

– Так, все быстро на улицу, уборка территории. Быстро, быстро, я сказала!

Мы в чем были пошли на улицу убирать. После уборки проголодались, решили попить чай. Наташа пошла в буфет.

–Кому, что купить?

Женщины сдавали ей деньги. Я полезла в сумочку, достала кошелек, а крупных денег нет. Получки, которую я получила, нет!

–Ой, а у меня деньги украли! Начальница начала кричать.

–Что ты врешь, кто тут у тебя украдет? Что, ты хочешь сказать, что мы тут все воровки? Ищи, сама куда-нибудь положила и забыла, а на нас тут рот разеваешь.

–А что тут искать, я положила в кошелек, а кошелек в сумочку, вот она висела на стуле.

–Значит сама раззява! Если ты думаешь, что здесь работают воровки, нужно было кошелек с собой брать.

–Может посторонний кто-то зашел, пока нас никого не было в комнате?

–Я оставалась в комнате, значит я воровка? Я украла твои

деньги? Но я уходила, а Люда выходила, когда я зашла.

—Что, я воровка, если я выходила? Да я тебе сейчас пасть порву, если ты только на меня вякнешь!

Люда была высокая и полная женщина. Я против нее была как щенок против собаки.

—Я не говорю, что ты. Может посторонний кто заходил, пока нас не было.

—Вот и пошла на хрен, нечего тут работать с воровками.

—Люда, а почему ты заходила, когда все пошли работать?

—Воды попить захотелось. Что нельзя, что ли?

Было так обидно, мало того, что деньги украли, еще и оскорбили, и унизили. Я вышла на улицу и плакала, пошла и написала заявление на увольнение. Отдел кадров, женщина, начала меня уговаривать:

—Если вы не хотите там работать, я могу вас направить в другой отдел, нам машинистки требуются. Но я подумала, что эта шайка меня везде достанет, если узнают, что я переехала в другое бюро, будут ходить позорить и кровь портить.

И я была права. Уже вечером мне домой позвонила Люда. Она кричала, обзывала. Я положила трубку. Она снова позвонила, я снова положила трубку. Она снова позвонила:

—Я скажу своим знакомым парням, они тебе всю матку наизнанку вывернут, нечем будет больше трахать мужиков.

—Если не перестанешь звонить и угрожать, я пойду к бабке, будешь всю оставшуюся жизнь кровью харкать. Будешь

молить о смерти, а сдохнуть не сможешь.

Конечно же, я никакой бабки не знала, кроме моей любимой бабушки, маминой мамы. Но это как-то само вырвалось, наверно от злости. Видимо где-то слышала, взяла и ляпнула, в порыве гнева. Говорят, что в экстремальной ситуации у человека открываются редкие, до той поры скрытые таланты и возможности. Мозг начинает усиленно работать на само-сохранение.

И что интересно, звонки сразу прекратились. Однако денег тоже не было, как и работы. Что делать? Я просто сходила с ума. После таких нервов я впала в ступор, мозг отказывался работать. Я только ходила из комнаты в комнату, плакала, смотрела в окно на улицу и хотела кого-нибудь, чем-нибудь прибить.

Пират завывал, просился на руки, нужно было вечером выводить собак гулять, но я вообще не хотела никуда выходить. Соседи жалуются. Было стыдно выходить на улицу с двумя собаками. Как-то раньше гуляла с собаками, мужчина проходит мимо говорит:

–У тебя что, дома бриллианты или богатство, что ты завела двух охранников? Я не придала его словам значения, думала просто пошутил. Он же видел, что это просто щенки. Как страшно, стыдно теперь выходить на улицу.

–В КСК ходили жаловались, людям дома делать нечего что ли, как ходить и жаловаться? Кому может помешать маленькая собачка и щенок? Какие все же люди злые. Я ходи-

ла по комнатам. Даже на балкон было стыдно высунуть нос. Весь мир на меня ополчился, казалось, что все меня осуждают, ненавидят. Щеки горят огнем.

—Говорят, когда вот так горят, пылают щеки и уши, значит кто-то ругает или осуждает. И я даже знаю, кто. Мало того, что меня ограбили, еще и оскорбили, но им показалось этого мало, они еще и выгнали, но и этого им тоже оказалось мало, надо еще и домой звонить. Где они мой телефон взяли, наверно в отделе кадров.

Все меня ненавидят, все меня осуждают, весь мир против меня. Да что там говорить, если родная, моя любимая мамочка, она и то меня не любит, а любит своего сыночка. И брат меня не любит, он старший, он должен защищать, помогать, а он тоже меня всегда оскорблял, унижал, обижал. И я тоже всех ненавижу, потому, что боюсь.

Я села на диван, слезы катились по щекам и крупными каплями падали на бархатные, огромные, палевые уши Пирата, который запрыгнул ко мне на колени, как только я села. Он лизал мои руки, а его большие уши блестели, переливаясь золотым светом на солнце, которое светило в окно балкона.

—Только ты один меня любишь. Что же мне теперь с вами делать? С такой оравой, чем кормить? Как дальше жить? А мой Волчок, сидевший в стороне, виновато смотрела на меня, шевеля бровями. Потом тихонько подползла ко мне по дивану и положила свою голову ко мне на колени.

—И ты меня любишь, моя девочка. Я посмотрела на нее, она весело замахала хвостом из стороны в сторону.

—И я тебя тоже люблю. Я их гладила по голове и немного успокаивалась. Я где-то слышала такое выражение, кто-то сказал:

—Чем больше я общаюсь с людьми, тем больше я начинаю любить животных.

Да, это точно про меня. Какие они все-таки преданные, как они нас людей любят.

—Что же нам теперь делать? Мои любимые животинки, никто нас не любит, все нас презирают, ненавидят, как нам дальше жить? Нужно уже платить за квартиру, нужно чем-то вас кормить. Где взять деньги? Я снова начала плакать.

Церковь.

Солнце клонилось на закат. Мои собачки просились на улицу. Я украдкой, как воровка, озираясь по сторонам, вынесла собак на улицу на руках. Ушла подальше от дома к дороге, чтобы не нервировать соседей, пошла на другую улицу. Там на столбе я увидела большое объявление:

—Церковь. Новая жизнь, приглашает всех желающих на воскресный обед.

—Значит будут кормить. Как раз завтра воскресенье, можно будет поест на халяву, раз обед. Утром прогуляла собак и поехала.

За большим зеленым забором была огромная асфальтиро-

ванная площадка, на ней стояло одноэтажное большое здание. Я зашла. Был огромный зал, много стульев и много людей. Впереди стояла сцена, на ней за трибуной стоял мужчина, он читал проповеди. После него пришел другой мужчина, он ходил по сцене и что-то рассказывал.

Я смотрела на длинный накрытый стол, в стороне от зала, вдоль окон. На столе в больших блюдах лежали яблоки, бананы, разные фрукты. Стояли графины с розово-коричневой жидкостью, на тарелках лежали конфеты, печенья, выпечка.

—Значит точно будут кормить. Подумала я. Я была такая голодная, что думала только о том, чтобы все это побыстрее закончилось и начали кормить. На сцене мужчина начал громко и задорно кричать:

—Бог любит меня! И все в зале начали кричать:

—Бог любит меня!

Потом на сцену вышло много женщин, они пели веселые песни, прославляющие Бога. В конце они кричали:

—Бог любит меня! Они поднимали вверх руки и все в зале вставали со стульев, поднимали вверх руки и кричали:

—Бог любит меня!

Я смотрела по сторонам, люди ликовали, радовались, многие плакали, со сцены кричали:

—Бог любит меня! Вокруг меня кричали:

—Бог любит меня! Люди улыбались и плакали. У меня из глаз покатились слезы. Мне так захотелось сильно плакать, я тихо сказала:

–Бог любит меня. Со сцены кричали:

–Бог любит меня! Я уже не смотрела по сторонам, я смотрела на сцену, плакала и кричала со всеми вместе:

–Бог любит меня!

Потом всех пригласили к столу, люди вытирая слезы, медленно начали подходить к столу. Я никак не могла успокоиться, все плакала. Было такое ощущение, что кто-то меня понял, пожалел, обнял, приласкал. Я вытирала слезы, следуя инстинкту как баран пошла за людьми к столу. На маленьких пластмассовых тарелочках лежал плов, я налила компот и кушала. Было такое ощущение, что это нелюди меня кормили, было какое-то нереальное присутствие кого-то.

Женщина раздавала небольшие целлофановые пакеты и все люди складывали туда со стола фрукты, конфеты, печенья, выпечку. Мне дали еще пакет, я его наполняла фруктами, это была такая радость, что хотелось плакать от счастья.

Когда я вышла на улицу, все уже было нереально, все происходило как во сне, что-то случилось с моими ногами и головой. Ноги стали какие-то чужие, непослушные, голова кружилась, подташнивало.

Когда я вышла из ограды, я поймала себя на мысли, что я потерялась. Я стояла и не знала в какую сторону мне идти. Я не понимала, где я нахожусь, я видела идущих людей, машины проезжали по дороге, но было такое ощущение, что я нахожусь в каком-то другом мире. А здесь все было как в замедленном кино. Ко мне подходили люди, спрашивали:

–Вам плохо? А я медленно отвечала:

–Нет, мне хорошо.

Я думала, что нужно остановить такси, сказать ему адрес и он привезет меня домой. Но я начала думать, вспоминать, оказалось, что я забыла, на какой улице я живу. Мало того, я забыла, кто я такая, как я здесь оказалась и что я вообще тут на улице делаю.

Я просто медленно пошла по тротуару, чтобы не привлечь внимание людей. Я прошла пол квартала, у меня появилось такое ощущение, что это неправильно, что мне нужно идти в противоположную сторону. Я остановилась. Посмотрела вверх на небо, у меня сильно закружилась голова, я начала падать. Меня подхватили какие-то женщины, которые шли мне навстречу. Они улыбались, заглядывали мне в лицо:

–Вам в какую сторону идти? Где ваш дом?

У меня было такое ощущение, что мне нужно было идти вверх, вперед. Там была широкая дорога, там ездило много машин и автобусов.

–Мне туда, на автобус. Ответила я женщинам. Я дошла до большой дороги.

–А куда дальше, налево или направо? Было такое чувство, что кто-то незримый меня ведет, как бы направляет. Я решила пойти по этой стороне дороги, направо, вниз. Я подумала, что буду просто идти, идти по улице, а что, лето, день, спешить некуда, может быть что-то знакомое встречу, дом или магазин. И я пошла.

Как я дошла до дома, я не помню. Проснулась я от скулежа собак, я лежу на своем диване, одетая. Увидела на столике пакеты с фруктами. И только сейчас ко мне вернулось сознание реальности, что я дома, что это я, меня зовут Зина. Я недавно купила эту квартиру, я в своей квартире, на земле, что это мои собаки, они лежали со мной на диване. С коридора доносился неприятный запах, я поняла, что мои собаки уже погуляли без меня, пока я спала. В коридоре все убрала, помыла. Размочила старый сухой хлеб, покормили их и понесла гулять. Было такое ощущение радости, что я в реальном мире, на планете Земля, над головой мое небо, над головой светило мое солнце. Я поняла, что проспала целые сутки.

Однако, надо было решать проблему с деньгами. Холодильник был пустой, в столе кончились все крупы, кончились все сухари, это был тупик. Я порылась в карманах брюк, курток, сумок, нашла немного мелочи. Это только на дорогу к маме, выхода не было, тем более, я у нее уже давно не была, узнать, как она там, как брат?

На следующий день с утра поехала, мама была рада моему приезду. Мы сидели с ней в беседке в саду, я рассказала ей про свою беду, она дала мне денег. Родственники жены брата, добавили деньги, они купили двухкомнатную квартиру, у него родилась вторая дочка. Я была рада, что у него все хорошо.

—Зина, может тебе замуж выйти?

—Да где же его найдешь, мужа хорошего, все уже или женатые, или алкаши, которые никому не нужны. Да я уже и не хочу замуж, послушаешь как другие живут, дерутся, ругаются.

—Ну, смотри сама дочка. Может тебе в церковь сходить, помолиться, исповедаться, причастится, попросить у Бога мужа хорошего.

—Честно сказать, не хочу я никакого мужа, боюсь я этих мужиков, они все агрессивные, злые. Кого не слушаешь, замужние все плачут от этих мужиков, им только пить да гулять надо. Ходила я в церковь, там поют да пляшут, еле ноги оттуда унесла.

—Да ты сходи в нашу церковь, православную. Помнишь я тебя водила, когда ты еще маленькая была.

—Помню, там красиво. Там хорошо.

Новая работа.

Я нашла себе другую работу, в институте. Мне там нравилось, люди были приветливые, интеллигентные.

Опять приходили с КСК, ругались.

—Когда вы уберете собак, соседи ходят на вас жалуются. Вам что, мало, что вас оштрафовали, убирайте собак.

—А кому они мешают. Дома чисто, не воняет.

—Вам не воняет, вы привыкли, а другим воняет.

Я начала в институте спрашивать, кому нужна хорошая собачка. Конечно, жалко было расставаться с Волчонком.

Она у меня еще с дома, но что поделаешь. Волчонка я пристроила, а как быть с Пиратом? Просто от сердца с кровью его вырвать я не могла. Как с ним расстаться? Однако, пока Пират был с Волчонком, было нормально, он подрос, немного успокоился.

А когда он оставался дома один, без Волчонка и без меня, он начал закатывать такие истерики, такой скулеж, за квартал было слышно. Я просто не знала, что делать? Вечером в своем почтовом ящике я нашла большую бумагу, где крупно было написано:

–Убери собаку, гадина.

Но сначала я не знала, что он скулит, после этого послания я зашла к соседке, рядом с квартирой и спросила:

–Почему так сильно на меня ополчились соседи, что так сильно воняет из моей квартиры? Она сказала, что я лично, никакой вони не чувствую. А вот муж рассказывает, что, когда ты уходишь, собака сильно воеет. Я работаю, а он по инвалидности дома сидит. У него сахарный диабет, он слепнет. Сосед сказал, что собака недавно стала выть, раньше тихо было.

–Если ты так любишь животных, тебе нужно жить в своем доме, на земле. А здесь общежитие, люди недовольные. Я бы с удовольствием завел себе собаку. Говорят, что у тебя уж очень красивый пес, кому-то нравится, кто-то против.

И вот однажды, когда я вышла из дома, уже на улице, я услышала вой, это мой Пират плакал без меня. Я шла на ра-

боту и плакала, я не знала, что делать, куда его деть, он был уже большой.

В субботу позвонили в дверь, я посмотрела в глазок, но было темно, ничего не видно, я открыла дверь. На лестничной клетке, между этажами, стояли мальчишки, подростки, человек 5-7, они смотрели на меня и хохотали, увидев меня они с шумом побежали вниз с криками и хохотом.

Я посмотрела на свою дверь, там снова была приклеена большая бумага, на ней было написано:

–Убери собаку. А бумага была приклеена на большом куске человеческих фекалий. Целый большой кусок, на глазке двери. Я этой бумагой взяла кусок, выкинула на улицу, помыла дверь, но вонь эту не смоешь ничем. Проходили люди, говорили:

– Чем у нас так в подъезде воняет?

–Что, ты не знаешь? Тут у нас живет любительница собак.

–Что же ты Пират делаешь, почему ты так воешь? Что мне с тобой делать?

–Хорошо, что моя работа бала не очень далеко, всего 4 остановки. Утром я выходила из дома пораньше с Пиратом, и мы шли с ним, он был довольный и счастливый, еще бы – любимая хозяйка рядом. В скверике, возле института, я привязывала его на поводок, ставила воду и клала ему хлеб, косточки и шла на работу. После работы я его отвязывала и шла домой, а когда я встречала эту толпу подростков, они громко смеялись надо мной.

Я не знала, что мне делать, что придумать. С одной стороны, мне так жалко было с ним расставаться, я его сильно любила, с другой стороны, оставлять его дома уже нельзя было. Всю жизнь водить его так к себе на работу я тоже не могла, нужно было что-то с ним решать. Я решила отвести его к маме, там свой дом, он там будет не один, на природе и я его буду иногда видеть. А там, может он кому-нибудь приглянется, его могут забрать, он же такой добрый и красивый.

Когда я приехала к маме через две недели, мама рассказывала и плакала:

–Нет больше твоего Пирата, он умер. Как ты ушла – он сел, положил голову на лапы, все смотрел на забор, в ту сторону куда ты ушла. Я поставила ему воду, еду, но он ни к чему даже не притрагивался, даже воду не пил.

–Он скулил?

–Нет. Тихо было все время. Мы думали отвязался и убежал, он же здоровый был, может и цепь порвать. Но он так и сидел, как мумия в одной позе, в одном положении. Так и умер, глядя на дорогу.

–Прости меня дочка.

Я закрыла лицо руками и не смогла сдержать своего крика и плача.

–Прости, дочка, что не сберегла твоего Пирата. Я пока ехала в автобусе, всю дорогу плакала.

–Какая смерть. Какая любовь и преданность. Боже, почему собаки так любят людей? Почему они так преданы одно-

му человеку? Тут же были люди, еда, вода, он бы мог жить, он же не один был. Что за нечеловеческая любовь убила его? Может быть в прошлой жизни наши души любили друг друга? А в этой жизни встретились в других обстоятельствах. А я его предала, бросила, его сердце не выдержало разлуки. Почему он в этой жизни пес, а не человек, не мужчина? И такая у нас с ним бала бы любовь.

Я вспомнила своих мужчин, которых я бросила, которым я, по своей закомплексованности, разбила сердце.

—Однако не факт, что была бы любовь, я же не такая как все, я просто не нормальная, я мучаю всех – и себя, и других. Но я же не виновата, что мне попадаются только такие не серьезные мужчины. Если бы мне встретился такой мужчина, как мой Пират, который был бы предан мне, как мой Пират, который бы любил меня, как мой Пират. Я бы отдала ему все, что у меня есть – и руку, и сердце, и любовь, и всю себя без остатка. Но это только мои мечты и сказки, такого в жизни не бывает. А в жизни только грязь, ложь, предательство, лицемерие и еще очень много чего плохого.

Я боялась заходить в квартиру, я знала, что там нет моих любимых собачек – Волчонка и Пирата. Хорошо, хоть Волчонок хорошо устроилась. Женщина говорила, что ей муж сделал новую, хорошую будку.

А Пирата, его вообще теперь уже нигде нет, моего любимого Пирата, с позолоченными, бархатными ушками. Я помню, как-то он заболел или затосковал, прихожу с работы, а

он ничего за день не ел. Сидел один в темном коридоре. Я налила ему в миску свежий кефир, села рядом с ним и плачу.

—Пират, миленький, почему ты ничего не кушаешь, кушай пожалуйста! Если ты не будешь кушать, ты умрешь, а если ты умрешь, что я без тебя буду делать, как я буду без тебя жить? Я ведь тебя люблю. Он свою лапу, с огромными когтями, положил мне на руку, мне даже стало больно от его когтей, голову положил на плечо, притулился ко мне весь, я его обняла, глажу, поднесла ему миску, и он начал есть. Я была в шоке, как будто он меня понимал, о чем я ему говорила. А мы люди, говорим на одном языке и иногда не понимаем друг друга.

—Пират, как он мог без меня умереть, я бы приезжала, с ним гуляла, играла, разве нельзя было меня ждать? А может сердцу не прикажешь? Зачем существует такая любовь, которая убивает? Кому она нужна? И что вообще такое любовь, если она разбивает сердце, забирает жизнь? Почему она такая жестокая.

Я шла домой, боялась, что встречу на улице мальчишек, они снова будут смеяться надо мной. Дома я опять плакала, вспоминая моих собачек, особенно Пирата. Он так и стоял у меня перед глазами, как он бегал по улице, на поводке, так неуклюже, как медвежонок, а его ушки поднимались вверх, потом падали в низ и хлопали его по мордашке. Когда он шел по траве, нюхая землю, его уши волочились по траве, и он иногда наступал на них передними лапами. Было так

смешно. Некоторые женщины, которые подходили к нему и гладили его ушки, спрашивали,

–Где твоя красивая собачка?

–Я его увезла к маме.

–Жалко.

Я видела людей у нас во дворе, которые гуляли со своими большими и маленькими собаками. Я задавала себе вопрос:

–Почему им можно иметь собак в квартире, а мне нет? Значит их соседи не жаловались, а почему мне попались такие злые, бездушные эгоисты? Почему одним можно то, чего нельзя другим? Как это все в жизни происходит? По каким таким законам живет человечество? Почему? Одни имеют все – и мужа, и детей, а другие должны страдать в одиночестве, даже собаку им не положено иметь?

Ну хоть с работой мне на этот раз повезло. Я работала в машбюро. Здесь я уже не была самая младшая. Младше меня была 19-летняя, беременная Таня. Она была невысокого роста, полненькая, да еще с большим животом, да еще в свободном, пышном сарафане. Она была похожа на колобок или на медвежонка. В свободные пятиминутки она всегда что-то писала, или рисовала.

–Что ты там все пишешь?

–Это я так отвлекаюсь, чтобы не думать о любимом.

–О муже?

–Нет, я же говорю, о любимом.

–Ты же уже замужем, у вас скоро будет ребенок, зачем ты еще о ком-то думаешь?

–Это ребенок от любимого человека.

–Почему же ты тогда не вышла замуж за любимого человека?

–Если бы было все так в жизни просто.

–А зачем все в жизни усложнять?

–Тогда было бы неинтересно жить на свете.

У нас была старшая. Она распределяла работу – опытным посложнее, кому-то попроще. Каждый час она устраивала 5-7 минутный перерыв. Тогда все машинки замолкали, наступала тишина, женщины общались, рассказывали всякие истории, новости в семье, так сказать, сплетничали чуть-чуть.

Я придумала для себя историю, что у меня есть молодой человек, он в другом городе на заработках, я его жду, мы скоро поженимся. Я боялась прошлых пересудов, которые были на фабрике, из-за которых я уволилась с работы.

– Да, все мужики хорошие пока не женятся, как женился, сразу начинает качать права.

–Да, все мужики собственники, всех нужно гладить по головке, нахваливать. Вот я, молчу, молчу дома, улыбаюсь, как дуручка, только что-то скажешь против шерсти, все, начинает психовать, орать, устраивает скандал и бежит за пузырем. Выпьет, потом спит и пьет, или ходит как дурачок, улыбает-

ся.

–Да. Хочется внимания, общения, ни поговорить, ни обсудить, лишний раз боишься что-то сказать.

–А я с бывшим как разошлась. Прихожу домой с работы, говорю своему: сейчас видела Машку, соседку, что-то она так сильно на сына кричала, ругалась. А он говорит: -Зато она хорошо трахается. Сказал и выпучил глаза от удивления, видимо, сам не ожидал, как у него вылетело это признание, во дела!

–И ты его выгнала?

–Естественно.

–Зина, а у тебя твой парень ревнивый?

–Да я ему, вообще то, не давала повода для ревности.

–А им не надо давать, есть нормальные мужики, а есть такие бешеные ревнивцы. Я слышала, что это тоже болезнь.

–Я вышла замуж, так он первое время так ревновал, что его аж трясло. Говорит: куплю тебе пояс верности, буду на день закрывать его на ключ, а вечером, как придешь с работы, открывать. Я говорю: а что, есть такие? Говорит: надо поискать, или самому сделать. Вот, не больной ли? Я говорю: а как я днем в туалет ходить буду? Не знаю, может терпеть будешь. Ты что, больной? Как это терпеть?

–А у нас соседка такая ревнивая. Встречаю ее утром, хотела поговорить. Она говорит: погоди, некогда, я за мужем слежу. Спрашиваю: ну как, выследила? Нет пока.

В обед мы ставили чайник, пили чай, сиделись все за

небольшой столик, закрывали двери на ключ, чтобы никто не мешал и кушали каждый свое, что принес из дома или купил в буфете и угощали друг друга.

Старшая, Тамара, она была строгая, но справедливая, добрая и деловая, она никогда ни на кого не кричала, не психовала и защищала нас от придирчивых начальников отделов. Они все разные, но очень хорошие, я их полюбили, это была моя семья.

Таня ушла в декрет, я здесь осталась самая молодая. Как-то приходит начальник одного отдела.

—Что-то вас здесь слишком много, мне нужна помощница в отдел, а вы тут сидите, не работаете.

—У нас пятиминутка по законодательству. Через каждые 45 минут машинистка должна отдыхать 15 минут, у нас тяжелая работа, должны отдыхать глаза, руки и мозг. А без отдыха наделаем много ошибок, вам нужны много ошибок?

—Отдай мне новенькую в отдел.

—Ничего не знаю, иди в отдел кадров. И меня ему отдали.

—Вот твой стол, садись и работай.

—А что делать то?

—Сейчас дам тебе работу. Он был мужчина лет 50, очень медлительный и задумчивый. Медленно подошел к шкафу, открыл его, начал доставать книги и начал их класть на стол. Положил на мой стол листочек.

—Вот, на таких страницах, нужно исправить вот такие

ошибки. А сам куда-то уехал.

—Я быстренько все исправила и убежала к своим девчонкам. Мне там не интересно было, там были одни мужчины, они сидели бездельничали, кто заходил, потом выходил, они этого человека тихонько обсуждали. Мне не нравилось, особенно, когда обсуждали женщин.

—Зина, ты почему тут сидишь? Ну ка быстренько на рабочее место, я же тебе дал работу, ты почему все бросила?

—А я уже все сделала.

—Тебя мне в отдел отдали, ты теперь у меня работаешь, быстро садись за стол. Я пришла.

—Я уже все исправила, что вы мне говорили.

—Как это все исправила? Да я же тебе дал работу на неделю. А ты все до обеда сделала, что же ты творишь? Я специально тебя сюда посадил, я тебя пожалел, чтобы ты там не пахала, а тут сидела и отдыхала, дуреха, поняла?

— Не хочу я тут сидеть, дурака валять. Если надо будет еще что-нибудь сделать, позовете. А сейчас я пошла к девчонкам работать, там работы много. И так я от него отвязалась.

Вот уже и зима скоро наступит, первый снег выпал. Иду с работы, встретила соседку Свету.

—Зина, тут к нам котенок прибился, наверно кто-то бросил, сидит на нашем этаже, я ему молочка налила, постелила тряпочку. А верхняя Райка его на улицу выкидывает, ты бы взяла его себе домой, жалко, пропадет, а ты животных любишь.

–Да. Опять на меня соседи будут жаловаться, что воняет.

–Это же не собака, она не лает, не воняет, многие содержат кошек в квартире.

–Я же весь день на работе, будет одна сидеть, мяукать.

–Да она вроде не мяукает, спокойная, сидит, калачиком свернется, возьми, посмотри какая хорошенькая.

–Ладно, возьму.

Сначала я не хотела брать ее и ругала, что взяла. Потому, что большой стресс пережила из-за собачек, так больно потом с ними расставаться. Я еще от Пирата не оправилась, но было так жалко котенка оставлять одинокого, да еще если соседка выкидывает его на мороз, да еще зима скоро.

А кошечка оказалась такая ласковая, об ноги трется. Сяду на диван, она ко мне на ноги садится. Прихожу с работы, она меня уже в коридоре встречает. Так приятно, что кто-то тебя дома ждет и любит.

–Лада, моя Лада. Ты тоже была такая же одинокая, как и я. А теперь мы с тобой вдвоем, немчура ты моя. Потом она так освоилась, играет со мной, за пальцы кусает, шустрая такая стала. Брошу ей кусок смятой бумаги, она его по полу гоняет. Привязала я ей за люстру фольгу на нитке, чтобы ей без меня не скучно было. Она прыгает, играет, так с ней весело и хорошо, так я ее полюбила, думаю, как хорошо, что я ее взяла. Как я без нее жила, и как я дальше без нее жила бы, со скуки померла бы.

Я ей в туалете поставила коробку из-под обуви, нарвала

туда газету, она туда ходила в туалет. Вытрясу в мусорный пакет использованную бумагу, нарву ей свеженькой и все чистенько, запаха нет. Зимой где песок найдешь, да еще и в городе? А дверь в ванной всегда оставляла открытой.

Когда она стала побольше, смотрю – она в туалет пошла, я коробочку ее в унитаз поставила, она в туалет заходит ищет, я ее в коробочку посадила, в унитазе. Через месяц, когда она уже привыкла прыгать на унитаз, коробочку убрала с унитаза. Она прыгнула в унитаз – коробочки нет, сходила в унитаз.

Так она стала ходить в унитаз без коробочки, проблем с ней не стало, приду с работы, просто смою и все чистенько. Проблем с ней у меня не было, она такая умница. Вылезет с унитаза и лапками вокруг него замечает.

Как-то прихожу, а унитаз весь забрызганный, заболела моя Ладушка. Я все смыла, взяла маленькую капельку таблетки левомецетина, положили в чайную ложечку, налила кефир и влила ей в рот, дала запить водой и все, поправилась моя Лада.

30 декабря. Скоро новый год. В машбюро мы нарядили маленькую елочку. С потолка свисал снег из ваты. Все сегодня пришли нарядные, украсились гирляндами и дождиком, все заходят, поздравляют с наступающим Новым годом. Мы скинулись на шампанское и торт. Из дома принесли всякую вкуснятину, кто-то оливье, кто-то сельдь под шубой, кто холодец, кто фрукты, конфеты, печенья, выпечку.

Мы в обед закрыли дверь на ключ, сели за стол. Поздравляли друг друга, желали всего, всего, было так весело. После обеда был в актовом зале концерт, после концерта танцы. Замужние женщины ушли домой, а молодежь осталась на танцы.

На танцах я познакомилась с девушками и парнями с других отделов. Меня все время приглашал на танец Костя. Он был немного моложе меня, среднего роста, немного полноватый, с розовыми пухлыми щечками. Когда он сказал, что возьмет бутылочку и мы сейчас поедem к тебе, я быстренько, тихонечко смылась с работы домой.

На Новый год я решила поехать к маме, а куда еще? Кому нужна молодая, незамужняя дама, а дома одной сидеть на Новый год с кошечкой мало приятно, да и встречать одной Новый год плохая примета.

Я купила торт, шампанского, мандарины, поехала. Я скучала по маме, а может из-за хронического одиночества, а может потому, что мы женщины, а может потому, что она моя мама, а я ее дочка, а роднее мамы на свете никого нет, во всяком случае у меня.

И все равно было скучно. Мама с Михаилом сразу после Нового года ушли спать, а я по телевизору смотрела концерт. Но это было все равно лучше, чем я бы одна сидела и смотрела концерт в своей квартире. Утром, отоспавшись, я поехала домой.

Мы с мамой не были подружки, я с ней никогда не дели-

лась своими переживаниями. Я любила маму, мама любила своего сыночку, а сыночка любил свою Раечку и детей. Я никогда не спрашивала у нее совета. И что она может мне посоветовать, она всю свою жизнь проработала на своей бетономешалке, дома, в огороде, растила детей, терпела мужа, любившего выпить. Мои родители были недалекие, необразованные, просто они были. А это в любом случае лучше, чем бы их совсем не было.

После того, как я совсем осталась без денег, я начала их немного экономить, складывать, платить за квартиру, покупать только необходимые, недорогие вещи и продукты. Тем более, что на мою мизерную зарплату сильно не разгуляешься. Жить без денег совсем не сладко, это огромный стресс. Хоть и говорят, что не в деньгах счастье, я считаю, что так могут говорить только люди, которые живут на чьем-то иждивении, которые не знают цены заработанной копейки.

После Нового года, все пришли веселые, взволнованные, наперебой рассказывали, как они провели Новый год.

—Вот я лучше всех провела Новый год. Мы выпили водочки под бой курантов, покушали, допили бутылочку, муж оттрахал, мы обнялись и уснули тихо, спокойно. Самый лучший Новый год, без ругани и скандалов.

—А к нам приходили кумовья, мы пили, пели и плясали. Еще и салют запускали, в общем весело было.

—А ко мне приезжали дочка с мужем, сын со снохой, с вну-

ками. Подарков навезли.

–Зина, а ты как Новый год встретила?

–Хорошо, к маме ездила.

–А жених твой, когда приедет?

–Наверно скоро.

Я часто стала встречать на своем пути Костю. То в коридоре, то утром, то вечером, то после работы на улице. А как-то он взял и сказал:

–Когда ты меня уже пригласишь к себе в гости?

–А что, надо?

–Ну мы как-то уже давно знакомы, пора бы уже поближе познакомиться.

–Ты считаешь уже пара?

–Ну что ты надо мной смеешься?

–Потому, что ты такой смешной.

Я с ним шутила и смеялась, а сама думала, а что если не получится выйти замуж, тогда может быть, с кем ни будь, переспать и родить себе ребенка? А что, подходящий кандидат, молодой, симпатичный. Я начала мечтать, воображая разные ситуации.

Вот я привела его к себе домой, переспала или нет? Ой, как противно. Почему, чтобы получить ребенка, нужно идти на такие жертвы? Пройти через эту грязь? Как представлю все эти слюни, как он будет меня трогать, хватать. Фу! Потом на работе, даже если ничего не было, пойдут сплетни, все будут осуждать. Вон на заводе, ничего не было, а какие были

потом неприятности. Пришлось уволиться, потеряла работу.

Соседи увидят, скажут, она еще и мужиков водит к себе домой. Тут с собачками сколько неприятностей было, до сих пор стыдно на улицу выходить. Тогда что, мне с квартиры бежать, с работы? Боже, куда потом деваться от позора.

–Ты что, с Костей встречаешься? Спросила Тамара.

–Я с ним не встречаюсь. Это он меня все время встречает, то в коридоре, то на улице.

–Смотри, а то он женатый.

–Да зачем он мне нужен? 100 лет.

Я опять в коридоре встретила Костю.

–Ну и когда ты меня в гости позовешь?

–Никогда.

–Постой, куда ты так спешишь? И что ты так кричишь?

–А потому что! Хочу и кричу. Думаю, может взять, да покричать.

–Хочешь и кричишь?

–Да пошел ты! Да ты меня уже достал! Что ты меня везде караулишь? Отвяжись, я тебе сказала! Я мужу скажу, он тебе все уши оборвет.

–Да нет у тебя никого мужа, слышишь? Куда ты убегаешь?

Только я пришла с работы домой, начала переодеваться, слышу на балконе грохот. Думаю, балкон что ли отвалился. Посмотрела в окно, балкон на месте. Вышла на балкон, посмотрела вверх, никого нет, все на месте. Посмотрела вниз.

Тут я увидела, что под балконом что-то лежит, длинное и черное, присмотрелась, а это как будто человек лежит, как будто мужчина, на белом снегу.

Я вызвала скорую помощь. Только скорая уехала, звонок в дверь. Милиция заходит.

– Это ваш муж выпал? Он что, из окна выпал?

– Это не мой муж.

– А кто, любовник? Смеялись мужчины.

– Никто с моего окна не выпал, он сверху, наверно, упал. Я слышала сильный грохот. Посмотрела, мужчина лежит, а откуда он выпал, я не знаю.

Через пару дней звонок в дверь.

– Зина?

– Да.

– Ой. Значит это вы моя спасительница?

– В каком смысле?

– Это я, под ваш балкон упал. Мы сидели в зале за столом, я пошел покурить. Потом хотел их напугать, появиться внезапно с улицы. Вылез с окна кухни, прыгнул на свой балкон, поскользнулся и упал. В милиции сказали, тебя спас козырек на втором этаже. Он смягчил удар, и еще снег. А если бы сразу о землю, тогда все, нежилец. Все-таки 4 этаж. И еще хорошо, что тебя женщина увидела и скорую вызвала сразу, а то тебя там среди кустов не видно было, да еще сумерки, к утру бы замерз. Я на 4 этаже живу над вами.

– Ох и напугали вы меня, такой грохот был, я думала, что

балкон оторвался. А сейчас, как вы себя чувствуете?

–Нормально. Говорят, что по пьянке не разбиваются.

–Почему?

–Не знаю, так говорят, что бог пьяных всегда спасает. Мы стояли и смеялись.

–А вы давно здесь живете? Что-то я вас никогда не видел?

–С прошлой весны, скоро год будет.

–Ох и веселая ты девушка. Зинуля-хохотуля. Может, зайдешь к нам, у нас там стол накрыт, по поводу моего выздоровления.

–Нет. Я не пью.

–Как это, не пьешь? Больная, что ли?

–Нет. Почему? Не больная.

–А тогда почему не пьешь?

–Не пью и все, не люблю я пить. Голова потом кружится, дуреешь. А ты что, считаешь, что все люди пьют?

–А как же, первый раз вижу, чтобы человек, девушка, отказывалась. Все пьют, всем нравится, как раз потому, чтобы одуреть, расслабиться, забыть все проблемы.

–А у тебя что, все знакомые девушки пьют?

–И не только девушки, все знакомые пьют.

–Значит тебе просто такие люди попадаются, пьющие. А проблемы нужно решать, а не забывать.

–Нет, я вообще-то тоже могу не пить, а могу пить. Ха, ха, ха.

–Это я на работу устраиваюсь, а меня спрашивают: а что

ты можешь делать? Я говорю: могу копать. А еще, что ты можешь делать: а могу не копать. Ну что, пойдете к нам, у нас весело, музыка.

—Нет, извините, как-нибудь в другой раз.

—А можно мне к вам зайти?

—Нет. Вы извините, но моему мужу не понравится, что, когда он придет с работы, а с его женой посторонний мужчина.

—Но, я же не посторонний, я сосед ваш.

—Приходите с мужем, а то сколько вы тут уже живете, а мы еще с вами не познакомились. Меня, кстати, зовут Гена.

—Я запомню, удачи вам, Гена.

Я пришла на работу. Тамара дала распоряжение.

—Зина, звонили с отдела кадров и сказали, чтобы ты зашла в первую комнату, это прямо по коридору, отдел снабжения. Там Николай Федосеевич вас просит. Сказала она с иронией.

—А что ему надо?

—Может, какие документы принести?

—Тамара, а там вроде бы был Сотников?

—Да, он или перевелся, или в отпуске, не знаю.

Я зашла в первый кабинет. Здесь был огромный зал, за столами сидели люди.

—А Николай Федосеевич?

—А, это туда, пройдите в кабинет. В конце зала я увидела дверь. Открыла.

—С отдела кадров...

—А, Зинаида, как вас по отчеству?

—Викторовна.

Зинаида Викторовна, вот ваш стол, присаживайтесь.

Стол стоял в конце небольшой комнаты, рядом стоял длинный стол начальника. К нему заходили люди, разговаривали с ним, он им давал указания, поручения. Люди заходили и выходили, а я просто сидела и не понимала, зачем я здесь, в чем заключается моя работа. На меня просто посматривали посетители, начальник тоже иногда на меня смотрел. Но никаких указаний не давал. Прошло около часа, я уже начала скучать. Наконец, когда мы остались вдвоем, я спросила?

—А что делать-то надо?

—Зинаида, а, Викторовна. Вы сидите, слушайте, вникайте в работу. Вы будите моим заместителем. Когда я буду уезжать по делам, вы будете разговаривать с людьми.

—О чем?

—По работе.

Я сидела и ничего не понимала, что происходит.

—Вот это новость! Он что, спятил? Какой заместитель? Для этого надо же какое-то образование иметь. Я ничего не понимала, о чем они вообще разговаривают. По-моему, в этом институте одни придурки собрались. Одному букочки, циферки в книжечки зачеркивай целую неделю, которую я сделала за 2 часа. А этот вообще говорит: сиди вникай. Чем

они тут вообще занимаются?

—Я долго не могу быть без дела, у меня как будто шило в одном месте, так говорят про таких, как я. Мне постоянно нужно что-то делать, так и время быстрее летит, и интерес, и мысли в голову разные не лезут. А тут, что, сиди, смотри, слушай, что им вообще всем от меня надо? Что они все ко мне цепляются? Я работать хочу, я к моим женщинам хочу, отпустите меня, пожалуйста. Мысленно роптала я. Я чувствовала себя провинившимся школьником, которого поставили в угол и не выпускают гулять на улицу. Наконец-то я дождалась обеденного перерыва.

—Пойдемте в столовую, Зинаида Викторовна.

—Нет, я в машбюро обедаю, я не хожу в столовую.

—Хорошо, тогда жду вас после обеда.

—Можно, я там в машбюро буду работать?

—Что значит, можно? Что за дисциплина? Это теперь ваше рабочее место.

—Ну и чем ты там занималась?

—Мух считала. Сидите, слушайте, вникайте, будете моим заместителем.

—Он что, больной?

—Да он бабник. Как увидит новенькую смазливую женщину, начинает хвостом вилять. Помните, у нас в отделе кадров работала Валентина Павловна, как он перед ней крутился. Каждый день новые рубашки, галстук. Выглаженный ходил с

иглочки. А она там мужика какого-то наградила мушками, ее быстро уволили, а он за ней тоже бегал. Потом он мужикам говорил, как хорошо, что я с ней не успел, ой слава Богу.

Тут заходит в машбюро наш начальник. У нас еще и начальник свой был. Мужчина лет 45.

–Тамара, почему ко мне ходят жалуются, что вы не справляетесь с работой, долго бумаги держите.

–А почему у меня людей забирают? Зину Цой перед Новым годом забирал. Сегодня Николай Федосеевич ее забрал, сказал, что она теперь у него работать будет, одна в декретном отпуске. А машинки простаивают. Я не могу никого взять вместо Зины, она у меня числится.

–Хорошо, я разберусь.

Слава Богу, от меня пока все на работе отвязались.

Прихожу с работы домой. Заходит соседка Света.

–Зина, ты умеешь уколы делать?

–Да. Я бабушке своей делала уколы.

Я вспомнила, когда бабушку выписали из больницы, ей нужно было делать уколы. Ей крестная делала. Мы с мамой пришли, крестная говорит: сделай бабушке укол. Я говорю: я не умею. Учись, в жизни нужно всему учиться, в жизни все пригодится. Сначала было так страшно причинять другому боль, особенно родному человеку, а потом я научилась.

–Диме уколы назначили, 2 раза в день, утром и вечером, 10 дней. Я на работе, а он слепой, один не может ходить в

поликлинику. Не могла бы ты его проколоть?

–Да запросто, купите все необходимое, там же недолго, буду приходить.

После этого, через 2 недели, Света отблагодарила меня за работу, принесла сгущенку, масло сливочное, конфеты, печенья и чай.

Я случайно, в автобусе, встретила Люду, с которой училась в вечерней школе, я была так рада ее увидеть. Я ее не видела с тех пор, когда она была беременной. Тогда был очень маленький срок. Я все время о ней думала, как сложилась ее судьба. Я ее очень любила, мою рыженькую Люду.

–Сколько лет прошло, как мы не виделись, наверно лет 10?

–Да наверно по более будет.

–Ну и кто у тебя там родился, девочка или мальчик?

–Родилась девочка, но у меня еще и мальчик есть, 5 лет. Мы со Страхом расписались, мать настояла, но не жили, сейчас я замужем за другим.

–Дочка то, красивая?

–Поехали ко мне, сама увидишь. Здесь недалеко.

Зашли, она жила в квартире. А дочка была такая страшенькая, я вспомнила Страха, как она была на него похожа. Я думала, но почему она не похожа на красивую Люду. Зато мальчик был похож на Люду и видимо на отца, он был не рыжий, как Люда, он был немного темноватый, у него были

каштановые волосы, голубые глаза, он был такой миленький, такой красивенький, просто как куколка. Я подумала, сколько же он девичьих сердец разобьет, но он об этом еще пока и не догадывается, что его ждет впереди.

Люда приготовила мясо с картошкой в духовке. Она всегда была хорошей хозяйкой. Мы сели за стол кушать. Но было так неприятно, мало того, что ее дочка была такая страшная, она была еще и противная. Она все время дергала своего брата. Сидела и тихонько, скривив губы, обзывала его шепотом, но с особенной интонацией, с ненавистью. Козел! Было видно, что она его сильно ненавидит. Как будто при каждом произношении она давила его как мокрицу. Пока мы сидели она постоянно твердила это слово, от нее шла такая тяжелая энергетика. Мы сидели за столом молча.

Мне так хотелось эту противную девчонку схватить за горло и держать до тех пор, пока она не сдохнет, чтобы она навек замолчала и не обзывала этого милого мальчика, а ее я уже так ненавидела, что даже боялась. Но я терпела, молчала. Мне даже хотелось плакать от злости, что я ничего не могу с ней сделать. А что я могла сделать? Люда молчала, и я молчала потому, что это чужая семья, чужие дети. А Люда молчала, может ей передо мной было неудобно.

А эта противная девчонка наслаждалась своей властью, унижала и унижала его, своего младшего брата. Может из-за его красоты она была обделена родительской любовью. Отец, естественно, любил своего сына, да еще такого милашку то,

как не любить. А она была чужая для него. А Люда может тоже не любила ее, если она ненавидела Страху, может ее просто терпела. Все любили сыночка, а старшая дочка была никому не нужна.

Я даже слышала такой случай. Одна женщина рассказывала, когда в доме появился малыш, ему начали уделять больше внимания, старшая дочка выкинула малыша с 9 этажа. А что с нее возьмешь, ее же в тюрьму не посадишь, а ребенка уже не вернешь. Вот когда уже начинает проявляться эгоизм, еще с раннего детства. А вывод какой? Нужно рожать детей от любимых, от красивых, и уделять внимание всем детям одинаково, никого нельзя обделять любовью. Тогда будут расти счастливые дети, а когда вырастут, из них получатся счастливые взрослые.

Иногда видишь таких противных детей, что в голове появляются такие нехорошие мысли: лучше бы аборт сделала. Но наверно все в жизни уместно. Просто мы рассуждаем как люди, а для Бога все люди равны, он всех нас любит одинаково, все люди приходят на землю с определенной целью, если она пришла сюда, живет здесь с нами, значит так Богу угодно было, каждый несет свой крест, я так думаю.

У Бога на каждого из нас, людей, есть свой план. У каждого человека на земле есть свое предназначение. И никто не в праве лишать его жизни. Как хорошо, что внутри у каждого человека есть какие-то ограничительные рамки терпимости. А если бы не было, то люди бы, наверно, как звери, начали

бы убивать друг друга, они бы от злости кусали и рвали друг друга зубами, били и убивали и уже бы никого не осталось на земле. Я всегда удивляюсь, как велик Бог, что он нас всех любит.

Я вспомнила, у одной знакомой женщины дома видела икону Христа, а на ней было написано: новую заповедь даю вам, да любите друг друга. Все, пошла опять плакать.

На работе Галя рассказывала, как 2 года назад, зимой, она ехала в полном, набитом людьми автобусе. На гололеде он не смог затормозить с горки и перевернулся в овраг, там было столько крови, что она стекала по ступенькам и по окнам перевернутого автобуса. Люди были со сломанными руками, ногами, головами, она была вся в крови, в чужой крови. Когда ее осмотрели врачи, у нее были лишь незначительные ушибы и ссадины. Она сидела в передней части автобуса, сразу за водительским сидением. На тот момент она без мужа воспитывала двух дочерей. Когда она пришла домой, она плакала, переживала, что все ее пальто в крови, а ей зимой, завтра, не в чем идти на работу.

Весь день на работе как-то покалывало в груди, в области сердца, было душно и нехорошо, душа болела, как бы в ожидании чего-то плохого. Вечером позвонила мама, сказала, что Вовки сегодня было так плохо с сердцем, что ему вызывали скорую. А я подумала, что из-за этой снохи, я уже давно не видела брата. Надо бы его повидать, поддержать, стало его так жалко, как он там устроился?

Я утром завела тесто кислое на кефире, достала фарш размораживать и побежала на работу. Пришла с работы, быстро налепила пирожков с мясом и с морковкой, нажарила и поехала к брату. Уже вечер, он лежал один лицом к стене, комната была за навешана.

–Вова. Вова.

–Кто это? Не поворачиваясь спросил он.

–Это я, Зина, твоя сестра. Вова, я пришла только на минуточку, только обнять и поцеловать тебя, и сказать, как я тебя люблю. Братик мой, как ты? Слезы потекли у меня из глаз. Я обняла его и поцеловала в щеку.

–Сказали, что я скоро умру.

–Ты что? Посылай всех. Скажи, не дождетесь.

– А я так и сказал.

–Может тебя посадить на подушку?

–Нет.

–Я пришла на минуточку, обнять и поцеловать моего братика. Я тебе принесла горячие пирожки, я только сейчас их пожарила и поехала к тебе. Тебе оставить их, когда ты их покушаешь?

–Давай скорей, пока они горячие, давай их все, неси мне их скорей, а то мне из них ничего не достанется.

–Тебе с мясом или с морковкой?

–Давай и с мясом, и с морковкой, давай все тащи, какие есть. Давай скорей, пока они горячие.

Я вытащила пирожок с морковкой и сунула ему в руку.

Он жадно начал его есть.

– Вот этот с морковкой, они полезные для сердца, энергию дают. Я положу пакет возле тебя, чтобы они не остыли, а ты их ешь.

– А с мясом, где с мясом? Он прижал пакет с пирожками к груди.

– Тут в пакете и с мясом.

Он жадно накинулся на еду, даже не поворачиваясь ко мне, так и лежал на одном боку. Я начала его гладить по спине и обнимать его, и целовать в щеку. А он был такой худенький, одни косточки торчали. Было его так жалко, ему не повезло с женой, она его даже не кормила, только деньги с него требовала. Он лежал один, такой заброшенный, только слышно, как в другой комнате его жена громко кричала на детей, дети плакали.

– Бедный мой братик, поправляйся, я тебя люблю.

Это был последний раз, когда я видела своего брата живым. На следующий день мама позвонила вечером и сказала, что только что умер Вовка.

Прошлого начальника перевели на другую работу, к нам пришел новый, ему было лет 40, он был среднего роста, обходительный, веселый, симпатичный. Как-то он утром пришел на работу, с девочкой лет 4.

– Садик закрыли на 2 дня, не с кем дочку оставить. Пусть у вас немного побудет, потом жена заберет. Тамара посади-

ла ее за стол, дала карандаши, бумагу, она сидела рисовала. Потом ей надоело, она встала и пошла гулять по комнате, подошла ко мне.

–Тетя, я в туалет хочу. Мы с ней пошли. Когда вышли из туалета, я ее взяла на руки. Из кабинета вышел Петр Павлович.

–Папа! Закричала Софья. Я к тебе хочу.

–Побудь пока с тетей, скоро мама за тобой приедет.

–А вы хорошо смотрите с моей дочкой. Хотите, я вам тоже такую же сделаю?

Я вытаращила глаза от удивления и не знала, куда деться от стыда.

–Ну у вас и шуточки. Он засмеялся и зашел в свой кабинет.

Я пришла домой, звонок в дверь, посмотрела в глазок, там стоял Гена и еще какой-то парень. Думаю – или деньги занять, или в гости звать. Открывать не стала. Слышу их разговор.

–Да пошли Ген, дома нет ее, раз не открывает, пошли накатим, там девчонки заскучили.

–Слушай, ну почему она даже разговаривать со мной не хочет, поздороваётся и бежит. Такая вся из себя деловая. Значит я ей не нравлюсь?

–Слушай, ты что, пуп земли? Успокойся, плюнь и забудь. Пошли накатим, тебе что, девок мало? Свет клином на ней

сошелся? Пошли. Парень потащил Гену верх по лестнице. Я стою и думаю: вот еще один прицепился, алкаш, какого хрена ему от меня надо?

Утром я опаздывала на работу, вчера смотрела страшный фильм до поздней ночи, потом не могла уснуть. И хоть до работы 4 остановки, все равно не успевала, взяла такси. За рулем был симпатичный мужчина, немного полноват, немного лысоват, лет 35. Он иногда с высокомерной улыбкой поглядывал на меня. Когда я доехала до работы, положила ему деньги, он взял меня за руку и посмотрел в глаза.

—А телефончик?

—Я свои телефоны никому не даю.

—А до которого часа вы работаете.

—До 6.

—Тогда в 6 часов вечера я вас буду ждать на этом месте.

Лады?

Я пожала плечами и пошла на работу. В свободное от работы время я думала весь день. А может мне пуститься во все тяжкие, когда-то же надо уже начинать новую жизнь, а там видно будет, может замуж выйду, может ребенка для себя рожу, как получится. Только на работе или дома нельзя позориться, а так, чтобы никто не знал. И в самый последний момент я опять испугалась.

Решила, что я еще молодая, время есть, попозже займусь развратом. Отпросилась у Тамары на 15 минут раньше, что-

бы избежать встречи с утренним водителем. Вышла с работы и пошла по тротуару на остановку.

—Девушка, вы не меня случайно ищите? А я здесь. Это он. Остановился, открыл двери.

—Садитесь. Меня, кстати, зовут Владимиром.

—А меня Зина. А куда мы едем?

—Ко мне на дачу.

—А что там на даче?

—Там весна, свежий воздух, банька.

А после баньки начнет приставать, подумала я.

—А может не надо на дачу?

—Почему, здесь совсем недалеко, за городом, впереди 2
выходных.

—А может в другой раз?

—Почему?

—Может баньку не надо?

—Хорошо, не надо так не надо.

Мы зашли в недостроенную дачу. Одна комната и кухня были выбелены. Второй этаж был еще в кирпиче. Володя поставил на стол шампанское, пиво, шоколад, печень трески, нарезал батон. Я тряслась от страха и ругала себя, зачем я сюда приехала.

Со страху или на нервах, я пила шампанское, пиво, шоколад, консервы, все перемешала, мне стало так плохо. У меня началась сильная одышка, тяжело дышать, тошнило, выходила на улицу, не хватало воздуха. Намочила полотенце,

положила на горячую голову, на грудь.

–Может вы отвезете меня домой?

–Не могу, я тожепил шампанское. Потерпите до утра.

Я просто сходила с ума, мне было так плохо и стыдно, что я в таком состоянии.

–Ложитесь на кровать, лежите.

–А вы где будите?

–Я тоже лягу на кровать.

–Нет! Закричала я. Я здесь буду сидеть.

–Но здесь только одна кровать. Не бойтесь.

Полночи я задышалась, даже не помню, как уснула. Утром проснулась, на столе стоял горячий, свежесваренный чай.

–Вам уже лучше?

–Да. А что это было?

–Наверно аллергия на что-то.

–Вы не могли бы отвести меня домой?

–Конечно. А может останетесь еще?

–Нет! Закричала я.

–Ну нет, так нет.

Всю дорогу он посматривал на меня с сожалением и участием, а я думала, хоть бы быстрее уже доехать и не видеть его, свидетеля моего позора. Мне было так стыдно, вела себя как дура, зачем я пила это шампанское и пиво, и шоколад, и еще консервы, полный кошмар! Зачем я вообще согласилась ехать на эту дачу? Сказала бы, что не поеду, да и все. Я думала, сейчас довезет, и больше я его никогда не увижу,

и забуду про этот ужас и стыд. Но я частенько потом видела его вишневую машину рядом со своей работой. Приходилось выходить через другие двери и ехать домой другой дорогой.

Воскресенье. А дома душно, я вышла прогуляться, захотелось мороженое. Подошла, приготовила кошелек, встала за мужчиной, он резко повернулся, толкнул меня, у меня выпал из рук открытый кошелек, рассыпались все деньги. Он долго извинялся, помогал собирать деньги, купил мне мороженое. Мы сидели на скамейке, ели и смеялись вспоминая, как лбами ударились, когда наклонились собирать деньги.

Он был примерно моего возраста, простой парень, ничего особенного, но с ним было так хорошо. Мы с ним до самого вечера просидели на скамейке. Он сказал, что живет в общежитии, попросил телефон.

Уже часов в 11 вечера позвонила женщина.

–Вы Зина? Так вот, я вам хочу сказать, что Николай лежит у меня в постели, мы женаты с ним 6 лет. Мы до этого с ним немного повздорили, но сейчас помирились. Он мне все рассказал, как вы сидели на скамейке, ели мороженое, как вы смеялись, что лбами ударились. Он мне все про вас рассказал, и я прошу, убедительно прошу вас, ему никогда больше не звонить

Я была в шоке. Во-первых, я даже не знаю его телефон, во-вторых и третьих, потому я никак не могу ему позвонить, даже если очень захочу. Но каков болтун! С виду интерес-

ный, приветливый, приятный, а оказался идиот. Как все же внешность обманчива.

Мало того, он еще набрался наглости, позвонил мне вечером в понедельник.

—Может мы сегодня вечером встретимся?

—Не звони сюда больше никогда, забудь мой телефон.

—Ты что, обиделась, что тебе звонила женщина? Она мне не жена, она в записной книжке увидела твой телефон.

—А что, у тебя в записной книжке было написано, как мы сидели на скамейке и ели мороженое?

—Прости.

—Не звони мне больше, пожалуйста.

Я только от дачи немного успокоилась, тут мне опять сносят нервы. Как жить?

Во вторник, после обеда, в машбюро заходит невысокого роста, полная, неопрятная женщина.

—Здравствуйте. А кто Зина?

—Я Зина.

—Ах, так это ты шалава к моему мужу пристаешь? Прохода не даешь?

—Я? А к кому я пристаю? Кто ваш муж?

—Костя. Он говорит, в коридоре меня караулит. Он назвал меня Зина. Она заплакала.

Все женщины в машбюро начали за меня заступаться. Они рассказали, что часто его видели в коридоре, одного.

–Да он всю дорогу околачивается около нашей комнаты. Мы слышали, как Зина ему говорила – отвяжись, что ты преследуешь меня. Это он сам к ней пристаёт, вот гаденыш! Хоть женщины меня отмазали, но нервов он мне попортил не мало, да еще жена пришла добавила.

В пятницу вечером звонят в дверь, я подумала – ко мне, подошла к двери, хотела открыть. Слышу соседка свою дверь открывает.

–Света, а ты знаешь, что только ты из двери, в твою дверь Зинка, сучка, соседка твоя, лезет.

–Я знаю. Я попросила Зину, она делала моему мужу уколы, 2 раза в день.

–Ох и доверчивая ты, эта молодуха быстро окрутит твоего мужа.

–Да что вы такое говорите, как вам не стыдно, ходите тут сплетничаете. У меня муж слепой, у него сахарный диабет, а вы ходите грязь на людей льете.

–Да пошла ты дура, ей говоришь, а она еще орет.

–Пошла ты сама, сплетница.

Женщина поднялась по лестнице наверх.

–Ужас, ей что, дома делать нечего, ходит, следит. Какой народ здесь нехороший живет. Что происходит? Почему все вдруг на меня ополчились? Я же никому, ничего, плохого не сделала.

Ночью слышу визг. А-а-у, не могу понять откуда. Я так перепугалась, спросонья ничего не пойму. Опять А-а-у, меня чуть инфаркт на хватил, а это моя Лада завывает, орет. Включила свет, не пойму, болит у нее что ли что-то, что она так кричит. А она рот разевает, хвостом машет вверх, вниз и орет.

Рядом с балконом у меня дерево росло вплотную, я ее на дерево с земли брошу, потом с балкона зову, она поднимается, домой заходит. Я открыла ей балконную дверь, она пулей выскочила и сразу на дерево, слышу уже на улице орет, завывает, ну хоть не у меня в квартире. А то опять соседи скандал устроят.

Я думаю, надо же, природа как требует, кошка кота захотела и орет. А как же женщины терпят, не орут как кошки. А еще обзывают бедных женщин всяко, а это просто природа требует.

Я подумала, что какая-то черная полоса у меня в жизни началась. Почему-то везде неприятности. Как будто весь мир на меня ополчился. Я выходила из квартиры со страхом, прислушиваясь, нет ли кого на лестничной клетке, чтобы никого не встретить. Быстро сбегала вниз и быстро шла на остановку. Только в автобусе я немного отдыхала, потом, когда шла на работу, я переживала, что там опять будут какие-то неприятности.

На работе я сильно нервничала, не могла сосредоточить-

ся, делала ошибки, психовала, у меня все валялось из рук. Я начинала еще больше злиться, я была просто в отчаянии. Я уже всего боялась и дома, и на работе, как загнанный зверь в ловушке. Я не знала, что мне делать, как успокоиться.

Я вспоминала мамины слова, думаю, может правда сходить в церковь, исповедаться, причаститься, тогда может Бог мне поможет. Когда человек меняет что-то в своей судьбе, то и события в жизни начинают меняться. Надо решиться. Что тянуть. Как раз сегодня пятница, зайду узнаю, как это можно сделать, а в субботу или в воскресенье схожу.

Я зашла в ограду церкви, в свечном киоске купила свечи, поднялась по ступенькам. Там была служба, хор на балконе пел. Люди молились, а мне было так стыдно, казалось, что все на меня смотрят. Какая-то женщина начала меня ругать шепотом:

—Почему ты простоволосая, бесстыдница, да еще в брюках, ты в храм пришла или на танцы.

Все осуждающе смотрели на меня, своими серьезными лицами. Я смотрела по сторонам и вверх, везде были красивые иконы. Казалось, что даже лица с икон злобно смотрели и осуждали меня. Мне было так стыдно и страшно. Я поспешила на выход. На улице я сильно плакала, в стороне у сосен. Потом подошла к крану, струящейся водичкой, умылась, попила, зашла в свечную лавку, спросила женщину продавца, как можно исповедаться и причаститься.

В субботу утром я надела юбку, было так неудобно, снизу поддувало. Я уже много лет ходила в брюках, так привыкла к ним, что чувствовала себя голой. Взяла с собой платок. Думаю, будь, что будет, пойду в разведку. Я всегда так себе говорю, когда иду в незнакомое или непривычное место.

Заходя в ограду храма, я надела платок на голову. С дрожжами в коленках ногами поднялась по ступенькам храма. Открыла тяжелые двери, прошла под купол. Народу было очень много, всюду мерцали огни горящих свечей. Душный воздух был наполнен ароматами. Я прошла в комнату для исповеди, как мне объясняла продавщица. В комнате было много людей, батюшка проводил общую молитву:

—Раскаиваетесь ли вы во всех прегрешениях, прелюбодеяниях, пьянстве, сквернословиях? И все громко говорили: раскаиваюсь.

—Раскаиваетесь ли вы? ...Он перечислял другие прегрешения. Все и я тоже говорила: раскаиваюсь.

Потом люди по одному подходили к батюшке, он накрывал их покрывалом, они шепотом исповедались в своих грехах. Он их крестил, они уходили в большой зал, под купол, для причастия.

Было так стыдно и страшно рассказывать кому-то постороннему все плохое, что ты совершил в жизни. Все самое сокровенное, неприятное, постыдное, которое хочется поскорее забыть, запрятать, сейчас все нужно было вытаскивать наружу, вывернуть себя наизнанку. Как можно сказать, что я

вот такая дрянь, я пила, курила, гуляла, воровала, что я всех ненавижу потому, что боюсь. И вообще, что я такая злая, что хочу кого-нибудь убить. Что меня все ненавидят, проклинают и может тоже хотят убить. От этих мыслей мне стало так сильно стыдно и страшно, что из глаз разом хлынули огромные слезы.

Я склонила голову, чувствовала себя такой маленькой, как мышка, такой никчемной, мне хотелось куда-нибудь спрятаться, забиться в глубокую норку и никогда оттуда не выходить. Так и умереть там от голодной смерти. Однако деваться некуда, подошла моя очередь.

Я со слезами склонила голову, как склоняют голову, ожидая гильотину. Батюшка накрыл меня покрывалом. Мне казалось, что я медленно начинаю умирать от страха.

—Вы присутствовали при общей молитве?

—Да.

—Вы раскаиваетесь во всех перечисленных грехах.

—Да.

—Вы готовились к таинству причастия?

—Да.

—После 12 часов ночи не ели, не пили, не занимались любовными утехами?

—Нет. А я здесь, в ограде, попила святой водички.

—К причастию не подходите. Вы не готовы.

—Да я же всего глоточек святой водички.

—Матушка, придете в другой раз на причастие.

Было так обидно, пройти такие круги ада, унижения, позора, и не дойти чуть-чуть до цели, из-за одного глоточка святой воды. Наоборот я подумала, что это же хорошо будет попить ее и войти в церковь. Было так обидно, я чувствовала себя мокрицей, которую только что раздавили и убили.

Мне казалось, что я вся умерла, только одна пустая оболочка сейчас движется по улице. Я просто шла, не понимая, куда надо идти, зачем, просто шла, убитая и опустошенная, с опущенными плечами, руками, с двумя прозрачными ручейками водички из опущенных век.

Я пришла домой, Лада моя была еще в загуле, я легла на кровать, ничего не хотелось ни есть, не пить, не жить, не дышать. Если бы не звуки музыки, разговора и ходьбы соседей над головой, я могла бы подумать, что я совсем одна на белом свете, просто лежу тут, как ненужный хлам.

Неделя прошла относительно спокойно, без происшествий, вот и пятница. Я твердо решила пойти завтра в церковь на причастие. Мне мама всегда говорила, что я настырная, упрямая. Завтра точно у меня все получится. И я буду жить, как все нормальные люди, тихо и спокойно. Мне уже не так страшно было, как в первый и второй раз.

Утром не хотелось вставать рано, хотелось поспать, понежиться в постели, потом выпить свежий, горячий, сладкий чай с бутербродом. Ну что делать, надо значит надо. Раз сказала, что утром пойду, значит надо идти.

Я опять успела на общую молитву, но было так же стыд-

но и страшно подходить к бабушке и выворачивать себя всю наизнанку. Сегодня был другой бабушка, пожилой, с большой пышной бородой. Подошла моя очередь, я снова склонила голову, с полными глазами слез и стала снова маленькой, никчемной мышкой.

–Вы матушка готовились к исповеди?

–Да.

–Вы читали вечером и утром, молитву для причастия.

–Да. Я всегда читаю молитву: Отче наш.

–Нет. Не отче наш. Специальную молитву для причастия.

–А какую молитву? Я знаю только отче наш.

–Купите молитвенник. Читайте молитву животворящему кресту, верую, а когда готовитесь к причастию, нужно вечером и утром читать молитву для причастия. На причастие приходите в другой раз. Идите матушка с Богом.

Я, не помня себя, вышла из церкви. Обида душила меня за горло своими цепкими лапами. Когда я вышла за ограду, у меня не было больше сил идти, я села на корточки у дороги, склонилась у бетонного канала ливневого стока, и рыдала.

–Да что же это такое? Почему? Почему мне не доступны самые простые вещи в жизни, мне не доступна простая жизнь, которой живут все люди. Я же не прошу богатства, денег, славы, звезд с неба, я прошу простой человеческой жизни, той, что живут все люди. Я прошу просто тишины и покоя.

Мне недавно приснился сон, мой старый дом. Я шла к нему, он стоял в темноте, окна в нем не светились, я знала, что там мой отец сидит в этой темноте. Я думала, что сейчас я зайду в свой дом, зажгу свет, все там приберу, помою, накормлю отца.

Я любила всегда смотреть на небо, на звезды, на облака, когда выходила из дома. Там всегда очень интересно, особенно когда на небе причудливые облака. Они так быстро меняют свою форму, приобретают разные фигурки, можно долго смотреть не отходя, это просто завораживает.

Вот и сейчас, я вышла на балкон, чтобы хоть немного успокоиться. Звезды мерцали, светились не ярким приятным светом. Если приглядеться, они разные, одни розовые, другие голубые, одни яркие, другие еле заметные. А есть просто скопище звезд, их там просто нереально много. Интересно, что там на них, я подумала, а вдруг сейчас с них кто-то на меня смотрит и наши глаза встретились.

Я на работе. Обычно бумаги печатать нам с отделов приносили сами, к начальнику Тамара ходила сама, забирала и относила ему готовые. После обеда, глядя на меня строго, Тамара положила мне на стол папку.

–Иди отнеси Петру Павловичу в кабинет.

–Я?

–Да, ты, а что?

–Обычно вы сами ему относите.

—Они распорядились, чтобы вы ему их отнесли. С иронией сказала Тамара. Все с удивлением посмотрели на Тамару и на меня. Я пожалала плечами и пошла. Петр Павлович был в хорошем настроении.

—Ой, Зиночка, проходите. Он взял папку, бросил на нее взгляд и тут же положил ее на стол не открывая.

—Что вы так некрасиво одеваетесь, вы же молодая.

Он строго смотрел на меня, мне было так стыдно и неловко от его слов. Я опустила глаза и закусил губы. Он подошел сзади, обнял за плечи.

—И даже в этом некрасивом наряде, вы очень милая и красивая.

Он отошел вглубь комнаты к окну, стоял и смотрел на меня оценивающе. Было так неприятно, я чуть не плакала. Потом он подошел к своему столу, сел в кресло.

—Спасибо Зиночка, вы свободны.

В понедельник Тамара объявила:

—Петр Павлович звонил, он заболел, наверно целую неделю его не будет.

А я сразу подумала, слава тебе Господи, что его не будет целую неделю, я хоть отдохну от него. А то после того случая, я как-то не ловко, напряженно себя чувствовала. Хоть бы его вообще куда-нибудь перевели, придурка!

Но в среду с утра Тамара опять положила мне на стол папку с документами, в белом пакете.

—Отвезешь Петру Павловичу домой, вот его адрес.

—Я? Но почему я?

—Но ты же у нас самая молодая.

—Домой?

—А что, здесь недалеко, всего 3 остановки.

—Но почему я? Я же не секретарь? По домам ездить.

—Ну ты же в рабочее время.

По дороге к начальнику я все возмущалась, не могла успокоиться. О Боже, как это домой? А если он будет приставать, как в прошлый раз. Как это к мужчине на квартиру? Да что же это такое вообще? Но я себя успокаивала, может обойдется, может это просто мои страхи, может он будет дома не один. Я зашла в квартиру, начальник был в одном трико, с открытым торсом.

—Вот я документы привезла, он взял их и положил на столик, даже не поинтересовался, что я привезла.

—Сходите, Зиночка, под душ, и мы будем пить с вами чай с тортом.

На столе стояла бутылка сухого вина, торт и фрукты.

—Зачем под душ?

—Жарко. Вы же вспотели, освежитесь и наденьте, пожалуйста, после душа, вот этот пенюар.

—Не пойду я под душ, мне нужно на работу.

—Я вам купил красивые вещи, когда пойдете домой, возьмете их с собой.

Он положил на столик, рядом с документами, небольшой пакет.

– Не нужны мне никакие ваши вещи.

– Ты у меня будешь ходить как куколка.

Он взял меня на руки и понес на диван.

– А-А-А! Закричала я. Отпусти!

– Ты будешь только моя.

Он начал жадно целовать и полез под кофточку.

– Я скажу мужу, он вас прибьет.

– Да нет у тебя никакого мужа, я в отделе кадров узнавал.

– Есть, мы просто не расписаны.

Он всем тяжелым телом давил на меня, а руки уже расстегивали брюки.

– Нет. Нет, не надо, отпусти меня, гад!

– Ох, какая ты дикая, как ты заводишь меня, где только таких, как ты, делают? Ты будешь только моей. Ты будешь у меня ходить как куколка. Да что же ты все время ходишь в этих тесных брюках, никак не доберешься до тебя.

Он сел на мои ноги и начал снимать брюки. Я набрала в легкие воздух и завизжала во все горло, а двумя пятернями хотела схватить его за голову, чтобы оттолкнуть его с себя. Но от моего визга он дернулся и получилось, что я ему поцарапала лицо.

– Ах ты кошка дикая! Он соскочил с дивана, подошел к зеркалу. Я подбежала к двери.

– Не кричи. Только не кричи. Ну что ты ломаешься как девочка. Давай миром договоримся. Я озолочу тебя, ты будешь как сыр в масле купаться. Только будь моей.

Я подбежала к двери, но открыть ее не могу, он опять схватил меня и бросил, как котенка, на диван. Набросился на меня всем своим потным телом, я начала опять долго и протяжно визжать, он заткнул уши.

—Прекрати визжать, включила свою сирену, так и оглохнуть можно! Кричал он во все горло.

—Отпустите меня, пожалуйста. Сказала я жалобным голосом.

—А, ладно, иди. Все равно сегодня уже ничего не получится. Все настроение мне испортила. Но запомни, я привык добиваться чего хочу, ты все равно будешь моей. Не хочешь по-хорошему, будет по-плохому.

Он открыл дверь, я убежала. Меня всю колотило и трясло. Я не знала, как в таком состоянии буду работать, а идти надо. Я пришла на работу, отпросилась у Тамары, сказала, что мне нездоровится и отправилась домой. Дома я легла на диван и думала, как же мне теперь дальше жить.

—Ну что теперь поделаешь, опять придется увольняться. Ну что им всем, сволочным, от меня надо? Что они все цепляются ко мне? Как мне дальше жить? Как не хочется уходить от этих девчонок, я их всех так полюбила. Правильно, что восточные женщины ходят в парандже, сейчас бы надела паранджу и ходила бы как невидимка, что бы одни глаза в шелку были видны.

Да, это мне еще сильно повезло, что я в брюках хожу, а так бы все, такой здоровый дядя, быстро бы меня измызгал. Но

ничего, пока он сейчас на больничном, я быстренько сбегу. Завтра же напишу заявление на увольнение и поминай как звали. Ой, как жалко увольняться отсюда, так мне здесь нравилось, такой хороший коллектив, такие женщины хорошие: Тамара, Галя, Света, Рая, Таня, как же я буду по вас скучать. Но обязательно найдется какая-нибудь скотина, которая все испортит.

Из-за какого-то мужика больного, озабоченного, придется опять ломать свою жизнь. И что он ко мне пристал, что ему мало жены? Что ему мало женщин в институте, что он так ко мне приляпался? Господи, помоги, пусть он от меня отстанет, я так хочу тихо, спокойно работать в моем машбюро, мне там так нравится. Но видно, придется увольняться, а что делать?

Я пришла на работу, утром сразу пошла в отдел кадров писать заявление на увольнение.

– Почему вы хотите уволиться? Тамара о вас хорошо отзывается, дисциплинированная, исполнительная, аккуратная, коммуникабельная.

– Так сложились обстоятельства.

– Зинаида Викторовна, директору института срочно нужна секретарь в приемную, бывшая ушла в декрет, пойдете?

– Пойду.

– Тогда вы поднимайтесь на восьмой этаж, а я сейчас позвоню ему. Там и зарплата побольше, работа с людьми, печатной работы мало, делопроизводством вы быстро овладе-

ете, вы молодая, думаю, что он вас возьмет.

Начальник был очень строгий и серьезный, он посмотрел на меня оценивающе.

–Ну что ж, давайте ваши документы, я посмотрю.

–А мои документы в отделе кадров.

–Почему в отделе кадров?

–Я сейчас работаю в машбюро, машинисткой.

–Ну не век же вам в машбюро работать, нужно расти. Ну что ж, я вас беру к себе на работу, переводом. Идите в отдел кадров, пишите заявление, пусть ваш начальник, кто там у вас? Петр Павлович, напишет, что он не возражает, и милости прошу к нам на работу.

–А если он меня не отпустит?

–Не переживайте, я что-нибудь придумаю, я же директор.

Я пошла в отдел кадров, я чуть не прыгала от радости, такая удача, ура! Все было готово, я с нетерпением ждала прихода на работу начальника, я думала, что там то он меня не достанет, директор его начальник, он же его должен бояться, вот пусть теперь оближется, котяра.

Понедельник, утро. Тамара заходит в комнату и смеется.

–Вот дела, вы бы видели нашего начальника, у него с левой стороны лицо поцарапано, говорит с кошкой игрался, чуть гадина глаз не выколола. Мужики над ним все смеются, говорят: кошечка то, была небось двуногая. Он сидит злой, как 100 чертей, психует, орет.

Я подумала, может к нему сейчас не заходить, лучше по-

сле обеда. Да, а если после обеда его не будет на работе. Что тогда делать? До утра нервы себе мотать, переживать. Да и директор может там кого-то найти вместо меня. Ладно, пойду, директор сказал, что если твой начальник не отпустит, то он что-нибудь придумает. Ладно, зайду, и пойду сразу на новую работу, к директору в приемную. Пусть теперь этот Петр Павлович на своей заднице все волосы порвет, а птичка то, упорхнула.

Я с дрожью в коленках открыла дверь начальника, он смотрел на меня с высокомерной ненавистью.

—Что у вас? Заявление? Что, решили уволиться? Он прочитал. Ах, перевод. Ну что ж, я подпишу вам перевод, сразу после того как ты переспишь со мной.

—Нет.

—Нет. На принцип пошла. Ну что ж, тогда я тоже пойду на принцип. Ты не знаешь мои связи. Я тебя еще в тюрьму засажу.

—Меня? За что?

—За членовредительство, за унижение. Ты меня еще плохо знаешь. За то, что я хочу, и ты будешь сидеть в тюрьме.

—Вы что-то путаете, а может за попытку изнасилования кто-то должен понести наказание.

—Последний раз спрашиваю.

—Нет.

—Это окончательный твой ответ?

—Да.

–Да? Так ты согласна?

–Нет. Я не согласна, а да, это мой окончательный ответ.

–Так да?

–Нет! Закричала я. Никогда! Нет. Нет. Нет. Никогда.

–Хорошо. Сказал он спокойно. Он пошел в мою сторону, я начала пятиться к двери. Думаю, это тут, не у него дома. Если что, буду опять кричать, здесь людей много, ему быстро управу найдут. Ничего он мне здесь не сделает. Он подошел ко мне очень близко.

–Придушить тебя, что ли?

–Пожалуйста отпустите меня. У меня начали наворачиваться слезы.

–Это твое окончательное нет.

–Да.

–Ты сказала да?

–Я сказала нет.

–Ну ты сейчас сказала да.

–Почему вы издеваетесь надо мной? Почему вы прицепились ко мне? Что вам от меня надо?

–Ты сама знаешь, что мне надо.

–Разве мало женщин вокруг, хотя бы в нашем институте?

–Женщин то много, но вот таких диких, необузданных, непокорных. Он схватил меня за волосы и наклонил мою голову вперед. Ты будешь ползать у меня в ногах, на коленях просить о пощаде.

–Вы что, больной? Он немного отошел в сторону.

—Да, я больной тобой. Ох, как ты меня заводишь. Посмотришь на тебя, ведь ничего особенного, но характер. Ну что, от тебя убудет? Он попытался обнять. Ты даже не знаешь, какой я могу быть нежный.

—Я не хочу ничего знать, вы не подписываете? Тогда я ухажу.

—Подожди. Он подошел к столу, сел в кресло, взял телефонную трубку и начал набирать номер.

—Здравствуйте, это Петр Павлович. Да, да, спасибо все хорошо. Да я в курсе. Нет, конечно же, я ее держать не буду. Если вам нужна эта подстилка? Да, да. Ее тут все начальники по отделам таскают. Зачем она мне нужна, эта прости Господи, жены сослуживцев с кулаками прибегают. Это еще та штучка. Да, да. Я же о чем вам и говорю....

Я со слезами выскочила из его кабинета, бросила в отделе кадров заявление и выбежала на улицу.

—Господи, за что мне все это?

Я была на грани срыва. Мои нервы были натянуты, как стальные струны. Мне от злости хотелось кого-нибудь убить или покусать. Мне казалось, что, если сейчас меня кто-нибудь разозлит, унизит или обзовет, я схвачу его за волосы и буду бить, и бить об асфальт. А потом буду долго пинать, и пинать ногами в живот, в голову, пока меня не пристрелят, как бешеную собаку, если не пристрелят, то посадят в тюрьму, а я так боялась сесть в тюрьму.

Я села в автобус, слезы заливали мое лицо, я отвернулась к окну, стояла и плакала. Я ехала домой, я хотела быстрее зайти домой, чтобы никого не видеть и не слышать, забиться в уголок, чтобы никого не убить, не покусать.

—Девушка, девушка. Меня кто-то толкал в плечо. Я услышала мужской голос.

—Ну что еще? Что? Тебе то какого хрена от меня надо? Пошел на хрен! Кричала я, не поворачивая головы.

—Девушка. Я просто хотел сказать, что у вас сумка растягнута.

—А тебе то что? Какое тебе на хрен дело до меня. Что ты ко мне цепляешься. Что, тоже трахать хочешь?

—Нет. Нет, что вы.

—Ну и отвяжись от меня. Оставьте все меня в покое! Кричала я.

—Почему вы так грубо разговариваете с молодым человеком. Вмешалась сидевшая женщина, средних лет.

—А тебе хрычовка, какое на хрен дело? Как хочу, так и разговариваю. Тебя не спросила, как мне разговаривать. Что вам всем от меня надо.

—Хамка!

—Да она ненормальная.

—Да она бешеная.

—Да ее в психушку надо отправить. Заговорили люди в автобусе на разные голоса.

—Заткнитесь все на хрен, и не трогайте меня! Я так и сто-

яла, отвернувшись в окно. Слезы текли из глаз тоненькими ручейками. Я крепко, обеими руками сжимала поручни, чтобы не вцепиться кому-нибудь в волосы. Я ехала домой, и я хотела быстрее приехать. Я услышала рядом с собой тихий, ласковый, женский голос.

— У вас какие-то неприятности?

— А тебе какое дело? Что ты цепляешься? Пошли все на хрен.

— А как тебя звать?

— Тебе то какая разница. Пошла тоже на хрен вместе со всеми, я сказала.

— А меня можете звать Лена. Я повернулась к женщине. Она смотрела на меня и чуть-чуть улыбалась.

— Я тебя звать не собираюсь. Отвяжись.

— Вам нужно с кем-нибудь поговорить.

— Щаз, разбежалась.

— И вам сразу станет легче.

— Да пошла ты. Я почувствовала, что я эти слова сказала немного тише, без крика. Мне так хотелось еще орать и плакать, но слезы почему-то перестали течь из глаз и злость начала проходить. Я развернулась к ней.

— Ну и що?

— А как тебя звать? Я опять вспомнила все и опять заревела, и закричала:

— Я уже забыла, как меня звать! В последнее время меня все больше называют шалава, гадина, сучка, подстилка. А

ведь я даже с мужчиной никогда не была. Сказала я ей последнюю фразу тихонько и снова заревела. Лена молча стояла и смотрела на меня. Она качала головой, у нее увлажнились глаза и потекли маленькие слезки. Она закрыла лицо рукой.

—Что вы? Вы то что плачете? Мы с ней уже вышли с автобуса. Просто шли рядом и молчали. Каждый думал о своем. Она заговорила, так тихо:

—Бывает так, что стыдно, или некому рассказать о своих неприятностях, а высказаться надо обязательно. А то это накапливается, так и с ума можно сойти. Можно записывать все в тетрадь. Раньше вели дневники своей жизни. Туда можно записывать все. И ты точно знаешь, что тебя никто не осудит, не предаст, никому об этом не расскажет.

Мне дневник как-то тоже помог. Я в один год похоронила тетю, сестру и племянницу. Самых близких моих и любимых людей. Думала, что с ума сойду. Я записывала туда свои переживания, сильно плакала, не могла писать, переживала, но боль притуплялась, я успокаивалась, мне становилось легче. Дневник мне помог выжить, не сойти с ума.

Я стояла в ступоре, я так задумалась над ее словами, что даже не заметила, как и когда она ушла. Она как появилась среди людей, так и растворилась в толпе людей. Я искала ее глазами, но мимо меня проходили лишь незнакомые люди, а ее я больше никогда не видела.

Тюрьма. Два пряника.

Я уволилась с работы, теперь я опять безработная. Последние события, с последней работы, сильно мне снесли нервы. У меня началась сильная депрессия, апатия, ощущение сильного страха, боязнь тюрьмы. Но почему, я не понимала. Я боялась, что меня кто-то убьет, что я могу сорваться и что-нибудь натворю, что меня кто-то полезет убивать, а я его убью. Или меня кто-то разозлит, и я его покалечу, или того хуже – прибью и попаду в тюрьму. Ощущение страха так и не покидало меня, но причин на это особых не было. Я не понимала, откуда этот страх.

Я боялась всего – стука, соседей сверху, ходьбы и разговора на лестничной клетке, дверных звонков, телефонных звонков, хотя телефон всегда молчал.

Я вспомнила, как с полгода назад, я стояла в очереди за молоком на улице возле моего дома. Подъехала легковая машина, из нее вышли двое мужчин. Они подошли с двух сторон к молодой женщине из очереди, схватили ее под руки и повели к машине, она кричала:

–Отпустите меня! Помогите мне, люди! Запишите их номер машины. Позвоните в милицию.

Я подбежала к машине, стала кричать, чтобы отпустили женщину, а сама так испугалась, что меня сейчас вместе с ней заберут. Мужчины в штатском сказали, что они из милиции, что они давно ее выслеживали и поймали мошенницу, что она обманывала доверчивых граждан. Я позвонила

в опорный пункт, там подтвердили, что это были их сотрудники.

Почему-то я сейчас об этом вспомнила и подумала, вот так ходишь по улице, а за тобой кто-то ходит, следит, а потом возьмут и запихают в машинку. И никто не будет знать, где ты и что с тобой. Я стала бояться выходить на улицу. Я боялась, что залезут ко мне в квартиру. Выходила на улицу только по необходимости, озираясь по сторонам, очень быстро возвращалась.

Я вспомнила еще один неприятный случай. Встретила соседку с другого дома, когда еще гуляла с собачками, она мне рассказала:

—Мы с мужем уходим на работу, а дома остается 10 летний сын. А тут муж что-то немного приболел и взял отгул. Утром звонок в дверь, муж открыл. Стоят 2 крепких, здоровых мужчины. Можно позвонить? Не дождавшись ответа, зашли в коридор, первый ударил кулаком мужу в живот, когда он наклонился, резко ударил его в затылок.

Второй сразу закрыл двери, пока муж лежал в коридоре без сознания, заскочили в зал, начали складывать в сумки хрусталь, заворачивая его в одежду. Бегали по комнатам, выбрасывали все из шкафов, что нравилось, набивали в большие сумки. Когда муж пришел в себя, схватил гантели и ударил одного по голове, он упал на пол без сознания.

Другой схватил сумки и побежал на выход. Муж поставил ему подножку, когда он упал, муж начал бить его головой об

пол. Связал их обоих и вызвал милицию. Милиция вызвала скорую. А теперь на моего мужа завели уголовное дело. За жестокое избиение. Оба грабителя лежат в больнице, написали на него заявление.

Представляете, что творится? Их было двое, а муж один. Они залезли к нему в квартиру, ограбили его и избили. А что ему оставалось делать?

Говорят, нужно было вызвать милицию. Он что, должен был оставить одного ребенка в квартире с бандитами и бежать за милицией? Соседка плакала. Какая несправедливость! Мало того, что муж поймал им грабителей, ценой своей жизни, еще его же и обвиняют. Он же не на улице их избил, мирных граждан, он защищал ребенка, имущество. А если бы его не было дома, они бы ребенка искалечили, ограбили и ушли от наказания. Как стало страшно жить.

Я ощущала постоянный страх. Я боялась включать телевизор и ходить по квартире. Потому, что нижняя соседка будет знать, что я дома. Как-то она мне сказала:

—Ты ночью ходишь по квартире, не спишь, я знаю, пол скрепит.

Тогда я стала ночью ходить тихонько вдоль стеночки. Она встретила меня и сказала:

—Ты ходишь ночью вдоль стеночки, тихонько.

—Да что же мне, летать по квартире, как бабочка?

Мне хотелось стать невесомой, невидимой, чтобы все думали, что меня нет дома.

Звонок в дверь, я вздрогнула, тихонько подошла к двери, посмотрела в глазок. Там стояла незнакомая женщина. Ну хоть не мужчина. Я не знала, открывать или нет? Открыла дверь.

–Я соседка сверху, мама Гены. Он прислал мне письмо с тюрьмы. Он обращается ко всем соседям в доме, но тут есть строчки для тебя, я прочитала.

–Привет Зинуля-хохотуля, от Гены из тюрьмы. Я написал обращение ко всем соседям, что кто может, пусть пришлет посылку, перечисляю необходимые продукты: чая 10 пачек, сахар рафинад 2 килограмма. Пряники, печенья, конфеты, сушки – все, что не жалко, все, что можете прислать.

Но к тебе у меня особый разговор. Мне приснился сон, в котором ты мне подаешь 2 пряника. Я не знаю, что этот сон означает. Может ты знаешь? Мне кажется, что ты знаешь, что он означает. Еще у меня такое чувство, что тебе это надо. Я сначала ничего не поняла в этом наборе слов.

–А что произошло? Почему он в тюрьме? Он последнее время жил с одной женщиной, пришел его знакомый, они сидели пили. Женщина была уже сильно пьяная, прилегла спать. Им было мало, Гена пошел в магазин за бутылкой. Приходит, а его знакомый насилует его сожительницу. Гена схватил нож и пырнул его в живот.

Вызвали скорую, друга в больницу, а их в милицию. Райку держали там целые сутки, она говорила, что сильно ее били по голове, что сильно болит голова, через 3 дня она умерла.

Друг написал, что претензий к Генке не имеет, но его посадили в тюрьму. Она стояла и вытирала платочком слезы.

Я вернулась в квартиру. Интересно, что означает вся эта белиберда? Этот сон? Два пряника? Мне кажется, что ты знаешь, что этот сон означает? У меня такое чувство, что тебе это надо. Я начала думать. Я начала догадываться, что это знаки, которые мне посылаются свыше. Что если я ему пошлю посылки, то как-бы я от мажусь от тюрьмы. Я ведь их буду посылать в тюрьму, это будет как бы откуп от тюрьмы.

Но почему две. У меня уже нет денег даже одну ему послать, я уже давно сижу не работаю, я уже давно на мели, сама свожу концы с концами. Да еще там был такой набор: 10 пачек чая, 2 килограмма сахара, даже пустые посылки купить надо деньги потратить, потом их отправить – тоже деньги потратить, да еще две.

Соседи спрашивали, буду ли я посылать Генке посылку, я отвечала, что сама сижу без работы, денег нет. Ну если я еще наскребу на одну, если только ее пряниками наполню, то две посылки я никак не осилю. Этот вопрос как заноза засел у меня в голове. У меня постоянно крутились его слова в голове: ты знаешь. Тебе это надо. Но почему два пряника? Я уже была просто уверена, что в жизни просто так ничего не бывает, это точно знак с выше. И мне во что бы то не стало, кровь из носа, нужно послать, хотя бы одну посылку. Хотя бы набить ее одними пряниками. Не важно, что там будет – чай или хлеб, важен сам факт, что посылки были отправлены

в тюрьму. Я так это чувствовала сердцем.

Но я уже давно сидела дома без работы, сбережения мои заканчивались. Ну надо же, не раньше и не позже, именно сейчас, когда я сама сижу без денег, за квартиру платить уже нечем. Даже котят от Лады раздала на базаре, избавилась от лишних ртов.

Только все же оставила одного, у нее шерстка была на спине черно-палевая, как ушки и спинка у Пирата. Я назвала ее Бог-Ира. Но у меня не хватало денег даже на одну посылку, а пойти на работу я сейчас не могла, у меня был нервный срыв. Я поехала к маме, рассказала ей про соседа, про посылку, про пряники. Она сразу же пошла в магазин, купила 2 килограмма пряников.

—Пусть одна посылка будет от меня. Она дала мне денег на пропитание, на первое время. Было стыдно отправлять посылки без набора, о котором писал Гена в письме. Но как говорится, чем богаты, тем и рады. Я попросила у Бога прощение за такое скудное содержимое посылки. Позже, через несколько лет, я узнала, что Гена в тюрьме заболел туберкулезом легких и умер.

Так я просидела дома до весны, я немного успокоилась. А весной я встретила Володю, свернула летом ему шею, нечаянно. Но слава Богу, он выжил, а я избежала тюрьмы. Надеюсь, что он пересмотрел свою жизнь и у него теперь все очень хорошо.

Сон

Мне недавно приснился странный сон. Я даже не поняла, сон это был или нет. Я никого не видела, я только слышала разговор. Как будто я подслушала разговор, как я поняла, двух ангелов. Из разговора я поняла, что один из них был ангел добра, другой ангел зла. Они спорили между собой, кто из них для людей нужнее и важнее.

–Ты плохой, ты должен уйти. Ты несешь людям зло, отрицательные качества: жадность, лицемерие, предательство, ненависть, хамство, злость, болезни, смерть, войны, хаос. Зачем ты нужен людям? Лучше уходи, без тебя будет лучше, спокойнее. Люди со мной будут добрые, веселые, будут помогать, сострадать и любить друг друга. В мире не будет болезней, войны и смерти. Я несу людям радость, я нужен людям, а ты должен оставить людей в покое.

–Но, если у людей все будет хорошо всегда, сегодня хорошо, завтра хорошо и всегда хорошо. Они привыкнут, что всегда все хорошо, им станет неинтересно жить, нет стремления, нет борьбы, некому сострадать, если все здоровы и счастливы.

Такая скучная жизнь начнется, когда все мягкие и пушистые. Человечество скоро деградирует, отупеет и умрет от скуки. Людей нужно иногда встряхивать, подкидывать неприятности, интриги, ссоры, сомнения, ревность и даже болезни и смерть. Чтобы испытывать их на прочность.

Когда сегодня сладкое, завтра сладкое, что хочется? Хо-

чется соленькое, кисленькое, горькое, холодненькое и хрустящее. Так и в жизни людей должно присутствовать не только хорошее, но и что-то остренькое, для контраста. После неприятности острее ощущается радость и счастье. Я нужен людям. Ты должен уйти. Ты людей расхолаживаешь, нет борьбы. Люди становятся безвольные, мягкие, как кисель. Нет дисциплинированности, нет жесткой руки воспитания.

— Не ссорьтесь, братья. Я помирю вас обоих.

Я услышала настолько мелодичный, нежный, ласковый, женский голос, что нет таких слов на земле, чтобы описать его словами.

— Кто ты?

— Я любовь. Вы оба правы, вы оба людям нужны, вы оба людям важны. Вы как плюс и минус, которыми наделена природа. Вы как ласковая мать и строгий отец в семье. Вы мои помощники. Вы мне нужны, как правая и левая рука человеку. Ты плюс, а ты минус, а я любовь из главного источника, я абсолютна.

Мы посылаем на землю ангелов, человеческих детей, они наполнены любовью из главного источника, но на земле дети подрастают, взрослеют. Они пачкаются в злобе, ненависти, жадности, обидах. Они как ежики обрастают иголками, они становятся колючими в своей злобе и эгоизме.

Потом они к нам снова возвращаются обратно, домой. По дороге их иголки стачиваются, обламываются. Дома они снова наполняются любовью от центрального источника и снова

возвращаются на землю ангелом, ребенком.

—А какое самое сильное чувство для человека? Если человек жадный? Когда он влюбится, он ничего не пожалеет для своей любимой, он станет добрый и щедрый. Ненависть? Это понятно. Если в сердце любовь, человек любит весь мир, тут ненависти места нет. Хамство? Если человек любит, он становится добрым, он всех любит. Значит ты, любовь, сильнее всех чувств?

—А смерть? Она сильнее любви? Люди говорят: пока смерть не разлучит нас. Ведь люди смертны. Любовь заканчивается, когда приходит смерть?

—Когда приходит разлука или смерть, заканчивается только физическая любовь, влечение. Настоящая любовь, она живет на духовном плане. Отними у человека любимого, он все равно будет его любить. Любовь она в душе, в духе, в интеллекте.

—Значит любовь, это самое главное? Самое сильное чувство? Сильнее его нет? Она сильнее смерти? С ней ничего не сравнится? А если человек любит сразу двух людей?

—Да хоть пятерых, да хоть миллион! Человек может любить сразу свою мать, своих детей, своего мужа или жену. Может любить своих друзей и подруг, соседей, свою работу, природу, свое увлечение, землю, все человечество, все вселенную. Любовь она не имеет границ.

—Значит любовь, она самая главная? А счастье? Человек считает, что счастье, это достаток, богатство.

—Но и богатые бывают несчастными. А бедный он может быть счастлив, если у него в сердце, в душе, любовь.

—Это значит, что бедный человек или богатый, злой, больной, ненавистный, жадный, если хочет быть счастливым, пусть просто наполнит свое сердце, душу, любовью большой. Не важно: к природе, к земле, всему человечеству, к жизни и все его пороки уйдут? И он будет счастлив? И все, так просто?

—Любовь, это главное. Это вечное. Это постоянное, источник его неиссякаемый. И чем больше ее у человека в душе, тем она еще больше наполняется, преумножается. Любовь, это двигатель жизни. Любовь, это сама жизнь. Любовь, она абсолютна.

Я наполняю сердца птиц любовью, и они поют, и строят гнезда. Я наполняю любовью деревья и растения, и они цветут. Я согреваю землю любовью, и появляется новая жизнь на земле и в воде. Я пою колыбельную песню, и земля отдыхает.

—Ну если ты такая хорошая, сильная, главная, тогда почему на земле войны, землетрясения, вулканы просыпаются, разливаются? Почему на земле стихийные бедствия? Почему ты не остановишь это все раз и на всегда?

—Это человеческая злоба, ненависть, жадность, человеческие пороки, порождают негативную энергию зла, и выплескивают ее в атмосферу. Ее еще очень много на земле. Потому и приходят на землю ангелы, человеческие дети. Это

борьба добра и зла.

Очень много сейчас уходит с земли колючих ежиков для очищения, для наполнения любовью от центрального источника. Чтобы вновь вернуться на землю. Чем меньше будет зла и ненависти среди людей, тем спокойней будет планета земля. И когда-нибудь это все закончится. Но это будет очень нескоро. Очень много еще зла и ненависти на земле. Но это время наступит, тогда ангелы будут приходить на чистую землю, без зла и пороков. Они не будут пачкаться, они будут жить наполненные любовью. Они будут наполнять землю радостью и счастьем. Им не нужно будет уходить с земли домой для очищения. Земля станет их домом.

Все, я заканчиваю писать свой дневник. Вроде бы все написала, кроме мелочей, на которые не стоит обращать свое внимание. Здесь моя жизнь, здесь моя любовь, может быть на старости лет достану, почитаю, вспомню, что забыла. Наверно будет очень интересно, или смешно, как я жила, любила, страдала. Говорят, по молодости нужно писать о своей жизни воспоминания, а то к старости можно все забыть.

Спасибо тебе дневник, мой друг, ты мне очень помог. Я стала намного спокойней, мудрей, рассудительней. Не то что раньше была, когда только начинала писать. Была просто бешеная, нервная, злая. Я стала серьезная, спокойная, на многие вещи смотрю иначе.

У меня появилась выдержка, свое мнение, которое я ко-

нечно же никому не навязываю. Я привыкла, мне хорошо одной. Я слышала, что были люди, которые уходили из общества, жили отшельниками, в одиночестве, молились, становились святыми. Может быть и из меня когда-нибудь, что-нибудь путное получится. Самое главное, что я уже не сойду с ума. А может быть я уже сошла с ума? Кто знает?

Зина закрыла свой дневник. Положила в папку. Папку положила в пакет. Завязала ленточкой и спрятала его в антресоль. До лучших времен.

Глава четвертая

Счастье

Весна заканчивалась. Скоро наступит лето. Как и все Зина очень любила это время года. Когда уже тепло, но еще не сильно жарко.

Суббота. Солнечно. Зина проснулась сегодня в особенно хорошем настроении. Она решила прогуляться, сходить на базар, прикупить себе что-нибудь вкусненькое. Она вышла на улицу, ей хотелось петь и кричать:

—Люди, я люблю вас всех без исключения, земля я люблю тебя, вся вселенная, я люблю тебя.

Она зашла на базар, просто прогуливалась по рядам, смотрела, чтобы прикупить. Она зашла в отдел, где продавали рыбу. Тут ее продавали очень много, самую разную, на любой вкус.

Она остановилась у прилавка, где продавали сазана, он был такой крупный, свежий. Приглядела себе одного, самого большого. Но впереди стояли люди, она ждала своей очереди. Перед ней стоял мужчина среднего роста, когда начала подходить ее очередь, мужчина показал продавцу на рыбу, которую хотела взять Зина. Купил ее себе и уже хотел уходить.

—Ой, мужчина, вы мою рыбку забрали.

Мужчина повернул голову, посмотрел на Зину насупив брови. Что-то знакомое показалось ей в нем.

—Володя?

—Володя.

—Зина?

—Зина. Они отошли в сторонку. Он смотрел на нее грустными глазами.

—Ты замужем? Дети?

—Нет. Он улыбнулся.

—А ты женат?

—Нет.

—Правда? Обрадовалась Зина.

—Правда. Правда.

—Вот здорово! Они вышли из базара. Мужчина, вы забрали мою рыбку, я так смотрела на нее, хотела взять. А вы вперед встали и забрали мою рыбку.

—Она твоя. Они шли, весело улыбались и смеялись. Рядом с базаром стояло кафе.

–Пойдем присядем, пиво будешь? Жарко.

–Да. Буду. Он принес за столик пиво и шашлык.

–Ну, как ты живешь?

–Да. Не как.

–А ты?

–Да. Так же, без тебя не жизнь. С одной пожил, с другой.

Сейчас живу один. Все, пошли в ЗАГС.

–Прямо сейчас? Зина смеялась. Она была счастлива. Это ее любовь и он с ней, и он ее любит.

–Да.

–Может пиво допьем?

–Допьем пиво и пойдем в ЗАГС. А то я тебя знаю, опять куда-нибудь упорхнешь, потом ищи свищи ветра в поле.

–Но прошло много лет, я о тебе ничего не знаю. Как ты без меня жил, чем занимался?

–Жил, работал, не привлекался, плачу дочке алименты.

–А жена?

–Какая там жена, кусок сала. Она никогда нигде не работала, живет на мои алименты, да на мамину пенсию. Ест да спит. Эх, сколько лет напрасно потеряно. Все, теперь я тебя уже никуда от себя не отпущу.

–А я сама от тебя никуда не уйду.

–Все, поехали!

–Куда?

–За паспортами, куда же еще?

–Так сегодня суббота. А рыба?

—Рыба никуда не уплывет, она уснула, дома ее пожарим. Он остановил такси.

—Братан, давай на два адреса и в ЗАГС, хорошо заплачу. Приехали в ЗАГС.

—Володя, может ты погорячился, пиво выпил. Не будешь потом жалеть об этом? Все же это серьезное решение.

—Я пять лет жалел, что потерял тебя, уже не надеялся найти. Я пять лет думал, какой же я был дурак, что потерял тебя. Когда вышли из ЗАГС, отошли в сторонку, под деревья, с глаз людских подальше.

—Ну все, теперь ты моя невеста. Через месяц будешь моей женой. Могу я наконец поцеловать тебя, первый раз в жизни?

—Да. Они стояли, целовались и слезы радости, слезы счастья, текли у обоих. Потом они обнялись крепко-крепко, так, чтобы никто их никогда не разлучил. Каждый не мог первым разжат объятья, так они и стояли, плакали.

—Ты что плачешь? Произнесла Зина, всхлипывая. Ты же мужчина?

—С тобой будешь мужчиной. Ты же каждого мужчину превратишь в никчемного мальчишку. Ну что? К тебе или ко мне?

—Ко мне ближе. И у меня сегодня как раз никого нет дома. Они смеялись.

—Моя ты прелесть. Закатим пир на весь мир.

—Может не надо так громко, на весь мир то?

Володя купил шампанского, шоколад, дома начал чистить рыбу.

—А не жалко рыбку уничтожать, она же свела нас вместе?

—Если бы она была живая, мы бы ее за это, конечно же, отпустили, но она уже давно уснула, поэтому мы ее просто пожарим, скажем рыбке: спи спокойно и съедим. Володя пошел в ванну, Зина накрывала на стол.

Зина лежала в ванне. Ей быстрее хотелось к нему, хотелось видеть его, слышать его. Она все думала, что теперь будет? Теперь все уже будет. Теперь она уже наверно не отвертится. Ей было так страшно, хотелось подольше не выходить, как там еще будет. Но сиди не сиди, когда-то выходить все равно надо, обратной дороги нет.

—Все. Это тупик. Придется теперь и мне пройти через этот позор, как страшно, она вся дрожала, плакала и жалела себя.

Он был обвязан на бедре полотенцем, она в легком халате.

—Надо же, еще с утра я был никем, а сейчас я уже жених. Загадывай желание. Он стрельнул шампанским, налил в бокалы.

—На брудершафт? До дна. До дна.

—Они выпили шампанское и начали целоваться. Он повалил ее на диван, снял халат, начал нежно ее целовать. А она дрожала от страха. Он осыпал ее нежными поцелуями. А она, закусив губы и вытаращив глаза, смотрела в потолок, играла тихая нежная музыка. Он начал целовать то место, где было

приятно. Она раскрыла рот и закрыла глаза. Она вздрагивала и все ее тело сжималось.

А он продолжал осыпать ее нежными поцелуями, бедра, ноги, между ног. Он уже целовал ее в губы, нежно и осторожно проникал в нее. И тут ей показалось, что она стала совсем невесомой, как зонтик одуванчика и ее куда-то уносит, все выше и выше над землей. И куда-то понесло ее во вселенную, тут ей стало так страшно, что она может потерять его.

–Володя. Володя. Шептала она сквозь слезы.

–Милая, как ты прекрасна. Моя девочка. Я искал тебя всю жизнь. Я ждал тебя всю жизнь. Она снова стала ощущать реальность, его нежные поцелуи, его сильное тело, его ароматные волосы. Она нежно гладила его спину, его твердые ягодицы.

И вдруг ей так захотелось, чтобы он весь без остатка вошел в нее. И они слились в одно целое навсегда, на все времена. Чтобы не было ты и я, а только мы, навсегда. Чтобы никто и не когда не разлучил их. Она стала сильно давить его ягодицы и сильнее прижиматься к нему. И реальность снова уплыла.

И она уплыла далеко– далеко. И вот она уже парит меж звезд и планет. А там так хорошо во вселенной, ничего нет, только он и она. И они плывут навстречу друг другу, и разлетаются в вечность. Тянут руки навстречу друг другу. Снова кружатся и разлетаются в танце, и уже не расстаются ни-

когда.

Когда она спустилась на землю, он продолжал ее нежно целовать. Потом взял обеими руками ее груди, уткнулся в них лицом и нежно целовал их по очереди. Говорить никто не хотел. Как будто их тела уже спустились на землю, а души соединившись вместе в одну, так и продолжали парить во вселенной. Так и не хотели возвращаться на грешную землю.

Играла тихая нежная музыка и все было так волшебным, как в сказке, как в песне, как во сне. Володя тихим шепотом разорвал молчание.

–Благодарю тебя милая, за такой бесценный подарок. Я всегда знал, что ты не такая как все, ты особенная, таких уже нет на земле. Ты единственная, ты божественная, моя Ева. Зина шепотом спросила:

– Какой подарок? Какая Ева? Она испугалась. Не сошел ли ее жених с ума.

–У тебя ведь еще никого не было. Я это почувствовал.

–Как это почувствовал? Она думала об этом и всегда боялась, раз крови не будет, значит она уже не девушка.

–Ну я же мужчина. Сказал он с гордостью.

–Ой, вот только не надо тут хвастаться своими подвигами! Он целовал ей руки.

–Ты моя женщина, ты моя Ева. Сильно страшно было?

–Да. Очень.

–Моя ж ты прелесть. Я так голоден и сейчас кого-то съем. Он начал нежно кусать ее пальчики. Но сначала я схожу в

магазин за сигаретами.

Он начал одеваться. Она смотрела на него с ужасом и думала:

– Вот и все. Случилось то чего я всегда боялась, что когда с ней переспит мужчина, то он ее сразу бросит. Потому, что она видела на кухне почти полную пачку сигарет. Значит он просто уходит и бросает ее. Но она должна быть мужественной, ведь это удел всех женщин. Зато она теперь знает, что это такое, это произошло, это уже свершилось.

Ей хотелось броситься ему на шею и кричать: не бросай меня пожалуйста, я люблю тебя! Ей хотелось упасть на пол на колени, схватить его за брюки и не пускать его. Но ее гордость не позволяла ей опускаться до такого унижения, ей просто не хотелось показать ему, какая она все же дура.

Он улыбнулся ей на прощанье и закрыл дверь. А она лежала в постели, такая брошенная, одинокая, потерянная, опустошенная. Она уткнулась в подушку и тихо плакала. Ей уже больше ничего не хотелось, хотелось только плакать, плакать, плакать. Она громко завывала в отчаянии, она хотела умереть.

– Что случилось с моей королевой? Почему она опять плачет? Моя прелесть.

Тихий нежный голос Володи прервал ее отчаянные вопли. Она оторвала голову от подушки, увидела рядом сидевшего Володю. А в его руках и на ее постели, лежали свежие,

прохладные розы. Они были кремовые, а кончики лепестков были розовые. Она села, прикрываясь простыней и во весь голос разревелась.

–Ну что ты милая. Тебе никто не дарил розы?

–Ты мне еще никогда не дарил розы. Он завернул ее в простыню, посадил себе на колени, налил в бокал шампанского, а на ушко Зине сказал:

–Пир продолжается.

Решили не справлять пышной свадьбы. Просто расписались и посидели в кафе.

–Зина, ты что так суп пересолила. Ты что, влюбилась?

–Ты что? Ничего не пересолила. Наоборот не соленый. Она в свою тарелку насыпала еще соли. Вот сейчас в самый раз.

–Зина. А у тебя месячные давно были?

–Не помню. А что?

–А ты вспомни.

–Ну, наверно месяца два назад. А что?

–А то, что ты беременная.

–Ты думаешь?

–Я знаю.

–Откуда это ты знаешь?

–У меня же есть дочка. Ты забыла?

–Эту Светочку? Милую девочку, разве я ее могу забыть?

–Значит скоро у нас будет ребенок. Ура! Ура! Ура! Радо-

вался и прыгал по комнате Володя.

–Гинеколог ты мой всезнающий.

–Лапочка ты моя беременная. Володя осыпал Зину нежными поцелуями.

Володя после работы зашел к маме.

–Мама, как ты? Вот выбрался после работы. Может, что помочь по дому надо? А это кто у нас? Светка что ли? Почему она у тебя?

–Ох Володенька, Ирма же умерла при родах. Ей говорили в свое время: делай аборт, разве ты разродишься, 120 килограмм. Ребенок был уже мертвый.

–А кто папаша то?

–А кто ж ее знает? Соседи говорили: ходили к ней разные мужчины. Кто их разберет, кто папаша. А мать ее как Ирму похоронила, слегла, так больше и не вставала. А Светка то слонялась по улице, голодная, намыкалась девчонка. Вот я ее к себе забрала.

–Света. Ты Зину помнишь? Соседка возле нас жила, ты к ней маленькая все время бегала, подружка твоя?

–Да, помню.

–Пойдешь к нам жить? Ко мне и Зине?

–Да. Володя со Светой поехали к Зине.

–Зина, у тебя в животике ребенок?

–Да.

—А можно я его обниму?

—Конечно можно. Это же твоя сестренка.

Света широко раскинула руки и обняла живот Зины.

—Ой, она меня в щеку толкнула.

—Это она поздоровалась с тобой.

—Володя. А может мы весной все продадим, купим дом с участком, свежие фрукты, овощи. Детям хорошо на земле будет. Маму твою к себе заберем.

—Конечно, моя прелесть, так и сделаем.

Зина проснулась от громкого шепота и возни на кухне, от пенья птиц. На улице светило яркое весеннее солнце.

—Папа. Папа. Она проснулась. Заходит Света с большим букетом роз и Володя.

—Зина, дорогая, поздравляем тебя с 30 летним юбилеем, наша дорогая и любимая мамочка. Володя поцеловал Зину и надел ей на шею золотую цепочку с кулоном.

—Ну что же ты опять плачешь, милая?

—Да. Если бы ты знал, как я счастлива.

—Знаю. Потому, что я тоже счастлив.

—Папа! Мама! Я тоже счастлива. Света прыгала и кружилась по комнате. Она пела:

—Я танцевать хочу. Я танцевать хочу.

—Ой! Ой!

—Что случилось?

—По-моему, она там тоже пустилась в пляс.

–Успокойся, милая, тебе еще рано на улицу. Посиди еще в мамином животике. Володя тихонько гладил живот Зины. И говорил шепотом:

–Ох девчонки, как же я вас всех люблю!

Конец.

Стихи.

Белая ночь.

Как ты прекрасна ночь была.

И небо бело и земля бела.

Снежинки плавно над землей кружатся.

Лебяжьим пухом под ноги ложатся.

Нельзя проспать такую ночь.

Нужно бежать из дома прочь.

Навстречу волшебству и сказки.

Зима мир освежила белой краской.

Земля чиста как белый лист бумаги.

Наверно здесь трудились маги.

А может быть помогут мне они.

Раскрасят белой краской мои дни.

Будет жизнь моя как яблонь цвет.

Будет чистым весь наш белый свет.

По снегу белому иду мечтаю.

И белые ромашки вспоминаю.

И тополей я вспоминаю пух.

Мой, тишина, ласкает слух.

Я воздух свежий пью глотками.

И бабу снежную леплю руками.

Как ты прекрасна ночь была.

Ты белою невестой проплыла.

Ты щедро осыпала все вокруг,

Деревья и дома, и прут.

Бессонница.

Я прислушиваюсь к тишине.

Часы злобно стучат в темноте.

Сердце вторит часам в такт.

Я опять не сплю, это факт.

Я опять не сплю, кручусь,

То туда, то сюда повернусь.

Почему же опять. Нет сна.

Виновата ли в том весна?

Почему? Горяча постель.

Ноги в холоде, ночь и день.

Головой управляет боль.

Настроенье упало на ноль.

А эмоции плещут за край,

Толи встать, толи спать? Выбирай.

Я встаю и хожу опять.

Как встаю – так хочу спать.

А ложусь, снова сна нет.

Это просто кошмар и бред.

Что мне делать? Хочу понять.

Иль луна мне мешает спать?

Смотрю в окна, близок рассвет.

Как сна не было, так и нет.

Батарейку мне как зарядить.

Иду снова я кушать и пить.

Я к весам, боюсь подходить.

Надо снова одежду расшить.

Что мне делать? С ума схожу.

А ведь выхода не нахожу.

Хочу стройной, здоровой быть.

По ночам в подушку не выть.

Хочу ночью как все спать.

А не думать, мечтать, страдать.

Прошу люди, мне все помогите.

Виновата, меня простите.

Помолитесь, простит меня Он.

И вернет мне потерянный сон.

Фантазерка.

Облака по небу тихо плывут.

Причудливые фигуры создают.

То птица покажется в перьях.

То лианы раскинулись в прериях.

А то девы прекрасное лика.

А вокруг нее яркие блики.

А то чудище, норы и бзик.

Словно кажет мне с неба язык.

Толи горы со снежными шапками.

Толи птицы с огромными лапками.

Кружева из лебяжьего пуха.

То огромная черная муха.

То собачка грызет свою кость.

Выплывает из леса лось.

Так все быстро меняется в небе.

То было, а то словно не было.

Можно долго так в небо глядеть.

От фантазии просто балдеть.

Только шею от боли свело.

Вижу сбросила птица перо.

Из пера появился конек.

Что там вижу? Всем невдомек.

Можно так долго стоять.

Но пора мне, однако, спать.

Сказка кончилась, звезд огни.

Лишь сияют в небе одни.

Небо чистое, будет ясный денек.

Светит солнце живой огонек.

Депрессия.

Депрессия. Она за мною ходит.

Она меня везде находит.

Не вижу солнце, мало света.

Когда же к нам вернется лето.

Когда лучами мир согреет.

Тогда закучерявятся аллеи.

Фонтаны будут воду бить.

Из лужи птички воду пить.

Заколосятся нивы и поля.

Быстрее закружится земля.

Весна и лето, это чудо.

Наполним фруктами цветное блюдо.

Мы витамины любим все.

Мы крикнем браво, лету и весне.

Теплу и солнцу, крикнем, браво.

Депрессия, зима, нет на нее управы.

Жду весну.

Я жду весну как праздник света.

Как путник ждет в степи рассвета.

Я жду ее и день, и ночь.

Когда же холод уйдет прочь.

Когда же снег везде растает.

Когда же лед вода сломает.

Когда день будет равен ночи.

Я жду весну уж нету мочи.

Я жду и травку, и цветов.

Тебя весна, моя любовь.

Скучаю я по пенью птиц.

Не вижу я счастливых лиц.

Хочу в лучах твоих оттаять.

И в радости своей растаять.

Я так люблю тебя весна.

Ты знаешь, как ты мне нужна?

Январской ночью тихо плачу.

Зову весну, а как иначе.

Замерзло сердце, стынет кровь.

Я знаю, ты вернешься вновь.

Заставишь холод прочь уйти.

Заставишь яблони цвести.

И бабочек, и пчел круженье.

И радости, до умопомраченья.

Проказница луна.

В облаках запуталась луна.

Прячется и снова выплывает.

На нее смотрю, а на меня она.

Она со мной хитрит, играет.

Рожицы из облаков мне строит.

То девица, то старик глядит.

То одна, а то их сразу трое.

Кто улыбается, а кто сердит.

С огромными глазами лялька.

С пушистыми усами батька.

С высокими ушами зайка.

Худой и волосатый дядька.

Не отпускает от себя она.

Стою на месте, любопытство сила.

Прекрасны твои сказки, ты сама.

Когда меня ты чем приворожила.

То в ореоле золотой блестишь.

То в тучи спрячешься надолго.

Ты улыбаешься, всегда молчишь.

Зачем ты мучаешь как волка.

Зачем бессонница в ночи.

Опять ты меня мучить будешь.

Я закрываюсь шторкой, раз молчишь.

Ты меня ночью не разбудишь.

А утром солнце вновь взойдет.

Растаешь ты от его света.

Любовью, светом и теплом зальет.

А это, значит, пришло лето.

Тоска.

Ты моя любовь, наверно уже спишь.

Я так хочу тебе присниться.

Ты столько лет уже молчишь.

Не вижу глаз твоих, ресницы.

Не вижу твоих губ, улыбку.

Не слышу голос нежный твой.

Открой души своей калитку.

Верни мне счастье и покой.

Я так хочу тебя коснуться.

Губами, взглядом и судьбой.

Иль от тебя совсем очнуться.

Забить тебя, раз ты не мой.

Часы стучат в углу устало.

Показывают мне, что ночь.

Я от тоски к тебе устала.

Я не заплачу, слезы прочь.

Я так хочу, что б ты мне снился.

Ты снова будешь только мой.

Если во сне ко мне явишься.

Я не нарушу твой покой.

Часы стучат в углу устало.

Отсчитывая за секундой век.

А где-то женщина вздыхает,

-Я, одинокий, грустный человек.

Ты Бог?

Ты тугоух и слаб глазами.

А когда горе, заливаешься слезами.

В петлю ты лезешь, выпив водки.

От гордости становишься тупой как пробка.

И просишь смерть: скорее заберите.

Как малое дитя, у мамки просит сиси.

На публику играешь, пожалейте.

А думаешь: мне водочки налейте.

А не нальете, сбегает мы сами.

Есть деньги, сам себе с усами.

И будешь пить, пока не упадешь на пол.

Тупой, тяжелый, как топор.

Когда не пьешь, любовной силой.

Ты управляешься без милой.

Страсть пожирает тело в неге.

Это удобно, где б ты не был.

В картинку тупишь и мычишь.

Она молчит и ты молчишь.

Женщин с усмешкой призираешь.

В душе их судишь и караешь.

Можешь купить ее, не жалко денег.

А можешь выкинуть ее, как в мусор веник.

Еще ты любишь жало выпускать.

Чтоб подразнить, поумничать и указать.

-Я Бог, частенько ты мечтаешь.

И нимб над головою зажигаешь.

Если проклятье хочешь недругу послать -

То в противоположность – можешь поиграть.

-Я люцифер, копытами стучишь о землю.

И плюс, и минус, я в себе приемлю.

Так что смотрите у меня, по тише.

Я Бог и дьявол, всех людей я выше.

Не то по ветру всех развею.

Я это все уже давно умею.

Умею чары напускать.

Чтоб женщина не смела ночью спать.

Пусть мучается, ночь и день.

За мною ходит словно тень.

Что б в мыслях был лишь я один.

Я царь и Бог, и господин.

Чтоб на других смотреть не смела.

При одной мысли обо мне ты млела.

Подарком награжу, чтоб не грустила.

Чтоб не плелась за мной уныло.

А весело меня всегда встречать.

И за подарки в губы целовать.

Потом в лицо ты ей хохочешь.

Что ты ее давно не хочешь.

Тогда ты горд собой, вполне доволен.

Жизнь человечества, решать ты волен.

-Я сам на сам, могу прожить один,

Я все могу, велик, един.

Что мы творим

О Ванесса, моя Ванесса.

Ты писательница и поэтесса.

Ты не спишь по ночам, страдаешь.

Ты мечтаешь, о чем? Вспоминаешь.

От энергии и потока.

Не сгори ты совсем, до срока.

Ты не мучь себя, не пиши.

По ночам лучше спи в тиши.

По ночам будут снятся сны

Цветы осени, лета цветы.

Берез рощи, сосновый бор.

По ночам вновь приходит вор.

Твой сон он тихонько крадет.

Он и завтра опять придет.

И ты снова не будешь спать.

Снова думать, мечтать, писать.

А если ты будешь спать.

Что мы будем тогда читать.

Размышлять и грустить над чем.

И зачем тогда жить? Зачем?

Если спать, не мечтать, не тужить.

Зачем нам на свете жить.

Пусть сердце горит и искрится.

Душа взлетает как птица.

Пусть стихи как музыка льются.

Птицы в пенье счастливом залиются.

Душа пусть поет и страдает.

И новые звезды рождает.

Энергии новых планет.

Возвратят любви чистый свет.

На землю любовь вернется.

Всей вселенной земля улыбнется.

Все энергии, что мы творим.

Принимает невидимый мир.

Бумерангом к нам вновь приходит.

Где б мы ни были – всех нас находит.

Мы не...

Свиданье мы не назначали.

По телефону долго не болтали.

Мы не встречали зори по весне.

Ты не бросал цветы в оконце мне.

Не бегали мы босиком по росам.

Не задавали глупые вопросы.

Мы не качались на качелях.

Мы не сидели в теплых мелях.

Мы друг о друге не скучали.

Коляску детскую мы не качали.

Мы не мечтали на зоре.

Мы не сбегали по горе.

Ты ничего не обещал.

А иногда ты даже забывал.

Я просто села рядом у костра.

И опалила крылышки свои дотла.

Песня о зеленых глазах.

Твои зеленые глаза.

Мне ночью снятся.

Твои зеленые глаза.

За мною мчатся.

Твои зеленые глаза.

Весна и лето.

Твои зеленые глаза.

Так было ль это?

Я помню парк.

Каштаны всюду.

И в лодке поцелуй.

Я не забуду.

Уж осени туман.

И хризантем цветенье.

Я не забуду наш роман.

Летне-весенний.

Твои зеленые глаза.

Мне ночью снятся.

Твои зеленые глаза.

За мною мчатся.

Твои зеленые глаза.

Весна и лето.

Твои зеленые глаза.

Так было ль это?

...К той.

Я тебе нужна, я это знаю.

Ты меня зовешь, когда немного плохо.

Я чувствую, все это понимаю.

И по тебе я тоже сохну.

И ты мне нужен, это знаешь.

И я зову тебя, как эхо.

Так почему ты забываешь.

Когда добьешься ты успеха.

Тогда включаешь эгоизм.

И без меня счастливым ходишь.

На всю катушку терроризм.

Лучше меня всегда находишь.

Но лучшая тебя опять бросает.

И ты идешь опять к плохой.

К той, что на время забываешь.

К той, что привносит мир, покой.

К той, что ночами горько плачет.

Кляня свой выбор и судьбу.

К той, что грехи твои оплатит.

И вступит за тебя в борьбу.

К той, что не требует наград.

Но от любви такой устала.

Ты встретить меня снова рад.

Я о тебе всегда мечтала.

Это взаимная любовь.

Или любовь из паутины.

Меня затягивает вновь.

В свои бездонные пучины.

Сон.

Мне такой приснился сон.

Два кольца удачи.

Ты летишь ко мне стрелой.

За спиною розы пряча.

Но уплыло платье белое.

К белым облакам.

Не фата уж более.

Белый лишь туман.

Два кольца – луна и солнце.

День и ночь со мной.

Светят в узкое оконце.

Только ты ушел к другой.

Не спешу.

Я не плачу, это слезы сами льются.

Я не плачу, когда рядом все смеются.

Я не злюсь, ведь я не демон, не злодей.

Ведь и так на свете много злых людей.

Не кричу, зачем мне нужен крик.

Ведь и так от крика мир охрип.

Не прошу, подай побольше Бог.

Он и так отдал мне все, что смог.

Не спешу, когда в том смысла нет.

Поспесишь, получишь много бед.

Я проклятье никому не посылаю.

Бог решает сам все, это знаю.

Я живу не плачу, не страдаю.

И вперед своей судьбы не забегаю.

Виновата, в этой жизни заплачу.

Что положено, по жизни получу.

И за ночью вновь придет рассвет.

На вопрос получишь свой ответ.

Долгими ночами лето снится.

Жизнь идет. Земля кружится.

Судьба.

Наверно я не смелая.

И прав конечно ты.

Ты розы всем дарил умело.

А мне всегда шипы.

Наверно невезучая.

Я мучаю себя.

И я тебя измучила.

Измучила любя.

Наверно старомодная.

Не в ту попала жизнь.

Пословица народная.

Красивой не родись.

Не родилась счастливой.

Такой уж буду жить.

Твоей не стала милой.

Не буду я тужить.

У Бога есть на каждого.

Свой лучший жизни план.

Есть в жизни что-то важное.

В то верю. Не обман.

В то верю и надеюсь.

В Его руках судьба.

Перечить я не смею.

Всем Он воздаст любя.

Подмена.

Что такое любовь.

Может это наука.

Что такое любовь.

Или нежность иль скука.

С головой надо в омут.

А там как пойдет.

Гольшом прямо в прорубь.

Пока не пройдет.

Или смелость, решимость.

Брать ее в абордаж.

Проверка на вшивость.

Может дороже продашь.

Чистота и невинность.

Давно не в цене.

Не чувства, а живность.

Так жить не по мне.

Устарела любовь.

Та, что в книжках читали.

А пришла без оков.

О такой не мечтали.

О такой не напишут.

Она всюду, как грязь.

И такую не ищут.

Черпай ее всласть.

В жизни всюду подмены.

Уж еда не еда.

А любовь без измены.

Так измена сама.

Постоянства не знает.

Так любовь ли она.

Честь и совесть теряет.

Разве людям нужна.

Не любовь это, право.

А подмена ее.

А кричат всюду. Bravo!

Это тоже мое.

Любовь.

Мы ищем наши половинки.

Но лезут всюду серединки.

Как мне любовь не растерять.

И всю ее тебе отдать.

И ты ищи меня в толпе.

Не потеряйся в темноте.

Любовь прекрасна без прикрас.

Любовь придет, одна для нас.

Она придет весна, когда.

Лишь для двоих она всегда.

Она придет ручьем звеня.

Она найдет тебя меня.

Душа взлетает в небеса.

На землю падает роса.

Как слезы счастья от любви.

Хмель разольется по крови.

Кто верит в счастье, его ждет.

К тому она всегда придет.

Кто чистым сердцем в нее верит.

К тому она ворвется в двери.

Она ворвется в твою жизнь.

Поймешь, что раньше ты не жил.

Ведь без любви не жизнь, а так.

Монета мелкая, пятак.

Кто сквозь бурьян и грязь пройдет.

Того любовь всегда найдет.

Кто в светлую любовь мечтает.

Того любовь светла встречает.

Живи спокойно, не спеши.

Все делай только от души,

-Когда живешь любовь храня.

Тогда отыщешь ты меня.

Ты прости.

Ты прости, я порой молчу.

Ты прости, я порой кричу.

Я ругаю себя вновь и вновь.

Такая она видно, наша любовь.

Ты прости, ухожу по делам.

Но скучаю без тебя там.

Ты прости, без тебя мне не жить.

Без тебя мне стихов не сложить.

Ведь ты тоже порой молчишь.

И ты тоже порой кричишь.

И ругаешь себя вновь и вновь.

Вот такая у нас любовь.

Я прощу тебя, ты простишь.

Тишина, не проскочитмышь.

Мы улыбками скрасим мир.

И пошлем свою радость в эфир.

Небеса от нас ждут любовь.

От нее волнуется кровь.

Излучаем светоч вокруг.

Едим друг у друга с рук.

Мы с улыбкой встретим рассвет,

-А ругаться не будем? Нет.

Ты кричишь, я опять кричу.

Ты молчишь, я опять молчу.

Ты простишь, я опять прощу.

И с тебя никогда не взыщу.

Что с нас взять, мы ругаемся вновь.

Вот такая она любовь.

Здесь мимо.

Моя любовь неутолима.

Моя любовь проходит мимо.

И пусть не в этой жизни, так в другой.

Тебя увижу, милый мой родной.

Я ждать готова, даже вечность.

Готова прыгнуть в бесконечность.

Лишь только знать, что ты там есть.

Я буду ждать благовую весть.

Мне ангелы ее откроют.

Меня опять волной накроют.

Пусть в другом мире, я с тобой.

Тебя там встречу дорогой.

Я просто знаю, ты там будешь.

Лучами света не загубишь.

К тебе приду я в ад иль рай.

К тебе приду на Божий край.

За что любовь к тебе дана.

Иль испытанье иль хвала.

Моя любовь неутолима.

Они лишь здесь проходит мимо.

Она была.

Надену платье белое.

И каблучки цок-цок.

Вчера была не смелая.

Сегодня просто шок!

Кручусь я словно в мельнице.

Любовь тебе отдам.

Кокетливой сопернице.

Я все сполна воздам.

И пусть все бабы пелятся.

Им видно невдомек.

Что ты мне жутко нравишься.

Любезный мой милоч.

Пусть буду сумасшедшая.

Сгорю как есть в бреду.

Не отпущу пришедшего.

Быть может, на беду.

Пусть будет яркой вспышкой.

Любовь моя огонь.

Или ужасной вышкой.

Никто ее не тронь.

Пусть в памяти останется.

Горячий яркий след.

А если мы расстанемся.

Накину теплый плед.

И вечерами снежными.

Вновь будут согревать.

Твои объятия нежные.

Я буду вспоминать.

Пусть по течению бурному.

За счастьем я плыла.

Стечению, пусть сумбурному.

Но все ж она была.

Пока.

Ты снова ждешь со мною встречи.

Ты зажигаешь ночью свечи.

Мучитель, короток денек.

Ты ждешь меня на огонек.

К себе ты в гости не заманишь.

Меня ты больше не обманешь.

Твой свет идет, туманов сквозь.

Тебя увидела насквозь.

Не мучь себя, не мучь меня.

Улыбкой нежною маня.

И голосочком, шелест трав.

Тебе скажу я, ты не прав.

Проходит все, пройдет и это.

Останешься ты без ответа.

Я не былинка, не сломаешь.

И ты не льдинка, не растаешь.

Все. Наше время утекло.

И пылью были занесло.

Улыбнись. Пока. Не кисни.

Увидимся в следующей жизни.

Похмелье.

От любви я пьяная, по земле хожу.

На тебя красивого, с улыбкой я гляжу.

Какая я счастливая, словами не сказать.

Не мыслями, не рифмами, пером не описать.

На беду, тебя я повстречала, на беду.

На виду, тебя я целовала, на виду.

Говорила мама мне, не спеши.

Полюбила мама я, не взыщи.

Но была короткая, у него любовь.

Сердце разрывается, закипает кровь.

Не коза упрямая, уйду коль нет любви.

Ты не ходи за мною, напрасно не зови.

Как без него на свете жить, ума не приложу.

Везде ищу ответ, его не нахожу.

А после сладкого веселья.

Приходит горькое похмелье.

Любовь приходит звонкая.

Глаза, мосты горят.

Похмелье штука тонкая.

В народе говорят.

Зачем.

Я уйду, а ты останься.

И подумай о себе.

Ты зачем в бесовской стае.

Привораживал к себе.

Ты зачем ночами плакал.

О любви зачем просил.

Ты зачем в такую слякоть.

Ко мне ночью приходил.

И зачем цветы в окошко.

И стихи читал в слезах.

Поиграл со мной немножко.

Полюбил чуть-чуть в стихах.

Который день без сна я маюсь.

И думаю лишь о тебе.

Который день в слезах купаюсь.

Ты бы подумал обо мне.

Когда с другою кувыркался.

На сеновале в прошлый раз.

Ты тоже с ней потом расстался.

С другой опять пошел в отказ.

Пришел ты снова поиграться.

Что, моя очередь пришла.

Сказала, нужно нам расстаться.

Другого я себе нашла.

Пусть больно сделаю, я знаю.

Пусть не забуду по судьбе.

Но лучше раз себя сломаю.

Чем по кусочкам рвать, тебе.

Молодость.

Я такая рьяная.

От весны круженья.

Я чуть-чуть усталая.

От птиц звонких пенья.

Я шальная, пьяная.

От твоей улыбки.

Я чуть-чуть упрямая.

От своей ошибки.

За тобою не пойду.

Без тебя счастливая.

Молодость, опять уйду.

Потому, что сильная.

Мне так хочется плясать.

Мне открыты все дороги.

Мне так хочется бежать.

Разбивая ноги.

Мне так хочется смеяться.

Целовать цветы.

И всем встречным улыбаться.

Улыбнулся ты.

Я любовь свою нашла.

Закачу всем пир.

Молодость ко мне пришла.

Я люблю весь мир.

Недотрога.

Позволь мне недотрога.

Мне нужно так немного.

Кричала недотрога.

Прочь с моего порога.

Я лучше буду маяться.

Чем потом долго каяться.

Охотников вас много.

Попутной вам дороги.

Когда достойного я встречу.

Тогда к нему приду я вечером.

А вас таких, хоть пруд пруди.

Сказала всем. Прочь уходи.

Осталось время так немного.

Взрослеет быстро недотрога.

И трудно ей беречь свой дар.

Внутри горит любви пожар.

Где ж ты достойный – приходи.

Сердце горит внутри груди.

Еще немного подожду.

Пожар в груди твоей зажгу.

Я знаю, ты ко мне придешь.

Я знаю, ты меня найдешь.

Полна любви моя душа.

Лишь ты узнаешь, как я хороша.

Всегда с тобой.

Я не прощалась, я прощала.

Любить тебя не обещала.

И верной быть я клятву не давала.

Просто любила и страдала.

Как крест, несу свою любовь.

Люблю и открываю тебя вновь.

С годами мне любовь нужней.

Становится и крепче, и нежнее.

Уж ревностью тебя не обижаю.

Сама внутри себя сжигаю.

Я поняла мне без тебя не жить.

Зачем любовь свою душишь

Я торопить не стану время.

Я на алтарь положу бремя.

Морщинами ты станешь покрываться.

Никто не запретит тобою любоваться.

Когда тебя совсем не станет.

Любить тебя не перестану.

Я буду знать ты где-то есть

Ты не уйдешь отсюда весь.

В моей душе оставишь след.

И я уйду за тобой вслед.

Уйду к тебе, тебя любя.

Зачем мне мир, где нет тебя.

Адские глаза.

Твои глаза, как искры ада.

Как ручейки из водопада.

Бесенка два в тебе горят.

Волнуют кровь, разврат творят.

Смотреть в них просто невозможно.

Иметь их, это же Безбожно.

Сжигают все, твои два глаза.

Не Божий свет, бесовские алмазы.

В них бешеный огонь не мал.

Бес от вулканов зажигал.

Сжигают душу, варят кровь.

Глаза закрою – вижу вновь.

Твои глаза, исчадь ада.

Бесовский свет, бесят бригада.

Все обжигают, жгут вокруг.

Хозяин глаз, ты видно плут.

Ты меня в сети заманил.

Любовью горькой заморил.

Испепеляешь в ад маня.

Скажу тебе я – чур меня!

Роза и нарцисс.

Влюбилась роза чайная.

В нарцисс, так нечаянно.

Как обратить его внимание.

Страдала она манией.

Свой аромат прекрасный источает.

Его вниманье обращает.

Но роза так еще юна.

Свою красу, честь берегла.

Нарцисс уже готов, влюбился.

Но ее чести так и не добился.

Ее напором не возьмешь.

Она не хочет лечь под нож.

Вокруг нарцисса выются губки.

Прекрасной, нежной незабудки.

Качают дружно, словно пташки.

Цветочки разные, милашки.

Прекрасной розы аромат.

Забыть готов, он был бы рад.

Но лепестки его так манят.

Так шелестят, его дурманят.

У гордой розы есть шипы.

Нарцисс, ведь гордый тоже ты.

Роза измены не прощает.

Но о любви всегда мечтает.

О чистой, светлой, неземной.

Ветер, туман, не беспокой.

Кузнечик улыбнулся, на нарцисс присел.

И за ночь тихо, лепестки все съел.

Откровение.

Всех поражаем, всеми поражаясь.

Мы умираем, снова нарождаясь.

И с каждым годом мы стареем.

Не факт, с годами мы мудрее.

А то, что раньше было стыдно.

Мы вспоминаем и обидно.

Себя жалеем, других не прощая.

Уходим тихо, ни с кем не прощаясь.

Клубок пытаемся распутать.

Влезаем в новые мы путы.

Мы в одиночестве погрязли.

Хотя друзей вокруг как грязи.

Клеймо на каждого мы ставим.

Потом любить себя заставим.

Маску тщеславья надеваем.

И смело по земле шагаем.

Себя возвысив, других судим.

А на ковре, все мы там будем.

На стоны, плачи мы глухие.

А на веселье, мы другие.

Что с нами в жизни происходит.

Мы что-то ищем, не находим.

Другие ценности по жизни нас прельщают.

Удачу, счастье в жизни обещают.

А сами то чего мы стоим.

Мы думаем, что ходим строим.

Как пауки, в огромной душевной банке.

Кусаемся, но тихо сидим в танке.

Всех обвинять порой не сложно.

Задуматься, однако можно.

Если живешь, не пропускай сквозь мозги.

То не увидишь ты не зги.

Единство.

Моя душа всегда со мной.

Единство мысли и мечты.

Моя душа всегда с тобой.

Она всегда с тобой, где ты.

Моя душа, где небо и земля.

Там, где леса и океаны.

Она там, где вселенная вся.

Где звезд скопление, где туманы.

Она болит, где дети умирают.

Где пули свищут и гранаты рвутся.

Она болит, где целые народы голодают.

Она болит, где реки крови льются.

Моя душа всегда с тобой.

Знай, ты не одинок в вселенной.

Я мыслью создаю тебе покой.

Тебя укрою радостью нетленной.

Подумай обо мне, побудь со мной.

С источника любви напейся.

Подумай обо мне и я с тобой.

В моей любви душой согрейся.

-

-